Д02
П685

ПРАВО и ЖИЗНЬ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

профессоров А. М. Винавера, М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина.

ЖУРНАЛ

посвященный вопросам права и экономического строительства.

Год издания 3-й.

1924 г.

Книга вторая.

Издательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ".
МОСКВА,
ул. Кропоткина (б. Пречистенка), 17. Телефон 1-63-64.

МАЙ 2008

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПРАВО и ЖИЗНЬ".

МОСКВА, ул. Кропоткина (б. Пречистенка), 17. Тел. 1-63-64.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1924 г.

на ежемесячный журнал

„ПРАВО и ЖИЗНЬ".

Под редакцией профессоров:

А. М. Винавера, М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина.

Журнал посвящен вопросам права и экономического строительства.

Журнал издается в об'еме 6—7 листов в месяц.

Подписная цена на 1924 год с доставкой и пересылкой 10 черв. руб., на 6 мес. 6 руб., на 3 мес. 3 руб.

Комплект за 1923 г. 6 руб. зол.

ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

ЮРИДИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

НА 1924 ГОД

в двух частях:

ЧАСТЬ I.—Справочник Юриста.

ЧАСТЬ II.—Движение законодательства в 1923 г.

Цена в картонном переплете 2 руб. 25 коп. зол.
в лучшем коленкоров. 2 руб. 50 коп. зол.

Заказы направлять в ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО Н. К. Ю.

МОСКВА, Кузнецкий мост, 7.

Б. Перелыгин
1924.

ПРАВО и ЖИЗНЬ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

профессоров А. М. Винавера, М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина.

ЖУРНАЛ

посвященный вопросам права и экономического строительства.

Год издания 3-й.

1924 Г.

Книга вторая.

Издательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ".
МОСКВА,
ул. Крапоткина (б. Пречистенка), 17. Телефон 1-63-64.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Стремясь, в целях наиболее успешного достижения задач, преследуемых журналом (см. № 1, 1922 г., стр. 3, ст. „Наши задачи"), к всестороннему и полному освещению научных проблем, Редакция не стесняет сотрудников и членов своей коллегии в возможности высказывать на столбцах журнала „Право и Жизнь" теоретические воззрения, которые не вполне совпадают с точкой зрения редакционной коллегии.

Главлит 18174. Тираж 2.000.

Тип. Центр. Т-ва «Коопер. Издат.». Москва, Б. Дмитровка, 26.

Владимир Ильич ЛЕНИН.

22/10 апреля 1870 г.—21 января 1924 г.

В большом количестве статей, написанных под свежим впечатлением кончины Владимира Ильича Ленина, широко освещен был смысл его революционно-политической работы, ярко и сильно зарисован был интеллектуальный и эмоциональный облик скончавшегося революционера.

Все написанное и сказанное исходило, по преимуществу, от ближайших товарищей покойного, участвовавших в государственной работе последних лет, а отчасти проделавших совместно с ним и долгий путь революционной деятельности внутри одной партийной организации,—и это обстоятельство сообщало большую ценность тому, что широкие массы узнали в траурные дни. Ценно оно потому, что людям, не вошедшим интимно близко в атмосферу работы социалиста и революционера, трудно вполне ориентироваться в психологии и внутреннем значении революционного движения вообще и тех форм его, которые даны историей последнего времени, начиная с великой французской революции. Это в известной степени верно не только в отношении рядовой обывательской массы, но даже и в отношении тех представителей интеллигенции, которые вращались в обстановке мирной общественной деятельности или были заняты исключительно научной работой, хотя бы и в области тех же общественных вопросов.

В настоящей заметке дается посильная краткая оценка личности Ленина и намечаются кратко же направления, по которым пойдет научная мысль в ее попытках ориентироваться в наследии В. И. Ленина, Ленина—революционера, социалиста, политика и писателя.

Своеобразие и крупное историческое значение личности Ленина, признанные многочисленными его противниками, заключается в синтезе в нем черт социалиста-теоретика, революционера и политика. Когда думаешь об этом, мысль невольно обращается к той коллизии революционного духа и эволюционных течений, которая так характерна для XIX века. В этой коллизии столкнулись две системы, два мировоззрения.

Если допустить, говорят носители революционной идеи, что некоторые ревизионисты и тяготеющие к ним последователи Маркса были свободны от скрытых классовых симпатий и являлись лишь бесстрастными судьями исторической, экономической и социологиче-

ской теории Маркса—Энгельса, то нужно в то же время признать, что если не источником, то *результатом* их теории и политической практики было угашение революционного духа пр летариата и социально-демократической интеллигенции; но дух революционный неугасим в фабричном пролетариате и в сельском батрачестве, пока существует капиталистическая эксплоатация труда и неизменно связанное с нею принижение человеческой личности, пока социальные уступки угнетенным массам даются в меру, определяемую политическим влиянием и экономической силой буржуазии, в меру, только немного расширяемую страхом перед социальной революци й, и пока возможны такие явления, как последняя мировая война. Следовательно, поскольку исторически сложившаяся современная политическая демократия сочетается с указанными основными чертами современного социального строя, постольку революционная ненависть к капиталистической системе имманентно присуща современному рабочему, независимо от какой бы то ни было интеллигентской пропаганды; смягчающему же влиянию социальных реформ будет неизменно противодействовать растущее самосознание рабочего класса, как влиятельнейшего фактора в современной системе производства.

С другой стороны, в душе пролетаризованного интеллигента, приобщившегося к этой атмосфере ненависти к социальному гнету, интеллигента, ощущающего всю дисгармонию, присущую капиталистическому общественному строю, и способного, кроме того, впитать в себя, претворить страсть и горечь революционных движений, подавлявшихся в течение бесконечного ряда веков,—в душе этого интеллигента неизменно будет возрождаться дух восстания (Уитман, Верхарн), дух Бланки и Бакунина, дух революции, бесспорно живущий и лишь модифицированный вширь и вглубь в научной системе Маркса—Энгельса.

Возникающая отсюда потребность в революционном действии борется против того представления об автоматизме социальных процессов, которое заметно выступает в ревизионизме.

В лице Ленина был впервые осуществлен синтез острого аналитического ума, обогащенного современной общественной наукой, страстного и деятельного устремления к социальной революции, организатора и вождя революционных масс и выдающихся способностей государственного деятеля.

Говорить о глубоких последствиях политической деятельности Ленина последних лет—это значит говорить о достижениях русской революции: совершенно невозможно без подробного рассмотрения отдельных моментов, изгибов и поворотов революционного процесса точно взвесить роль Ленина в этих событиях. Перечень этих достижений был бы условен и неполон, и значение Ленина не было бы четко выделено: *революция и Ленин*—это ясно для всех—*неразрывны*.

В процессе событий этих революционных лет из русской жизни, обильно насыщенной пережитками феодального строя, последние были окончательно искоренены. Глубоко всколыхнулись безбрежные русские массы, приобщившись к политической жизни. В школе, прессе, литературе и самым ходом хозяйственного процесса последних лет внимание различных социальных слоев приковывается к вопросам коллективистической организации общества Все это—актуальные, бесспорные в некоторых достижениях факты русской жизни. Существенным является и тот факт, что союз советских республик служит в международном масштабе как бы реактивом, выявляющим классо-

вые факторы внешней политики культурнейших и менее культурных государств Европы, Америки и Азии.

И в центре этих глубочайших процессов отчетливо для всего мира выступает личность революционера-политика Ленина.

Общественная наука неизбежно примет богатейший материал, оставляемый Лениным, как писателем и политическим деятелем.

В литературном и научном наследстве Ленина проявляется такое исключительное своеобразие личности, в нем имеются столь разнохарактерные и разноценные элементы, что попытка наметить, хотя бы в общем виде, пути будущего исследования потребовала бы ряда специальных статей,—здесь же ограничимся лишь краткой характеристикой.

Занимая рядом с Марксом, Плехановым, Каутским и другими крупнейшее место среди писателей революционно-марксистского направления, Ленин, подобно им, поражает *разнообразием* литературно-научных интересов. Самое крупное, что дала революционно-марксистская мысль после Маркса в критическом анализе основ общественной науки буржуазного направления, содержится в работах Каутского, Кунова, Гильфердинга, Розы Люксембург, Плеханова и Ленина. Но Плеханова, Каутского и Ленина выделяют их широкие по размаху, предполагающие обширное образование, опыты твердого обоснования революционно—марксистского мировоззрения.

Ленин—писатель остался в стороне от обширной области истории и не дал таких образцов исследований по истории общественной мысли, литературы, философии и общественных, с применением марксистского метода, какие оставили Маркс, Плеханов и Каутский. В нем слишком проявился сосредоточенно-действенный интерес к современности, и все напряжение его ума направлено к изучению сил, определявших статику и динамику общественной жизни последних 30 лет. Поэтому в области философии он дал остро критический анализ современных философских течений, пользующихся широким влиянием и оформляющих мировоззрение различных общественных групп в современной исторической обстановке.

Вопросы, охватываемые наукой о государстве, в теоретической работе Ленина поставлены с точки зрения предельных возможностей социального развития в рамках политической демократии и предположительной конструкции государства периода пролетарской диктатуры.

В ряду названных крупнейших представителей марксизма последних десятилетий Ленин особенно ценен и выразителен в экономических исследованиях, которые обнаруживают большую осведомленность, вкус к обработке относящихся сюда материалов и продуманность метода, и это сближает его с другой группой исследователей-марксистов, как Гильфердинг, Роза Люксембург.

Научное значение таких работ, как „Развитие капитализма в России“, „Империализм, как новейший этап капитализма“, „Новейшие данные о законах развития капитализма в земледелии“, настолько велико, что их ни один экономист не может обойти.

Но будучи по преимуществу политиком, политиком-революционером, государственным деятелем, работа которого развертывалась в свете определенной научной системы и ею импульсировалась, Ленин дал в своих бесчисленных статьях, брошюрах и книгах политического характера, охватывающих вопросы революционного разрушения и революционного строительства, своеобразный материал для общественной науки. Дифференцировать этот материал по двум основ-

ным направлениям научной мысли—научной теории и научной политики—в этом трудная, но вместе с тем и благодарная задача для исследователя.

Если экономист примется за изучение эволюции хозяйственной жизни революционной эпохи или он станет резюмировать вопросы экономической политики, он найдет у Ленина интересные характеристики моментов экономического развития и освещение целевых точек планомерной организации экономики страны.

Как государствоведу, конструирующему тип и организацию государства длительной пролетарской диктатуры, так и цивилисту, задумывающемуся над организационными задачами гражданского права в условиях этой диктатуры и криминалисту—социологу и политику, и процессуалисту, для которых рядом с интересами общественного целого обязательно становятся гарантии личности,—всем им в разработке занимающих их вопросов необходимо проследить и общие задачи эпохи, как они ставятся в бесчисленных статьях Ленина, и те практические уклоны, которые подсказывались ему потребностями текущего революционного дня.

Резюмируя эту краткую заметку, можно сказать, что Ленин, ушедший в вечность, оставил не только неизгладимое впечатление самым смыслом своей личности, но и дал поучительные критерии для всякого, кто научно осмысливает быстрый поток современной жизни и кто выполняет ту или иную общественную работу в условиях советской России.

Продажа с рассрочкой платежа.

(Критические замечания по поводу Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10 октября 1923 г. и ст. ст. 107—114 Проекта Торгового Свода) [1]).

В октябре 1923 г. было опубликовано постановление ВЦИК и СНК РСФСР о купле-продаже с рассрочкой платежа от 10-го октября 1923 г. (Изв. ЦИК'а СССР от 14-го октября 1923 г. № 235). Закон этот по своему практическому значению заслуживает вполне понятного внимания. Интерес к нему усиливается еще тем обстоятельством, что в вышедшем недавно Проекте Торгового Свода СССР [2]) этот закон повторяется в ст. ст. 107—114 дословно (если не считать опечатки в ст. 112, где вместо слова „неуплаченный" напечатано „уплаченный") [3]). Как известно, институт купли-продажи с рассрочкой платежа существованием своим обязан заботам законодателя о малоимущих слоях населения. Профессиональные торговцы, стремясь к увеличению сбыта, нередко продают свои товары в рассрочку, т. е. в кредит и с погашением долга по частям периодическими и, притом, неболь-

---

[1]) В настоящей статье мы ограничиваемся лишь критическими замечаниями, не нашедшими себе места в нашем, вышедшем недавно комментарии „Купля-продажа и мена", 1924 г., изд. „Право и Жизнь", стр. 60—75.

[2]) Издание Комиссии по внутр. торговле при СТО, 1923 г.

[3]) Мы оставляем в стороне незначительное (и, быть может, случайное) расхождение в редакции ст. I Постановления и соответствующей ей ст. 107 Проекта. Здесь, вместо слов: „и мелко-промышленного предприятия", в тексте Проекта значится: „или мелкопромышленного предприятия". Не имеет значения и вставка в текст примечания к ст. 108 Проекта (соответствует примечанию к ст. 2 Постановления) слова „также".

шими взносами. Этот способ продажи облегчает доступ к товарам и захватывает широкие круги населения, — такие круги, которым, по ограниченности их средств, приобретение вещей на обычных условиях договора (наличный расчет либо простая форма кредита) было бы не под силу. Тем самым достигается обоюдная выгода: с одной стороны торговцы расширяют рынок своего сбыта, а с другой — малоимущие граждане, не прибегая к займам и не обременяя слишком своего скудного бюджета, приобретают нужные им вещи (инструменты, обстановку, одежду и пр.). Многие фабрикаты могут найти, благодаря институту купли-продажи с рассрочкой, весьма широкий сбыт как в городах, так и в деревне. Но, как показал еще дореволюционный опыт, продажа в рассрочку при отсутствии законодательной регламентации легко может обратиться в средство жестокой эксплоатации. Ловкому продавцу ничего не стоит опутать и экономически поработить своего малоимущего клиента-покупщика: для этого достаточно включить в договор соглашение о непомерно большой неустойке на случай неисправности покупщика либо о праве продавца отобрать вещь при просрочке хотя бы одного очередного взноса и т. п. Этой опасностью и об'ясняются стремления законодателя ограничить произвол продавцов и оградить интересы покупщиков. Постановление ВЦИК'а, подобно соответствующим законодательствам западно-европейских стран, обращает куплю-продажу с рассрочкой платежа в особый, *льготный для покупщика* вид договора купли-продажи в кредит, и тем идет навстречу назревающей уже в настоящее время потребности нашего гражданского оборота [1]).

---

[1]) Приводим текст рассматриваемого Постановления от 10 октября:

„В дополнение общих положений Гражданского Кодекса о купле-продаже (ст.ст. 180—205) розничная продажа с рассрочкой платежа предметов домашнего обихода, ремесла, профессий, оборудования сельского хозяйства, домовладения, кооперативного и мелкопромышленного предприятия в тех случаях, когда предмет продажи предназначается для длительного пользования покупателя (а не для иного назначения, напр., потребления или перепродажи), должна быть совершаема под страхом недействительности, с соблюдением правил, изложенных в нижеследующих статьях.

Ст. 2. Соглашение о розничной продаже с рассрочкой платежа, независимо от стоимости предмета продажи, должно быть совершено в письменной форме и должно содержать в себе точное обозначение продаваемого имущества, покупной его цены, способа пользования, срока передачи, а также сроков и размеров платежей. Соглашение составляется в двух экземплярах, один из которых вручается покупателю.

Примечание: В соглашение о розничной продаже с рассрочкой платежа может быть включено обязательство покупателя страховать приобретенное в рассрочку имущество.

Ст. 3. До полной уплаты продавцу цены за проданное в рассрочку имущество покупателю запрещается перепродавать, закладывать или другим каким-нибудь способом передавать третьим лицам это имущество, а равно пользоваться имуществом такими способами, которые явно несвойственны природе имущества и ведут к его бесхозяйственному уничтожению или порче. Нарушение настоящего запрещения с корыстной целью карается по ст. 185 Угол. Кодекса.

Ст. 4. О всяком обращении со стороны третьих лиц взыскания на имущество, проданное в рассрочку, покупатель обязан немедленно и во всяком случае не позже 3-х дней со дня получения повестки об исполнении или состоявшейся описи упомянутого имущества уведомить продавца. Неисполнение этой обязанности, повлекшее продажу имущества с имущественной выгодой для покупателя в виде, например, полного или частичного освобождения покупателя от задолженности его третьему лицу, карается по ст. 185 Угол. Код.

Ст. 5. В случае невзноса покупателем 3-х последовательных платежей продавец, не желающий ограничиться взысканием их с прибавлением узаконенных процентов (ст. 110 Гражд. Код.), в праве потребовать уничтожения договора купли-продажи и возвращения проданного имущества, а также особой платы за пользование имуществом со дня передачи покупателю по день возвращения продавцу в размере и по правилам, установленным по договорам имущественного найма на такое же имущество в данной местности. В сумму этой особой платы засчитываются платежи, ранее произведенные покупателем по уничтоженному

I.

Переход права собственности. К сожалению, ни Постановление ВЦИК'а, ни Проект Торгового Свода не дают ответа на вопрос, который, как показала судебная практика, является самым важным, почти центральным в данном виде купли-продажи. Кому принадлежит по праву собственности вещь, проданная с рассрочкой платежа? Покупщику или продавцу? Представим себе, что госучреждение или госпредприятие продает с рассрочкой платежа какую-нибудь вещь частному лицу; последнее 1—2 недели спустя отчуждает купленную вещь постороннему, третьему лицу, действующему добросовестно; может ли госпредприятие (продавец) на основании ст. 60 (в конце) Гражданского Кодекса [1]) виндицировать эту вещь? Правильный ответ на поставленный вопрос может быть дан лишь по выяснении основной конструкции рассматриваемого юридического отношения. Если право собственности по договору к.-п. с рас. пл. переходит к покупщику, госпредприятие в приведенном выше случае виндицировать вещь не может; если же признать, что собственником остается продавец,—виндикация этой вещи госпредприятием вполне допустима.

Равным образом, предварительное выяснение вопроса о переходе права собственности необходимо и в тех случаях, когда речь идет об обращении кредиторами взыскания на имущество, фактически находящееся в распоряжении должника, но купленное им у постороннего лица с рассрочкой платежа. Одно дело, если эта вещь принадлежит должнику по праву собственности: тогда кредиторы обращают на нее свое взыскание, и продавец может воспользоваться лишь правом, предусмотренным ст. 313 Гр.-Проц. Код., т. е. заявить о своем долговом требовании из к.-п. с рассрочкой платежа, участвовать в распределении суммы, вырученной от публичной продажи, на-ряду со всеми про-

---

договору купли-продажи в рассрочку, а если произведенные платежи уже превысили эту сумму, то излишек должен быть возвращен покупателю одновременно с возвращением им проданного имущества.

Примечание: Если просроченные покупателем платежи вместе с платежами, которым срок еще не истек, а равно и причитающимися с покупателя для окончательного расчета, составят в совокупности менее сорока процентов (40 проц.) общей стоимости проданного имущества, то в этом случае продавец в праве лишь потребовать от покупателя единовременной уплаты всей неуплаченной суммы.

Ст. 6. В случаях уничтожения, утраты или существенной порчи проданного в рассрочку имущества при условиях, не подпадающих под действие ст. 3 (отсутствие корыстной цели и т. п.), продавец в праве потребовать от покупателя единовременной уплаты всей остальной неуплаченной за то имущество суммы, разве бы покупатель доказал, что уничтожение, утрата или порча проданного в рассрочку имущества произошли вследствие обстоятельств, за которые он не отвечает. В последнем случае покупатель освобождается от уплаты всей неуплаченной им за это имущество суммы, а внесенные уже им платежи остаются в пользу продавца.

Ст. 7. Подсудность исков, вытекающих из договора купли-продажи с рассрочкой платежа и пред'являемых продавцом к покупателю, устанавливается исключительно по месту жительства покупателя в момент пред'явления иска.

Ст. 8. Вышеизложенные правила должны применяться также и к отношениям из купли-продажи с рассрочкой платежа, облеченным в форму иного договора (ст. 35 Гражд. Кодекса). Всякие соглашения, направленные к отмене, обходу или изменению настоящих правил, недействительны, и если они явно превышают обычную для данной местности норму вознаграждения и связаны с использованием стесненного положения покупателя, то за таковые соглашения продавцы караются по ст. 193 Угол. Кодекса".

[1]) „Государственные учреждения и предприятия могут истребовать от всякого приобретателя принадлежащее им имущество, незаконно отчужденное каким бы то ни было способом".

чими кредиторами и получить, быть может, лишь часть причитающейся ему за проданную вещь цены.

Другое дело, если признать, что вещь принадлежит не должнику, а лицу, у которого она была куплена с рассрочкой платежа: тогда кредиторы покупщика обратить взыскания на эту вещь не могут, т. к. продавец, как собственник вещи, „пред'являет на арестуемое имущество свои права" во время наложения ареста (ст. 277 Гр-Проц. Код.) или позднее, и тогда вещь от описи освобождается.

В виду изложенного нельзя не пожелать скорейшего внесения надлежащей отчетливости и ясности в определение юридического положения вещи, отчуждаемой по договору к.-п. с рассрочкой платежа.

II.

Об'ект договора При ближайшем ознакомлении с текстом закона о продаже в рассрочку, прежде всего бросается в глаза попытка дать по возможности исчерпывающий перечень предметов, относительно которых такой вид продажи допускается.

В качестве об'ектов в законе фигурируют: „предметы домашнего обихода, ремесла, профессии, оборудования сельского хозяйства, домовладения, кооперативного и мелкопромышленного предприятия в тех случаях, когда предмет продажи предназначается для длительного пользования покупателя (а не для иного назначения, напр., потребления или перепродажи)". Итак, из рассмотрения этого перечня явствует, что из числа имущественных об'ектов, допущенных законом к обращению в гражданском обороте, не могут быть проданы с рассрочкой платежа по закону 10 октября строения (безразлично,—жилые или нежилые), торговые и промышленные предприятия и всякого рода ценности, не имеющие физического субстрата (авторское право, право требования и проч.). Допускается, и не без основания, в отличие от прежнего закона действовавшего до революции, продажа с рассрочкой платежа домашнего скота и проч. животных. Но, с другой стороны, приведенный в законе перечень создает, если следовать букве закона, препятствия к допущению продажи с рассрочкой платежа вошедших уже в наш гражданский оборот ценных бумаг (выигрышные билеты). Нелишним было бы разрешить в законодательном порядке и этот вопрос [1]).

Далее, относительно об'ектов договора к.-п. с рас. пл. возникают большие сомнения по поводу так называемых *потребляемых* вещей, т. е. таких, которые уничтожаются непосредственно при их обычном использовании (топливо, съестные припасы и проч.). С одной стороны, ст. 1 Постановления запрещает продажу с рас. пл. вещей, предназначенных для потребления, а с другой стороны, ст. 2, значительно смягчает такой ригоризм указанием на то, что соглашение о прод. с рас. пл. должно содержать в себе „точное обозначение... способа пользования" отчуждаемым имуществом. Таким образом, в порядке толкования (но только толкования) можно притти к выводу, что в виде исключения, по специальному уговору сторон, и в зависимости от своеобразных условий определенного конкретного случая, может быть отчуждена с рас. пл. и вещь потребляемая. Таким образом, следовало

---

[1]) Ценные бумаги, как средство накопления, резко отличаются по характеру своему от тех видов имущества, о которых говорит рассматриваемый закон.

бы признать юридически допустимым такой, напр. договор, в силу которого крестьянин в апреле месяце покупает с рас. пл. запас семян для посева озими, обязуясь погасить свой долг к концу июля периодическими взносами, уплачивая в начале каждой недели по столько-то рублей. В этом и подобном ему случаях было бы крайне нецелесообразно отрицать наличие к.-п. с рас. платежа. В самом деле, к чему привело бы такое отрицание? К возможности безнаказанного устранения из договора путем формально-правильного соглашения сторон (но, быть может, по настоянию и даже под экономическим давлением более состоятельного продавца [1]) тех привилегий и льгот, которые закон признает за лицом, купившим имущество с рас. пл., и которые являются обязательными, неотъемлемыми составными частями такого договора. Было бы полезно разрешить и этот вопрос, не связывая его судьбу с выводами, не всегда однообразного, по своим методам и подходу к проблеме,—узуального (в частности, судебного) толкования закона.

Что касается об'ектов договора и цели, для которой вещи приобретаются, заслуживает внимания как ст. 1 Постановления, так и ст. 2 (в начале) и самый заголовок Постановления, — одним словом, все те места, где упоминается о допустимости продавать с рас. пл. лишь в розницу. Таковая оговорка, в сущности, ничего нового не дает: приобретение больших партий товара оптом для коммерческих целей и без того предусмотрена и запрещена ст. 1 Постановления, где мы находим запрет приобретать с рас. пл. имущество в целях дальнейшей его перепродажи. Между тем, термин, „в розницу",—в изобилии разбросанный по статьям и заголовку Постановления, может дать неправильный толчок судебной практике и в конкретных случаях, в виду неясности терминов „в розницу" и „оптом", может почти вразрез с идеей самого закона. Почему, например, нельзя признать наличие договора продажи с рас. пл. со всеми его последствиями в таком соглашении: кооперативные бухгалтерские курсы покупают в большом количестве „оптом" и по оптовым ценам большую партию стульев, столов и проч. школьной мебели для оборудования своего учебного заведения, при чем причитающуюся с их цену обязуются уплачивать периодическими, равными взносами?

Вывод: термин „в розницу" было бы полезно исключить как из заголовка, так и из текста отдельных статей Постановления.

III.

Суб'ект договора. Согласно ст. 1, Постановление 10 октября применяется лишь к соглашениям, в которых в роли покупщика фигурируют экономически слабые покупщики (не считая кооперативов). Так, например, из промышленных предприятий, покупать с рассрочкой платежа могут лишь предприятия *мелкие.*

Норма эта вполне понятна с точки зрения мотивов, положенных в ее основание: крупное предприятие не нуждается в льготах, предоставляемых малоимущим гражданам и хозяевам мелких предприятий. Путем толкования можно притти к выводу: 1) хозяевам крупных предприятий не возбраняется покупать предметы оборудования с

[1]) Хотя бы и при отсутствии признаков, делающих возможным применение в данном случае ст. 33 Гражд. Код. (недействительность сделки, заключенной с явной невыгодой для потерпевшей стороны).

рас. пл. по закону 10 октября и 2) по смыслу ст. 1 разница между хозяевами мелких и крупных предприятий сводится лишь к следующему: льготные трафаретные постановления, защищающие интерес покупщика в первом случае (т.-е. когда в роли покупщика выступает малоимущий суб'ект)—строго принудительны и не могут быть устранены произволом сторон, между тем как во втором случае (т.-е. когда в роли покупщика выступает хозяин крупного предприятия), стороны могут вполне законно по своему усмотрению видоизменить трафарет закона и установить ряд положений, ухудшающих положение покупщика. Желательно было бы, чтобы этот принцип, повидимому вполне бесспорный, нашел себе прямое отражение непосредственно в самом законе, текст которого и в этом отношении не совсем отчетлив [1]).

IV.

Форма договора. Ст. 2 Постановления гласит: „Соглашение о розничной продаже с рассрочкой платежа, независимо от стоимости предмета продажи, должно быть совершено в письменной форме... соглашение составляется в двух экземплярах, один из которых вручается покупателю".

Вряд ли законодатель действительно имел в виду обязанность сторон составлять два экземпляра договора. Нужно думать, что с формальной стороны здесь не два, а один подлинный договор и копия с него. При определении размера гербового сбора это соображение далеко не безразлично: договор купли оплачивается пропорциональным гербовым сбором 1-го разряда, т.-е. в размере $^1/_{20}$% с цены договора, а копия—всего лишь в размере $^1/_{10}$ части того сбора, который причитается с подлинника.

В ст. 2 на-ряду с необходимыми реквизитами договора, отсутствие которых должно сделать договор недействительным (например, отсутствие цены) фигурируют и другие,—не существенные. Существенного, в большинстве случаев, значения не имеет упоминание о *способе пользования* имуществом: допустим, что покупается с рас. пл. граммофон, неужели необходимо указать в самом тексте договора, что данный граммофон покупается для услаждения слуха? „Точное" обозначение имущества в тексте договора, в отдельных случаях, значения тоже никакого не имеет, ибо пропуск этот восполняется другим фактическим моментом—передачей имущества. Представим себе, что я продаю имущество, обозначив его в договоре весьма *неточно* словом *лошадь* или *собака* или *швейная машина*, но фактически я передаю, а покупщик принимает от меня лошадь „Юпитер", собаку „Треф", швейную машину фирмы Pfaff, образца 1910 г., № такой-то, причем никакого спора о тождестве имущества покупщик не заявляет. Думается, что в этом случае никакого значения отсутствие в самом тексте договора *точного* обозначения имущества иметь не может Если же, с другой стороны, в ст. 2 желательно дать полный перечень действительно существенных и необходимых элементов письменного акта, тогда, в первую очередь, бесспорно следует упомянуть об имени и фамилии сторон, вступающих в договор, чего, однако, в ст. 2 мы не находим. Итак, принимая во внимание, что ст. 1 закона грозит признать недействительными все те договоры, в которых

[1]) Особого внимания заслуживает вопрос об уголовной ответственности (см. ниже) покупщика в случаях такого *добровольного* подчинения нормам закона 10 октября.

не соблюдены „правила изложенные в нижеследующих статьях“, т.-е. в ст. 2 [1]), последнюю статью надлежит пересмотреть, выкинув из ее текста ненужное и „опасное“ для контрагентов слово „точное“. Упоминание же о „способе пользования“ и „сроке передачи“—следует сделать необязательным.

Нельзя, наконец, не усмотреть излишнюю суровость в постановлении закона о недействительности сделки в случае несоблюдения сторонами письменной формы. Можно было бы в подтверждение договора допустить ссылку на всякое письменное доказательство согласно Гр. Код., ст. 136. Примеч.

V.

Ст. 3 закона грозит за отчуждение, уничтожение и порчу имущества, купленного с рассрочкой платежа, уголовной карой, предусмотренной в ст. 185 Угол. Кодекса

Ст. 185 Угол. Код., как известно, различает два вида уголовного деяния: 1) *присвоение*, т.-е. удержание имущества с *корыстной* целью и 2) растрату имущества, — безразлично с извлечением или без извлечения из такой растраты корыстной выгоды. Оба эти вида преступного деяния влекут за собой уголовную кару в виде принудительных работ или лишения свободы на срок не менее шести месяцев. Между тем, ст. 3 П становления грозит уголовной карой по ст. 185 Уг. Код. в случае перепродажи, заклада, передачи третьим лицам, бесхозяйственного уничтожения или порчи вещи лишь при наличии у покупщика *корыстной* цели. Понятие же корыстной цели нигде ни в уголовном, ни в гражданском законе не раскрывается [2]). В виду этого приходится использовать те указания, которые по этому вопросу можно извлечь из дальнейшей (4-й) статьи рассматриваемого закона о продаже с рас. пл. В этой статье мы читаем: „неисполнение этой обязанности, повлекшее продажу имущества с имущественной выгодой для покупателя в виде, например, полного или частичного освобождения покупателя от задолженности его третьему лицу, карается по ст. 185 Угол. Код.“. Таким образом, можно применительно и к ст. 3 притти к выводу, что корыстная цель, с точки зрения действующего закона, предполагает стремление к обогащению, к получению имущественной выгоды. Следовательно, корыстная цель отсутствует в тех случаях, когда вещь, купленная с рас. платежа, отдана кому-либо в дар, пожертвована в пользу какой-либо организации, и т. п.,— и потому такие способы распоряжения вещей ненаказуемы [3]). Путем дальнейшей дедукции можно притти к выводу, что и уничтожение купленной вещи (Угол. Код., ст. 196) — с точки зрения уголовного закона, деяние безразличное (даже если принять ту конструкцию, согласно которой до определенного момента—право собственности на вещь, купленную с рас. пл. и переданную покупщику, сохраняет продавец. См. выше).

Итак, мы приходим к выводу, что следует резко и точно подчеркнуть принципиальное различие между характером уголовного

---

[1]) В ст. 1 вместо в «нижеследующих статьях» правильнее было бы сказать—«в нижеследующей статье», ибо здесь имеются в виду предписания, касающиеся формы совершения договора, а о ней говорит лишь ст. 2.

[2]) Хотя термин «корысть» упоминается не в одной 185 ст. Угол. Код.: см. ст. 142 того же Код. (убийство «из корысти»).

[3]) Сравни ст. 6 рассматриваемого закона.

запрета, содержащегося в ст. 3 закона о к.-п. с рассрочкой платежа (карающего лишь за деяния корыстного характера) и запретом, содержащимся в ст. 185 Угол. Код., где наряду с корыстными деяниями (присвоение и некоторые виды растраты) возбраняются и некоторые деяния некорыстного (в установленном выше смысле слова) характера, (например, кассир раздаривает веселой компании шансонетных певиц вверенные ему денежные суммы).

VI.

В ст. 3 закон, запрещая определенный круг деяний, угрожает уголовной репрессией при наличии „корыстной цели", то есть, как мы выше расшифровали этот термин, — при намерении извлечения имущественной выгоды. Между тем, в ст. 4 уголовное возмездие по букве закона обусловлено не корыстной целью (субъективная сторона), а имущественно-выгодными последствиями (объективная сторона). Чем это вызвано? Ведь и в ст. 4 законодатель, несомненно, имел в виду установить уголовную кару лишь за деяния корыстного характера. Приходится сделать вывод, что редакция ст. 4, где отсутствует указание на корыстную цель (на умысел), нуждается в существенном изменении.

Та же ст. 4 порождает еще один недоуменный вопрос. Покупщик, гласит закон, обязан немедленно и во всяком случае не позднее 3-х дней со дня получения повестки об исполнении и т. д. уведомить продавца об обращении взыскания на купленное с рас. пл. имущество.

А для чего? Что может и должен сделать продавец, заблаговременно уведомленный покупщиком, согласно сей статье, о состоявшемся обращении взыскания на имущество? Ведь для того, чтобы избрать тот или другой род защиты, продавец должен знать, кто он— собственник или не—собственник проданной вещи. Если он собственник (и пока он таковой) он может защищаться ст. 227 Гр. Пр. Код.: „Если во время наложения ареста третьи лица предъявляют на арестуемое имущество свои права, исключающие возможность обращения на них взыскания за долги должника, то об этом делается в описи отметка".

Если же он не собственник, ему в утешение остается конкурировать с прочими кредиторами покупщика и прибегнуть к ст. 313 того же Кодекса. („Из полученной от продажи суммы покрываются расходы, ...а остаток поступает на удовлетворение обращенных на имущество взысканий"). Итак, мы снова приходим к выводу: закон должен с ясностью, не допускающей никаких сомнений и разномыслий, указать,—кто собственник—продавец или покупщик? Можно быть разных мнений по вопросу о том, следует ли законодателю приклеивать ко всем частно-правовым институтам и отношениям штампованные ярлыки юридических конструкций. Можно, наконец, даже стать на более радикальную точку зрения и признать, что не только конструкция, но и omnis definitio periculosa est. Но бывают случаи, когда о необходимой юридической конструкции сама жизнь вопиет к законодателю. Именно с таким случаем мы здесь имеем дело. Об этом неумолчно кричала судебная практика до революции, об этом будут свидетельствовать и судебные процессы завтрашнего дня. Нужно внять этому голосу жизни и твердо сказать—*да* или *нет*.

VII.

Ст. 5 предусматривает случаи и условия расторжения сделки к-п. с рас. пл. и по существу никаких замечаний не могла бы вызвать, если бы она была полнее. В самом деле, разве не логично, а в практическом отношении не целесообразно было бы в этой статье указать, что продавец в праве потребовать уничтожения договора не только в случае невзноса покупщиком 3-х последовательных платежей, но и в случае, когда доказано, что купленным имуществом он пользуется „такими способами, которые явно не свойственны природе имущества, и ведут к его бесхозяйственному уничтожению или порче" (ст. 3)? Вспомним, что эти деяния строго воспрещены законом, – запрещены под страхом уголовной кары (по крайней мере, в целом ряде случаев: см. выше). Такой поправки, в равной степени, требуют и логика и экономика.

VIII.

В ст. 6 мы не можем не отметить двух досадных недосмотров, которые в судебной практике могут создать несправедливые и в то же время внешне, по букве закона, правильные решения.

Первый недосмотр. В случае, если я уничтожил вещь, купленную с рас. пл., способом противозаконным, но не подпадающим под действие ст. 3, я обязан полностью уплатить продавцу ее стоимость, но если я уничтожил способом не только противозаконным, но еще притом и уголовно-наказуемым (подпадающим под действие ст. 3) я, согласно логическому выводу a contrario из текста закона, от уплаты освобождаюсь, и продавец должен довольствоваться привлечением меня к уголовной ответственности по ст. 185 Уг. Код. Этот недосмотр легко устранить, соответствующим образом перефразировав текст статьи (напр., „в случаях, не подпадающих под действие ст. 3, продавец тем не менее не лишается права взыскать" и т. д.).

Второй недосмотр. По буквальному смыслу закона покупщик освобождается от уплаты всей неуплаченной им за имущество суммы, если имущество уничтожено, утрачено или *испорчено* вследствие обстоятельств, за которые он не отвечает. Положение это безукоризненно постолько, посколько речь идет об уничтожении или утрате купленной с рассрочкой вещи. Но при *порче* вещи норма эта может почитаться справедливой и отвечающей цели, которую преследовал законодатель, лишь в некоторых случаях. Правильность нашего замечания позволим себе иллюстрировать маленьким конкретным примером. Куплена молотилка за 600 рублей с расс. пл. по 20 рублей в месяц. Через 5 месяцев от причин, в которых покупщик не повинен (напр. случайный пожар) молотилка пришла в такое состояние, настолько испорчена, что цена ей уже не 600, а 200 рублей. Ясно, что покупщик не освобождается от обязанности платить продавцу, хотя в данном случае „порча проданного в рассрочку имущества произошла вследствие обстоятельств, за которые покупщик не отвечает". Покупщик может требовать лишь понижения цены с 600 руб. до 200, из которых 100 уже внесено, а 100 он обязан уплатить периодическими взносами на прежних условиях—по 20 руб. ежемесячно. Итак, в ст. 6 надлежит оговорить, что случайная порча вещи освобождает покупщика от уплаты невнесенных им еще денег лишь тогда, когда стоимость купленной вещи после ее повреждения не превышает суммы

уплаченной продавцу покупщиком; в противном случае (то-есть, если стоимость ее все-таки, несмотря на повреждение, превышает уплаченную покупщиком сумму) — покупщик может требовать соответствующего понижения цены (с сохранением права погашать оставшийся долг периодическими платежами на прежних условиях).

IX.

В ст. 7 надлежало бы, в интересах гражданского оборота, оговорить, что, если с одной стороны, пред'явление исков, вытекающих из договора купли с расс. пл. и пред'являемых продавцом к покупщику, устанавливается по месту жительства покупщика в момент пред'явления иска, то с другой стороны, покупщик обязан извещать контрагента о всякой перемене своего места жительства. Неисполнение сей обязанности, в случае, если оно последствием своим имеет имущественный ущерб для продавца,—может повлечь за собой уголовную ответственность.

X.

В ст. 8 заслуживает внимания запрещение вводить в договор к-п. с расс. пл.: „всякие соглашения, направленные к отмене, обходу или изменению настоящих правил" под страхом их недействительности. Этот текст статьи 8 не дает точного выражения истинной воли и намерения законодателя. В самом деле, по буквальному смыслу этой статьи соглашение должно почитаться недействительным даже в том случае, если им установлены для покупщика льготы большие, чем то предусмотрено законом. Между тем, истинный смысл запрета сводится к следующему: недействительны лишь соглашения, которыми *отягчается положение покупщика*, ибо последний в договоре к-п. презюмируется, как сторона малоимущая. Соглашения же, которыми установлены для него льготы,—не оспоримы и пользуются полной защитой закона.

Здесь напрашивается лишь сомнение другого порядка. Возможны случаи, когда чрезмерные, по сравнению с постановлениями закона, льготы продавец предоставляет покупщику вследствие своей крайней материальной нужды (например, деревенский кулак покупает у крестьянина, впавшего в нищету, единственную его лошадь, выговорив, специальным соглашением, включенным в договор, право свое пропустить безнаказанно не три, а шесть очередных платежей и проч.). Достаточны ли в подобных случаях те общие способы защиты малоимущих контрагентов, которые мы находим в ст. 33 Граж. Кодекса [1])? Ведь эта статья говорит о возможности либо признать сделку недействительной, либо прекратить ее действие на будущее время. Между тем, при к-п. с расс. пл. вполне целесообразно было бы предоставить суду еще и третий выход—право признать недействительными не весь договор в целом, а лишь те его пункты, которыми данный договор отличается от трафарета, установленного законом для сделок к.-п. с расс. пл.

Ал. Винавер.

---

[1]) «Когда лицо под влиянием крайней нужды вступило в явно невыгодную для себя сделку, суд, по требованию потерпевшей стороны или подлежащих государственных органов и общественных организаций, может либо признать сделку недействительной, либо прекратить ее действиее на будущее время».

Страховой интерес в Гражданском Кодексе.

Понятие страхового интереса является одним из фундаментальных понятий договорного страхового права.

„Без интереса нет страхования", гласит старое страховое правило. Правда, теперь это правило уже не имеет того универсального значения, которое некогда ему было присуще. При страховании лица западно-европейское (континентальное) право отчасти пошло по пути полного элиминирования страхового интереса, как одного из реквизитов страхового договора, отчасти заменило страховой интерес иными формальными моментами — письменным согласием застрахованного лица или его представителя [1]). Но при имущественном страховании страховой интерес и поныне является одним из необходимых условий договора страхования, лежит в его основании, как твердый правовой фундамент.

Значение страхового интереса для договора имущественного страхования чрезвычайно велико. Договор страхования недействителен, если интерес, для которого заключено страхование, не существует при начале страхования или вообще не возникает в случае заключения страхования для будущего интереса [2]). Те же последствия наступают, если во время действия договора этот интерес у страхователя отпадает [3]). Страховой интерес определяет предел страхового вознаграждения, выплачиваемого страховщиком страхователю [4]) Страховой интерес лежит в основании правил об оставлении части застрахованного имущества на риске страхователя, о дополнительном и двойном страховании [5]). Наконец, страховой интерес является тем критерием, который разграничивает отношения различных лиц к одному и тому же застрахованному объекту.

Гражданский Кодекс РСФСР в главе XI-ой—Страхование—уделяет страховому интересу достаточное внимание. Из 31 статьи, посвященной страхованию, упоминается прямо о страховом интересе в восьми статьях [6]) и косвенно — в ряде других статей [7]). Таким образом, уже чисто внешнее внимание законодателя к интересующему нас юридическому феномену показывает, что понятие страхового интереса имеет немаловажную юридическую ценность и нуждается в надлежащем истолковании и разъяснении.

---

[1]) Знаменитый Sambling Act. 1744 г. выставил требование наличия страхового интереса, в качестве непременного условия договора страхования, в равной мере как для страхования лица, так и для страхования имущества; Porter, the Laws of insurance, 1908, p. 43. В Англии это положение действует и по настоящее время. Но на континенте при страховании лица уже не требуется наличия страхового интереса. При заключении страхования на случай смерти третьего лица для действительности договора считается достаточным письменное согласие этого лица или его законного представителя (Швейц. зак. о страх. дог. 1908 г., § 74, Герм. зак. о страх. дог. 1908 г., § 159, Гражд. Код. РСФСР ст. 374). Аналогичное правило соблюдается и при страховании от несчастных случаев (Герм. Зак. § 179) Тем не менее, приходится отметить, что в новейших страховых законах, касающихся личного страхования, снова выдвигается понятие страхового интереса. Согласно германскому закону 1920 г. о страховании от несчастных случаев (Verbandsbedingungen der Unfallversicherung, § 17), наступление известных болезней конструируется, как отпадение страхового интереса, и влечет за собой прекращение договора; Hagen в Ehrenberg's Handbüch d. g. H., B. VIII, Ab. 1, S. 382.

[2]) Герм. зак. § 68.

[3]) Гр. Код. РСФСР ст. 384.

[4]) Гр. Код. РСФСР ст. 368.

[5]) Гр. Код. ст. 370—371.

[6]) Гр. Код. ст.ст. 368—373, 380, 384.

[7]) Гр. Код. ст.ст. 367, 375, 387, 388 и др.

Выяснение понятия страхового интереса и тех условий, при наличии коих страховой интерес получает по Гражданскому Кодексу свое правовое оформление и право на судебную защиту, и является задачей настоящей работы. По мере надобности, к догматическому анализу соответствующих положений Гражданского Кодекса, в качестве подсобного материала, будут привлекаться данные, извлеченные из теории страхового права и положительных законодательств [1]).

I.

Когда-то в науке страхового права много спорили о том, что является предметом страхования — имущество (вещь) или интерес, связанный с этим имуществом. Поле битвы осталось за сторонниками последнего мнения [2]).

Ведь, когда страховщик заключает с страхователем договор, он не принимает на себя обязательства восстановить ту или иную вещь, пострадавшую от наступления страхового случая. Он принимает на себя только обязательство возместить те убытки, которые падут на имущество страхователя. Поэтому, при страховании от огня, в случае уничтожения пожаром застрахованного дома, страховщик не обязывается к возведению нового дома; при гибели застрахованного скота от эпизоотии он не снабжает крестьян лошадьми, рогатым скотом и т. п.; при страховании от кражи товаров не доставляет страхователю товаров соответствующего качества и количества и т. д. Во всех указанных случаях обязанность страховщика состоит только в возмещении того ущерба, который понесет страхователь. Но ущерб, как известно, может представлять собою не только прямые, но и косвенные убытки. Поэтому, поскольку страхование имеет целью возмещение тех убытков, которые может понести страхователь от предусмотренного в договоре события, постольку нет принципиальных препятствий к принятию страховщиком на себя обязанности к возмещению, кроме прямых, еще и косвенных убытков.

На этот путь уже давно вступили западно-европейские законодательства, допустившие страхование ожидаемой прибыли [3]), а также chômage-assurance, страхования от прекращения деятельности (домовладельцев от простоя квартир, фабрикантов от перерыва работ и др.) [4]).

Отсюда следует, что страхуется не та или иная материальная вещь, а все то, с чем у страхователя связан имущественный интерес. Иначе говоря, предметом страхования является имущественный интерес страхователя в целости страхуемого имущества, понимая под

---

[1]) В качестве положительных законодательств будут использованы преимущественно германский и швейцарский законы о страховом договоре, вышедшие в 1908 году. Австрийский закон 1917 года в распоряжение автора не поступил.

[2]) Шершеневич. — Курс торгового права, II. стр. 368, 385; Федоров. — Курс торгового права, стр. 855. 857; Идельсон.— Записки Харьк. Ун. 1903 г. № 2, стр. 54 сл.; Ehrenberg. — Versicherungsrecht, § 27; Manes. — Kommentar 2. V.—V., S. 234; Kisch.— Archiv f. B. R., 40, 1, S. 1; Hagen.—l. c. S. 369; Ostertag.—Das Bundesgesetz über d. V.—V., S 18, 161; Porter — l. c. p. 42; также герм. Торг. Ул. § 778, швейц. зак. § 48; герм. зак. не указывает, что предметом страхования является интерес, но из содержания норм закона это ясно вытекает.

[3]) Code de commerce, Art. 334; Герм. зак. § 53; Швейц. зак. § 64. Ab. 3; Porter, l. c., p. 50.

[4]) Швейц. зак. § 64. Ab. 4.

имуществом весь комплекс имущественных прав и обязанностей страхователя, и притом интерес оценимый на деньги, денежный интерес [1]).

Гражданский Кодекс РСФСР, хотя и не имеет специальной статьи, указывающей, как в швейцарском законе, что предметом страхования является всякий имущественный интерес, который данное лицо желает охранить от предусматриваемого страхового случая, тем не менее достаточно ясно выражает эту идею в ряде статей, трактующих о других материях. Ст. 380, п. 2 требует непременного указания в страховом полисе или квитанции застрахованного интереса. О том, что страхуется именно интерес, а не „материальная вещь", говорит также ст. 371 („дополнительное страхование соответственной части уже застрахованного интереса"), а равно и ст. 372 („договоры имущественного страхования, заключенные относительно одного и того же страхового интереса"). Наконец, ст. 368, допуская в принципе страхование не только прямых, но и косвенных убытков, еще резче подчеркивает ту мысль, что предметом страхования по Гр. Кодексу, как и по западно-европейским законодательствам, является не материальная вещь, а имущественный интерес страхователя.

Понятие страхового интереса в Гражданском Кодексе определения не имеет. В этом отношении Гражд. Кодекс не выделяется от западно-европейских законодательств, также не дающих определения понятия страхового интереса.

Законодатель, повидимому, в этом случае, как и во многих других исходил из принципа, что omnis definitio periculosa est и предоставил выработку определения понятия страхового интереса науке права.

В теории страхового права всеобщей известностью пользуется определение Эренберга: „интерес есть отношение, в силу которого данное лицо благодаря известному обстоятельству может понести имущественный ущерб" [2]). Есть и другие определения страхового интереса: „выгода, которую известное имущество имеет от ненаступления вредоносного события" [3]) или „выгода, которую представляет для страхователя ненаступление определенного вредоносного события" [4]). „отношение страхователя к вещам или лицам, в силу которого он испытывает ущерб, благодаря известным событиям, выпадающим на долю этих вещей или лиц" [5]) и мн. др. Все эти определения в общем и целом мало разнятся друг от друга. Все они более или менее рельефно пытаются оттенить ту мысль, что интерес есть не что иное, как обратная сторона ущерба, до его наступления [6]), все они подчеркивают, что страховой интерес существует не сам по себе, а непременно в связи с известным лицом. Так, собственник фабрики страхует свой интерес собственника, т.-е. стоимость фабрики; арендатор же фабрики может страховать свой интерес только, как пользователь строения, он страхует ту выгоду, которую он может потерять за

---

[1]) Code de commerce, Art. 334; Герм. Торг. Ул. § 778; Герм. зак. § 49; Швейц. зак. § 62.

[2]) Ehrenberg.—Versicherungsrecht, § 1, S. 8.

[3]) Kisch.—Jherings Jahrbücher, 63, S. 369.

[4]) Kisch.—Ibidem. S. 362.

[5]) Ostertag.—l. c. S. 161.

Между прочим, нельзя не заметить, что все эти определения являются перефразировкой определения интереса, еще давно данного Cornfeld'ом, указавшим, что под интересом надо понимать «всякую для данного лица от известного обстоятельства выгоду или все, что данное лицо может получить от ненаступления или наступления известного события» (Die Lehre v. d. Interesse, 1865, S. 57). Цитирую по проф. В. М. Гордону, иски о признании, стр. 196.

[6]) Manes, l. c. S. 235.

время отстройки сгоревшего здания заново, страховать же стоимость фабрики в свою пользу он не в праве.

Но не всякий интерес, хотя бы и денежный, пользуется защитой страхового права. Требуется соблюдение ряда условий, при наличии коих интерес известного лица может получить свое правовое оформление и право на судебную защиту.

Посмотрим же теперь, каковы эти условия в Гражданском кодексе.

II.

Должен ли интерес быть непременно юридическим, понимая под юридическим интересом такой, в основании которого лежит известное правоотношение (собственник, наниматель, фрахтовщик и т. п.), или интерес может быть не только юридическим, но и хозяйственным и даже просто фактическим.

Западно-европейское право не выставляет в качестве непременного условия требования, чтобы интерес был непременно юридическим. Интерес может быть основан не только на известном юридическом отношении, но и вытекать из отношений чисто хозяйственных и просто фактических [1]). Исходя из этих соображений, западно-европейское право разрешает выступать в качестве страхователей не только лицам, имеющим на страхуемое имущество вещное или обязательственное право, но и тем, кто в силу договора является ответственным за целость и сохранность имущества. Разрешается страховать имущество также тем, кто уже перестал быть собственником, например, продавцу после того, как риск уже перешел на покупателя, потому что до уплаты денег за проданную вещь, он материально все же заинтересован в сохранении этой вещи в целости. По той же причине разрешается страховать имущество и наймодателю, хотя бы наниматель и принял на себя по договору ответственность за гибель нанятого имущества, так как наймодатель может пострадать от невыполнения нанимателем принятой на себя обязанности. Интерес может быть будущим, возможным (эвентуальным), неизвестным, условным. Могут страховаться даже непоименованные интересы; это имеет применение по отношению к тем интересам, которым страховая практика иногда просто затрудняется дать точную характеристику [2]). Интерес может быть связан с известным материальным или нематериальным предметом (вещью или правом), и обыкновенно и связывается; но тем не менее, могут быть случаи, когда интерес существует при отсутствии всякой связи с каким бы то ни было определенным предметом, как это бывает при страховании гражданской ответственности [3]) и при перестраховании.

Гражданский Кодекс резко расходится в этом вопросе с западно-европейским правом.

Ст. 373 указывает, что договор имущественного страхования может быть заключен всяким лицом, заинтересованным в целости имущества, как-то: его собственником, лицом, имеющим на это имущество вещное право или право нанимателя, или ответственным по договору за ухудшение или гибель имущества.

---

[1]) Manes, l. c., S. 235; Hagen, l. c. S. 370; Ostertag, l. c. S. 162.

[2]) Такие случаи встречаются часто в морском страховании на т. н. „благополучное прибытие“; Гамбургские правила морского страхования, § 102, Гессен, Устав Торговый.

[3]) Герм. зак. § 149 сл., Швейц. зак. §§ 59, 60.

[4]) Manès, Kommentar, S. 765.

Первая часть цитированного абзаца построена так, что дает все основания к тому, чтобы чрезвычайно расширить круг лиц, могущих заключать договор страхования: ведь для этого требуется быть только заинтересованным в целости имущества. А кто не заинтересован в целости того или иного имущественного об'екта? Даже постоянный посетитель театра и тот заинтересован в целости театрального здания, декораций, обстановки и пр.

Но вторая часть вышеуказанного абзаца ст. 373 уже конструирована совершенно иначе. Только собственник, лицо, имеющее вещное право или право нанимателя, или по договору ответственное за ухудшение или гибель имущества являются обладателями страхового интереса, страховыми интерессентами. Круг лиц, могущих совершить договор страхования, таким образом, сразу с'ужается. Редакция этой части статьи столь категорична, что заставляет даже предполагать о намерении законодателя установить numerus clausus страховых интерессентов, ограничить данным перечнем (не примерным, а окончательно фиксированным) круг лиц, могущих выступить страхователями.

Между первой и второй частью цитированного абзаца ст. 373, таким образом, кроется, на первый взгляд, непримиримое противоречие. Из первой части вытекает, что перечень ст. 373 только примерный и что для наличия страхового интереса достаточно даже простого фактического отношения к имуществу. Из второй же части следует, что страховой интерес может быть признан только за сравнительно небольшим количеством лиц и притом таких, которые находятся в состоянии известной юридической связанности с страхуемым имуществом.

Как же разрешить указанное противоречие? Мы полагаем, что, если бы законодатель захотел дать возможность выступать в качестве страховых интерессентов обладателям не только юридических, но и фактических интересов, то он не стал бы давать того подробного перечня, который приводится в ст. 373. Законодатель просто ограничился бы указанием, как это делает швейцарский закон [1]), что предметом страхования может быть каждый хозяйственный интерес, который данное лицо желает охранить от предусматриваемого несчастного случая. Поскольку же законодатель дал в ст. 373 перечень страховых интерессентов, он тем самым подчеркнул, что именно в этом перечне, а не в общей формуле первой части начального абзаца находится sedes materiae ст. 373. Что это толкование является единственно правильным видно и из того, что после слов „договор имущественного страхования может быть заключен всяким лицом, заинтересованным в целости имущества", следует слово „как-то", являющееся тем логическим мостиком, который связывает обе части указанного абзаца ст. 373. Значит, не всякое лицо, заинтересованное в целости имущества, может по Гр. Кодексу его застраховать, а только то, которое входит в перечень страховых интерессентов, в этой статье приведенных. А так как страховые интерессенты, перечисленные в ст. 373, являются вне сомнения, об ладателями юридического интереса, а не просто хозяйственного или фактического, то страхователями или выгодоприобретателями по Гр. Кодексу могут быть только лица, заинтер сованные в целости имущества, которые находятся по отношению к этому имуществу в состоянии известной юридической связанности [2]).

---

[1]) § 48.

[2]) Несколько иначе В. Серебровский в Комментарии к Гр. Кодексу под редакцией Ал. Малицкого, стр. 245.

Но отсюда нельзя делать вывода, что всякая юридическая связь данного лица с известным имущественным об'ектом тем самым влечет за собой и наличие страхового интереса. Правоотношение может иметь место, а страховой интерес отсутствовать. В таком положении будет находиться собственник корабля, застраховавший его от морских опасностей, в случае, если предполагавшийся морской рейс не состоялся. В виду отпадения опасности, отпал и страховой интерес, хотя данное лицо по-прежнему осталось собственником корабля.

Таким образом, с точки зрения Гражд. Кодекса, можно находиться по отношению к известному имуществу в состоянии юридической связанности и не иметь страхового интереса, но нельзя быть обладателем страхового интереса, не опираясь на какое-либо правоотношение, являющееся основанием для страхового интереса. Здесь коренится основное расхождение Гражд. Кодекса с западно-европейским правом, допускающим существование страхового интереса и без соответствующего правоотношения.

Другой вопрос, который возникает при толковании 373 ст., заключается в том, надо ли считать приведенный в ней перечень лиц исчерпывающим или только примерным. Мы думаем, что этот перечень все же только примерный, но в то же время в достаточной мере ограничивающий круг лиц, могущих быть страховыми интересентами. По нашему мнению, не только собственник, владелец вещного права, наниматель, лицо по договору ответственное за гибель имущества могут явиться обладателями страхового интереса, дающего право на судебную защиту, но и все другие лица, заинтересованные в целости имущества, лишь бы только эти лица находились по отношению к этому имуществу в состоянии известной юридической связанности. При этом толковании ст. 373 не будет нарушена ни основная идея законодателя, что правовой защите подлежит только юридический страховой интерес, ни ст. 5 Постановления о введении в действие Гр. Кодекса РСФСР, поскольку при данном толковании идет дело не о введении нового круга страховых интересентов, а только о раскрытии содержания той слишком общей формулы, которая имеется в законе.

III.

Но, если, как мы установили, по Гр. Кодексу страховой интерес имеет только тот, кто находится в известной юридической связи с страховым об'ектом, то кто же в действительности может быть, согласно Гр. Код., страховым интересентом?

Согласно ст. 373, таким интересентом, в первую очередь является собственник имущества.

Оставляя вне рассмотрения специальные способы приобретения собственности Государством (в бесхозяйном и выморочном имуществе, реквизицию и конфискацию), остановимся на рассмотрении приобретения права собственности по договору, в силу добросовестности владения и на основании наследования.

При приобретении права собственности по договору из буквального смысла закона [1]) вытекает, что если отчуждается индивидуально-определенная вещь, то право собственности возникает у приобретателя с момента состоявшегося соглашения, если же отчуждаются вещи, определенные родовыми признаками, то право собственности он при-

1) Ст. 66.

обретает только с момента передачи. В общем и целом та же мысль проводится и в соответствующих статьях о договоре купли-продажи, как наиболее распространенном способе передачи права собственности [1]). До перехода права собственности к приобретателю, риск случайной гибели вещи лежит на отчуждателе. Значит, ему принадлежит до этого времени и страховой интерес. После перехода права собственности к приобретателю, на последнего переходит и риск гибели вещи, а, следовательно, с этого момента у него возникает и страховой интерес. Такова нормальная схема распределения страховых интересов между прежним и новым собственником.

Эта схема терпит, однако, некоторые изменения в случае просрочки со стороны продавца или получателя. „Если продавец просрочил передачу вещей покупателю, говорит закон [2]), или покупатель просрочил принятие их, то риск случайной гибели несет просрочившая сторона". Таким образом, может оказаться, что продавец, уже переставший быть собственником, например, в случае продажи индивидуально-определенной вещи, со времени просрочки в передаче этой вещи покупателю начинает нести риск ее случайной гибели. Поскольку он несет этот риск, постольку на нем лежит обязанность возместить тот убыток, который может понести новый собственник от случайной гибели вещи. Поэтому такой просрочивший продавец индивидуально-определенной вещи хотя и не оказывается уже с точки зрения Гражд. Кодекса ее собственником, тем не менее продолжает все же оставаться по отношению к проданной вещи в состоянии известной юридической связанности, и, поскольку он при указанных обстоятельствах является заинтересованным в целости вещи, ему принадлежит и страховой интерес. И закон должен дать этому интересу такую же правовую защиту, как и интересу собственника.

Возможны и другие случаи, когда продавец уже утерял право собственности, но тем не менее продолжает оставаться в известном юридическом отношении к проданному имуществу, а потому сохраняет страховой интерес. Сюда относятся случаи продажи вещи с правом, по наступлении срока или условия, ее обратного выкупа, нахождения имущества, определенного родовыми признаками и переданного покупателю, в судебном споре из-за несоответствия этого имущества качествам, указанным в договоре и т. п. [3]). К указанной категории надо также отнести случай купли-продажи с рассрочкой платежа, поскольку за продавцом не сохраняется права собственности на проданную вещь [4]) и др.

Количество этих примеров, при желании, можно, конечно, приумножить, и германская судебная практика дает в этом отношении богатый материал, но сказанного, нам кажется, достаточно для вывода, что слова закона о заключении договора страхования собственником еще не означают, что в данном случае имеется в виду непременно интерес собственника в полном юридическом значении этого термина. Достаточно, если данное лицо будет иметь хотя бы „интерес свойственный собственнику".

---

[1]) Ст.ст. 183, 186, 187.

[2]) Ст. 186.

[3]) Эти примеры мы заимствуем из германской судебной практики, которая идет в этом случае настолько далеко, что признает наличие страхового интереса даже у вора, поскольку он отвечает за случайную гибель вещи. Manes, l. c., S. 240, 241; Hagen, l. c. S. 373, Ann. 2.

[4]) Постановление ВЦИК'а и СНК'а РСФСР от 14/X 1923 г.

Поскольку переход владения вещью к ее приобретателю, при условии его добросовестности, является по Гр. Кодексу одним из способов приобретения права собственности, естественно, что и добросовестный владелец должен быть подведен под рубрику тех лиц, которые имеют интерес собственника.

Наконец, в эту же рубрику должны войти и наследники.

Согласно действующему наследственному праву, наследование допускается как по закону, так и по завещанию, причем круг призываемых к наследованию по обоим указанным основаниям ограничивается прямыми нисходящими и пережившим супругом умершего, а также нетрудоспособными и неимущими лицами, фактически находившимися на полном иждивении умершего не менее одного года до его смерти [1]).

При определении момента приобретения наследниками права собственности в имуществе наследодателя надо различать два случая—когда наследники присутствуют в месте открытия наследства и когда они отсутствуют. Присутствующие предполагаются согласными принять наследство, доколе они не заявят обратного, а отсутствующие не считаются наследниками, пока они прямо не заявят о своем желании принять наследство [2]). Для присутствующих наследников законом установлен трехмесячный срок со дня принятия мер охранения наследства, в течение какового срока они могут заявить в суд о своем нежелании принять наследство. По истечении указанного срока, если такого отказа с их стороны не последовало, они считаются безусловно принявшими наследство. Таким образом, в течение трех месяцев возможна неопределенность в их юридическом положении [3]). Но присутствующие наследники могут и до истечения указанных трех месяцев путем конклюдентных действий—вступлением в управление имуществом отказаться от принадлежащего им права отречения от наследства. Отсюда следует, что присутствующие наследники приобретают право собственности в имуществе наследодателя или по истечении трех месяцев со дня принятия мер охранения наследства или ранее—со времени вступления в управление наследственным имуществом.

Что же касается наследников отсутствующих, то без заявления с их стороны о желании принять наследство (в течение шести месяцев со дня принятия мер охранения наследства), они вступить в права наследства не могут [4]). Следовательно, они становятся собственниками только со времени сделанного ими заявления о принятии наследства.

Таким образом, рассуждая stricto jure, только эти категории присутствующих и отсутствующих наследников, ставших настоящими собственниками, обладают страховым интересом, согласно ст. 373 Гр. Кодекса. Но, как это имело место и при приобретении права собственности по договору, круг лиц, обладающих защищаемым законом страховым интересом, оказывается и при приобретении права собственности по наследованию шире, нежели это можно заключить на первый взгляд.

Прежде всего, мы должны признать имеющими страховой интерес присутствующих наследников, со времени открытия наследства и в течение всего вышеуказанного срока (3-х месяцев или до времени вступления в управление). Наследник, быть может, человек осторож-

---

[1]) Ст. 416, 418.
[2]) А. Г. Гойхбарг, l. c., стр. 205, Гр. Код. ст. 429, 430.
[3]) А. Г. Гойхбарг, l. c., стр. 205.
[4]) А. Г. Гойхбарг, l. c., стр. 206.

ный. Он хочет прежде, чем вступить в права наследования, несколько осмотреться, взвесить, имеет ли смысл сделать этот шаг. Правда, Гражд. Кодекс устанавливает ответственность наследника за долги наследодателя только в пределах действительной стоимости наследственного имущества [1]), но все-таки, какой смысл принимать на себя бремя тягостных расчетов с докучливыми кредиторами, если наследство переобременено долгами. Пройдет месяц, другой, положение выяснится. Тогда можно отказаться, или, если окажется выгодным, и не дожидаясь истечения 3-х месячного срока вступить в управление наследственным имуществом.

Вот за таким-то присутствующим наследником и необходимо признать страховой интерес, потому что, хотя такой наследник и не стал еще настоящим собственником наследственного имущества, но тем не менее он уже не является посторонним лицом по отношению к наследственному имуществу, на это имущество ему принадлежит известное право (Wartrecht по немецкой терминологии), в силу которого он может отказаться от наследства, может и вступить в наследство.

Но нам могут возразить, что если такой присутствующий наследник страхует наследственное имущество, то тем самым он совершает акт вступления в управление наследственным имуществом, т.-е. делается собственником и, таким образом, вопрос разрешается сам собой. Это возражение мы отводим самым решительным образом. Один изолированный факт страхования сам по себе, по нашему мнению, еще не означает, что наследник тем самым уже окончательно изъявил свое желание вступить в права наследства; ведь это может быть поступок только осторожного человека, принимающего необходимые меры охранения наследственного имущества, но никак не акт управления. Поэтому, если наследник застраховал имущество в половине его стоимости и оно погибнет от пожара до истечения 3-х месяцев со дня принятия судебных мер охранения, наследник властен заявить Суду об отказе от наследства и не должен отвечать перед кредиторами наследодателя в пределах полной стоимости имущества, если увидит, что страхового вознаграждения для покрытия долгов недостаточно. Но, разумеется, сам он от страховщика страховое вознаграждение, конечно, не получит, так как благодаря отказу от наследства утряет свой страховой интерес.

По тем же соображениям надо признать имеющими страховой интерес и отсутствующих наследников, со времени принятия мер охранения и до принятия ими лично или через поверенных наследственного имущества.

От указанных категорий лиц надо отличать тех, для коих наследство еще не открылось, и которые просто имеют надежду на открытие в свою пользу наследства. Эти лица, с точки зрения Гражд. Кодекса, страховым интересом не обладают, так как не находятся по отношению к имуществу в состоянии какой бы то ни было юридической связанности.

2) Переходим к следующей категории лиц, обладающих, согласно ст. 373, страховым интересом, а именно к лицам, имеющим на имущество вещное право и право нанимателя [2]).

Гражд. Кодекс признает только замкнутое число (numerus clausus) вещных прав. Ему известны только три вещных права: право собст-

---

[1]) Ст. 434.

[2]) Современное право придает имущественному найму некоторые вещные последствия; Синайский, Гражд. Право, II, стр. 95; Гр. Код., ст. 169, 158. Поэтому вещное право и право нанимателя мы включаем в одну рубрику.

венности, право застройки и право залога [1]). Со времени издания постановления ЦИК'а СССР от 13/VII—23 г., количество вещных прав увеличилось еще одним—правом на горные отводы.

Обращаемся к рассмотрению страхового интереса залогодержателя.

Согласно ст. 97 Гражд. Кодекса, залогодатель обязан. . . . . страховать заложенное имущество. Если имущество передано залогодержателю, то на него же в этом случае возлагается обязанность страховать имущество за счет залогодателя. Согласно же ст. 102, „в случае гибели заложенного имущества залогодержатель имеет право преимущественного удовлетворения из страхового вознаграждения".

Из приведенных статей Гр. Кодекса следует, во-первых, что дело идет не о страховании собственного интереса залогодержателя, а интереса залогодателя и то только в том случае, когда имущество передано залогодержателю и, во-вторых, что залогодержателю принадлежит в указанных в ст. 97 случаях право не на страховое вознаграждение, а только право на преимущественное удовлетворение из страхового вознаграждения, что, конечно, не одно и то же.

По смыслу закона страховое вознаграждение принадлежит страховому интересенту залогодателю, а из этого вознаграждения залогодержатель преимущественно перед другими кредиторами получает покрытие своих требований к должнику, (но только вслед за покрытием недоимок должника по государственным налогам и сборам и задолженности по заработной плате рабочим и служащим). Но это преимущественное право залогодержателя вытекает не из страхового договора, а из существа природы самого залогового права, относящегося к категории т. н. абсолютных прав присвоения [2]). Залогодержатель удовлетворяется из страхового вознаграждения потому, что в силу залогового права, в его лице сосредоточивается то, что именуется droit de suite и droit de préférence. Пользуясь этими правами, он повсюду настигает заложенное имущество, в какую бы форму оно не претворилось. Если это имущество цело и невредимо, залогодержатель может добиваться его продажи и из вырученной суммы получить преимущественное перед другими кредиторами покрытие своего требования. Если имущество погибло от предусмотренного в договоре страхований события и в наличности уже не находится, а имеется только его денежный эквивалент в форме страхового вознаграждения, то залогодержатель имеет право преимущественного удовлетворения из ценности этого денежного эквивалента.

Но может ли принадлежать залогодержателю собственный интерес в заложенном имуществе. Мы полагаем, что собственный страховой интерес может принадлежать залогодержателю, но только в том случае, когда заложенное имущество находится у залогодателя и этот последний не выполняет предписаний ст. 97 о страховании имущества (между прочим, никакой санкции за невыполнение этого требования в законе не имеется).

В этом случае залогодержатель сможет страховать имущество, однако, не полной стоимости, а только в пределах своего интереса (ценности залога) и не свыше своего интереса может получить от страховщика страховое вознаграждение.

---

[1]) А. Г. Гойхбарг, l. c., стр. 59.

[2]) Кассо. Понятие о залоге, стр. 243. Фрейтаг — Лорингoвен. Понятие залога в проекте вот. устава. Вестник Гр. Права 1913 г. № 6, стр. 72.

Страховой интерес имеет и горнопромышленник, получивший горный отвод.

Согласно новейшим учениям о праве на разработку недр, право это, равным образом, как и право залогодержателя, относится к категории абсолютных прав присвоения [1]). В силу этого права лицо, получившее горный отвод, получает право собственности на ископаемые только после выделения их из земли, само же право на горный отвод конструируется, как особое абсолютное право в чужом имуществе, со всеми вытекающими из этого положения последствиями.

В указанном смысле конструируется юридическая природа права на разработку недр и в Постановлении ЦИК'а СССР от 13/VII – 23 г. Правда, в ст. 25 и прим. к ней, а также в ст. 33 Постановление говорит о сдаче отводов месторождений полезных ископаемых, уже открытых в аренду, но это выражение надо считать недоразумением терминологического свойства. Все содержание прав, принадлежащих горнопромышленнику, ясно показывает, что ни о какой аренде здесь нет и речи. Достаточно отметить только то обстоятельство, что „горный отвод предоставляется горнопромышленнику впредь до выработки" [2]), согласно же договору имущественного найма, наймодатель обязуется предоставить нанимателю имущество за вознаграждение для временного пользования, с принятием на себя нанимателем обязательства по окончании срока договора сдать наймодателю имущество со всеми принадлежностями в исправном состоянии [3]). Таким образом, вопрос о том, есть ли, согласно Постановления ЦИК'а СССР, право горнопромышленника на горный отвод право обязательственное или абсолютное (вещное), вряд ли может вызывать какие-нибудь затруднения при своем разрешении. Горнопромышленник, получивший горный отвод, имеет абсолютное (вещное) право в чужом имуществе (государственном) и обладает самостоятельным страховым интересом, в пределах ценности для него этого отвода.

В. Серебровский.

(Окончание следует).

Первая русская лаборатория по изучению преступности.

Раннею весною истекшего 1923 г. в Московском „Доме ученых" собралась небольшая группа представителей различных научных специальностей — психиатрии, статистики, криминологии, антропологии и криминалистики (техника уголовного розыска) для обсуждения предположения административного отдела Московского Совета произвести обследование населения московских арестных домов. Такое обследование должно было иметь своею задачею по возможности всестороннее изучение заключенных во всех арестных домах,

---

[1]) Удинцев. Русское горноземельное право, стр. 37.

[2]) Постановление ЦИК'а СССР от 13/VII—23 г., ст. 22.

[3]) Гр. Кодекс ст.ст. 152. 174. Более подробный анализ прав на горные отводы выходит за пределы темы настоящей работы.

чтобы выяснить облик „преступной Москвы“ к моменту обследования. Повторяясь периодически, такие обследования могли бы учесть не только особенности преступного мира, но и „эволюцию“ преступности, т.-е. изменение ее характера. Никаких непосредственно практических целей намечавшееся обследование себе не ставило, но, несомненно, что изучение разнообразных представителей всех видов преступности неизбежно должно было привести к тем или другим практическим выводам в области искания наиболее пригодных для данного времени путей борьбы с преступностью. Периодическое же повторение обследований через определенные промежутки времени открывало бы возможность оценки тех опытов в борьбе с преступностью, которые были бы сделаны. Таким образом, предложение административного отдела Московского Совета о производстве научно поставленной анкеты обследования населения арестных домов счастливо соединяло в себе самый глубокий и живой научный интерес с возможными чисто практическими результатами такого изучения. Поэтому неудивительно, что все присутствовавшие на этом организационном собрании в „Доме ученых“ не только признавали большое значение за первою у нас попыткою непосредственного изучения с разнообразных точек зрения „живого материала“, поставляемого в наши тюрьмы и на скамью подсудимых в народные суды, в губернский суд и в другие судебные учреждения, но также выразили готовность оказать свое содействие новому начинанию. Это содействие и было оказано в самой разнообразной форме—в выработке программ обследования, в организационной работе по проведению анкеты и в непосредственном участии в самом обследовании.

Избранная на организационном совещании комиссия, обсуждая об'ем предстоявшего обследования, видела перед собою два об'екта изучения. Оба они были в достаточной степени внушительны и даже грозны, но не в одинаковой степени. Один из них именовался „преступником“, а другой „преступностью“. Первый должен был предстать перед исследователем самолично: доступный антропологическому вавешиванию и всяким измерениям и открывающий посредством беседы с ним возможность его психологического и социологического изучения он был весь на виду и только от уменья подойти к нему зависело узнать этого „врага“ общественного порядка больше или меньше.

Опаснее был другой „враг“ и другой об'ект изучения—сама преступность, так как, грозная своими размерами, она наносила свои удары иногда прямо потрясающей силы и оставалась в то же время невидимою. Именно она, обладательница неистощимых кадров всяких преступников, посылала из своих резервов воров, грабителей, бандитов, убийц, мошенников и в то же время умела использовать для своих целей не редко и тех, кто как будто был совершенно чужд ей и шел под ее знамена в порядке принудительной и тяжелой для него мобилизации, а совсем не как доброволец, которым на первый взгляд казался каждый вор-рецидивист, каждый бандит и вообще профессионал-преступник.

Для раскрытия тех мест, где концентрируется преступность и откуда она черпает свою силу, организаторы анкетного обследования обратили особое внимание на собирание о каждом заключенном таких материалов, которые в одно и то же время позволяли бы учесть особенности его чисто личного характера (в широком смысле антропологические) и характерные черты его социально-экономического положения. Таким образом, выработанный комиссией лист распался

на две части—социологическую и антропологическую с подразделением последней на два раздела—психиатрический и чисто антропологический.

Обширная социологическая часть анкеты, собственно говоря, также включала в себя два раздела. Один из них был „криминологическим", так как содержал ряд вопросов, относящихся к преступлению: часть этих вопросов относилась к прежней судимости, а часть к тому последнему преступному деянию, за которое обвиняемый был арестован и содержался в арестном доме. Мотивы преступного деяния, возраст при совершении первого преступления, понесенные наказания, время, протекшее со дня освобождения от наказания до нового совершения преступления, характер преступных деяний, единоличное или совместное с другими (соучастие) совершение преступлений—вот вопросы, которые вместе с некоторыми другими составляли содержание криминологического раздела. Другой раздел социологической части нашей анкеты имел своею задачею собрать сведения об условиях жизни заключенного, начиная с его детства. Здесь мы поместили вопросы: в какой семье вырос обследуемый, какова была ее классово-социальная принадлежность и была ли семья для обследуемого родною или, как это оказывалось нередко, чужою; вопросы относительно образования дополнялись вопросами о профессиональной подготовке; так как годы европейской и гражданской войны и голодные годы могли оказать то или другое влияние, то отдельные пункты анкеты ставили своею задачею учесть это влияние; пункты о переменах в профессии и социальном положении до октябрьской революции и после нее так же как вопросы об участии в общественной и политической работе, об экономическом положении, об условиях чисто семейной жизни и некоторые другие давали надежду на получение материалов, некоторые из которых могли быть с полным правом названы новыми, так как ранее или совсем не собирались или собирались в иных комбинациях.

Антрополого-психиатрическая часть анкеты начиналась вопросами по выяснению наследственности. Занимая целую страницу анкеты, они исследовали в восходящей и боковой линиях душевные болезни, алкоголизм, туберкулез, наркоманию, сифилис, преступность и проч. Вслед за выяснением наследственности шло выяснение физических болезней, злоупотребления алкоголем и другими наркотиками, изучение детских и юношеских лет, половой жизни и других влечений, характеристика темперамента, исследование интеллектуальных способностей и моральных представлений, обследование по Кречмеру и выяснение, не было ли или нет ли душевных болезней.

Анкета заканчивалась антропологическим исследованием, которое должно было обнять собою всевозможные измерения, изучение волос, зубов, ногтей, дактилоскопию, татуировку и проч.

Каждая из трех названных частей (социологическая, психиатрическая и антропологическая) завершалась „заключением" обследователя, содержавшим в себе общий вывод из обследования и, как оказалось на практике, то, что не укладывалось в рамки вопросов, но не редко было весьма характерным для обследованного случая.

Окончательной выработке анкеты предшествовало производство предварительного опытного обследования, на основании которого в анкету были внесены некоторые изменения и только после этого она была отпечатана.

Полностью произвести обследование по намеченной программе, однако, не удалось. Население арестных домов было весьма обширное, а группа обследователей-психиатров не настолько многочисленна, чтобы быстро справиться с обследованием более чем двух тысяч заключенных. Впрочем, значительное число арестованных содержалось за так называемую „самогонку“ и так как, по данным нашего исследования, были „преступниками“ только формально, то представляли интерес лишь с социологической, а не психиатрической стороны. Как бы то ни было с исчерпывающею полнотою было произведено лишь социологическое обследование. Это удалось благодаря привлечению в качестве работников нескольких десятков студентов факультета общественных наук первого Государственного Московского Университета. Разбитые на несколько групп и под ближайшим руководством опытных инструкторов они одновременно производили обследование в различных арестных домах и заполнили свыше 2400 анкет. Так как о каждом заключенном имелось в арестном доме свое дело, то в надлежащих случаях производилась проверка ответов опрашиваемых путем наведения справок в делопроизводстве арестного дома. Но надо отметить, что студентки и студенты Университета сумели внушить к себе и к научной анкете в большинстве случаев полное доверие заключенных и перед обследователем обыкновенно не только не прятались за недоступную стену полного отрицания своего преступления или „запамятования“, но откровенно говорили о своем прошлом и о таких деяниях, которые даже и не были известны следственным и судебным органам. Прекрасною иллюстрацией такого доверчивого отношения к опросу в научных целях служат слова одной проститутки и воровки-рецидивистки. Заметив колебания или неправду в ответе своей соседки по заключению она сказала ей: „Не бойся. Говори всю правду: люди учатся“. И на опрос к обследователю шли совсем не так, как ходят на допрос к следователю. Статистическая обработка материалов с несомненностью установила, что они отличаются достоверностью в самой высокой степени и с этой стороны почти неуязвимы.

Обработка полученных ответов в статистические таблицы была произведена специалистами-статистиками по плану, выработанному организационной комиссией и теми из руководителей обследования, которые взяли на себя написание по собранным материалам статей для намеченного тогда же сборника „Преступная Москва“. Широкая программа анкеты привела к возможности построения таких комбинационных таблиц, которые давали оригинальные сочетания разнообразных моментов или условий чисто личного и социально-экономического характера.

Означенный сборник „Преступная Москва“, находящийся в настоящее время в печати, включает в себе целый ряд статей, посвященных характеристике различных видов преступности. Перед будущим читателем сборника пройдут, таким образом, „убийцы“, „бандиты“, „воры“, „мошенники“, „самогонщики“, „повторно-обвиняемые“, „дети-преступники“, „преступники-наркоманы“, „преступники-психопаты“.

Авторы сборника были вместе с тем и непосредственными участниками обследования. Они пишут о том, что все участники этого интересного и поучительного обследования *читали в книге, которая зовется жизнью.*

Для них цифры таблиц не сухие и скучные числа, а человеческие

жизни, людские несчастия, социальные неравенства, экономические потрясения.

Для них преступления не порождение преступной и злой воли, а явления глубочайшего общественного значения, имеющие свои корни всегда в прошлом.

Мы нарочно так подробно остановились на описании обследования населения московских арестных домов: с обследованием неразрывно связано возникновение первой в России лаборатории по изучению преступности. Читатели „Право и Жизнь" знакомы с этими новыми учреждениями, возникшими и развившимися прежде всего в Америке [1]). В Европе они до настоящего времени имелись лишь в одной Бельгии, где первая „лаборатория пенитенциарной антропологии" была открыта через полгода после возникновения первой в мире лаборатории этого типа в Аргентине и где теперь такие лаборатории открыты уже при 9 центральных бельгийских тюрьмах [2]).

Чтобы уяснить себе связь между обследованием населения арестных домов и возникновением московской лаборатории по изучению преступности, надо вспомнить, что произведенное весною 1923 г. обследование преступного мира столицы было у нас в России первым случаем, когда представители различных научных специальностей впервые лицом к лицу сошлись с большими и малыми нарушителями уголовных законов во всем их разнообразии и собственными глазами увидели их. До того времени встречи с ними были чисто случайного характера и не столько для всестороннего ознакомления с ними, сколько чаще всего для узкого исследования их со стороны психиатрической или судебно-медицинской в помощь следственным и судебным органам. По общему правилу коллективная мысль ученых, торкаясь в двери тюрьмы, чтобы изучить преступный мир, всегда находила на этих дверях надпись: „вход посторонним строго воспрещается". Только нескольким научным деятелям представилась счастливая возможность проникновения за тюремные стены с научными целями, и это, по большей части, были те из них, которые вместе с тем были и тюремными врачами. Сторонникам позитивного метода в изучении преступности и борьбы с нею приходилось оперировать по большей части с уголовно-статистическими отчетами министерства юстиции и главного тюремного управления, отчетами о судебных заседаниях, некоторыми другими печатными материалами, но не с итогами своих собственных наблюдений. Неудивительно поэтому, что когда эти надписи о запрещении посторонним входа в тюрьму оказались сорванными и представители различных научных специальностей сразу получили доступ во все девять арестных домов, не исключая дома Моск. Управ. Угол. Розыска, где содержались наиболее серьезные обвиняемые, то интерес работы прямо захватил многих из нас, и, вместо обычной радости при приближении конца намеченного обследования, некоторые из нас ждали этого приближающегося окончания работы с настоящим огорчением. Но, если научный интерес к продолжению работы был в настоящем смысле слова разожжен, то и обрисовывавшиеся результаты работы позволяли думать, что значение всего нового начинания еще более возрастет с созданием постоянного учреждения по дальнейшему собиранию материалов и их изучению. Инициатором создания такого учреждения явился

---

[1]) См. статью проф. Люблинского в № 9—10 за 1923 г.

[2]) Vervaeck. Le traitement anthrop. des condamnés. Conférence à la Sorbonne le 30 mai 1922. Paris. 13 стр.

инициатор описанного нами обследования населения арестных домов, начальник административного отдела Московского Совета В. Л. Орлеанский. С августа месяца при названном отделе возникает „Кабинет по изучению личности преступника и преступности". Он быстро формируется и начинает свою работу.

„Кабинет по изучению личности преступника и преступности" или, как называют его сокращенно, „Научный Кабинет" не имеет какого-либо устава, который точно и определенно устанавливал бы условия его работы. В этом отношении с „Научным Кабинетом" было поступлено так же, как это было с первою бельгийскою лабораторией пенитенциарной антропологии: условия работы должны были выявиться в процессе самой деятельности. Это было полезно для нового учреждения: оно не чувствовало каких-либо стеснявших его ограничений и могло в своих исканиях менять избираемые им пути, если они оказывались на опыте неправильными.

Никаких лозунгов того или другого течения в изучении преступности не было навязано „Научному Кабинету". Его задачею было всестороннее исследование преступности, а не оправдание во что бы то ни стало правильности социологической или антропологической школы, но все работники об'единены признанием большого значения за социально-экономической средой. Непредвзятый подход к работе и привел к приглашению в состав сотрудников нового учреждения представителей всех тех научных специальностей, которые имелись на лицо и при организации весеннего обследования 1923 г. Таким образом, в „Научном Кабинете" рядом работают криминалисты-социологи, антропологи, психиатры, психологи и био-химик, и статистик.

В „Научный Кабинет" поступают для обследования все арестованные, доставляемые в арестный дом при Москов. Управ. Угол. Розыска. По общему правилу сюда поступают задержанные за более серьезные преступления, кроме обвиняемых в должностных, контр-революционных, воинских и хозяйственных преступлений, а также кроме задержанных за так назыв. „самогонку". Главная масса арестованных составляется из обвиняемых в имущественных преступлениях и из задержанных за недозволенное возвращение в Москву или по сомнению в личности (большею частью лица с прежней судимостью), но в этот же арестный дом заключаются убийцы, половые преступники, бандиты и другие обвиняемые в тяжких преступлениях против личности и собственности. Таким образом, материал для обследования в значительной степени разнообразен.

Для обследования заключенных „Научный Кабинет" имеет несколько форм анкет. Каждый из доставляемых сюда арестованных подлежит обследованию по так называемой малой программе. Ее содержание после полугодового опыта изменено в отношении, главным образом, психиатрической части: вопросы частью заменены другими, частью введены новые пункты и установлен иной порядок размещения вопросов; внесены некоторые дополнения также и в социологическую часть. Назначение малой анкеты двоякое: во-первых, она должна дать возможность выявить из общей массы заключенных тех, кто представляет особый интерес для более подробного изучения с какой-либо точки зрения и, во-вторых, она имеет своею целью собрать хотя и по «краткой» программе, но достаточно полный материал об общей массе заключенных.

Выделенные из общей массы арестованных в качестве наиболее интересных идут на обследование или только к представителям какой-либо одной научной специальности (к криминалисту-социологу,

антропологу, психиатру, психологу) или к некоторым из них, или даже ко всем.

Программа подробного социологического обследования содержит в себе 43 вопроса, большинство из которых разбито на целый ряд пунктов. Чтобы дать точное представление о степени подробности большинства вопросов, мы считаем полезным привести в виде примера содержание 17-го вопроса:

Жилищные условия: а) Что занимает семья: квартиру в . . . . . комнат, угол, койку, в ночлежном доме, без всякого приюта, в казарме, в других общежитиях . . . . . б) Имеет ли обследуемый отдельную постель или делит ее с другим лицом, и с кем: женой, мужем, детьми, отцом, матерью, братом, сестрой, или с . . . . . Если с чужим, указать пол: мужск., женск., возраст . . . . лет. в) Помещение светлое, темное, теплое, холодное, сухое, сырое, подвальное, низкое. Освещение электрическое, ламповое, нет освещения.

Сравнительно с обычными опросными листами для обвиняемого, употребляемыми у нас и за-границею уголовною статистикою, анкетный лист „Научного Кабинета" вводит многие новые пункты, собирать сведения по которым было бы не под силу при практикующемся обыкновенном учете преступности. Особое внимание обращается на выяснение условий детства обвиняемых, на их участие в трудовой жизни и на повторное привлечение к уголовной ответственности. Помимо обвиняемых в тяжких преступлениях подробному социологическому обследованию, по общему правилу, подлежат наиболее молодые обвиняемые, а также многократно привлекаемые к ответственности.

Психологическое исследование ведется при помощи тестов и отличается особою подробностью. Для своего производства оно требует много часов работы и совершается в несколько приемов. Заключая в себе 18 стран. текста вопросов с соответствующими пробелами для вписывания ответов на них, программа психологического обследования преступника заслуживала бы того, чтобы остановиться на ней особо, но это вышло бы за пределы задач нашего очерка. Поэтому ограничимся приведением, в виде примера, лишь некоторых вопросов, чтобы дать хотя бы некоторое и очень слабое о них представление. Так, в разделе изучения способности различения абстрактного предлагается выяснить различие следующих слов: бедность и нищенство, твердость и упрямство, обман и ошибка, месть и наказание, заем и кража, кража и находка, ревность и любовь, ложь и заблуждение, ненависть и зависть, жадность и бережливость. В разделе выяснения способности определения (абстрактного): правда, государство, закон, общество, брак, ревность, наука, искусство, убийство, любовь, кража, добро, опьянение, насилие, страх, восприятие, болезнь, преступление, сутки, счастие, красота. При изучении процессов ассоциаций называются слова: хлеб, больно, радость, деньги, писать, страшно, ножик, кошелек, небо, смерть, целовать, обед, женщина, окно, гулять, любить, насилие, мокрый, правда, ноги, трава, постель, красть, табак, пожар, грех, маленький, ласковый, ложь, стыдно, вор, арест и мн. др. Кроме того, исследование ассоциаций производится также по методу Эбингауза заполнением пробелов.

Антропологическое исследование обнимает собою антропометрические измерения заключенного и выяснение наследственности. В листе измерений помещаются сведения по измерению головы, роста,

веса, силы рук, о цвете волос и глаз, мускулатуре, времени состояния в браке, количестве рождений и проч. Измерения сопровождаются снятием фотографии с обследуемого. Так называемый «семейный лист» выясняет возраст, профессию, социально-экономическое положение, семейный состав, патологические и прочие особенности; характерные черты, биографии родителей, братьев, сестер, племянников и племянниц заключенного.

Сведения получаются не только посредством опроса заключенного, но в некоторых случаях путем опроса знающих его лиц, поездкою на квартиру к обвиняемому, изучением дела в судебном учреждении.

Если употребить медицинский термин, то с самого начала работы „Научного Кабинета“ кроме амбулаторного исследования обвиняемых явилась потребность также и в клиническом их наблюдении. Для этого первоначально в арестном доме при МУУР были выделены две камеры, куда и помещались исследуемые. Но неудобства клинического наблюдения в такой обстановке слишком очевидны, чтобы останавливаться на них. Вот почему явилась мысль об отведении под такую, если можно так выразиться, социальную клинику небольшого по размерам Арбатского арестного дома с установлением в нем условий более благоприятных для изучения «личности преступника и преступности», чем они были в камерах МУУР. В этом доме всего 13 камер. Они заново ремонтированы. При помещении в каждую камеру по два обследуемых представляется возможность иметь в «клинике» 26 человек[1]). В настоящее время еще не существует особого «положения» о клинике. Оно находится в периоде его выработки. Но фактически положение Арбатского арестного дома уже и теперь совершенно иное, нежели других арестных домов. Сюда переводятся заключенные из арестного дома при МУУР лишь по инициативе „Научного Кабинета“. Вместо внутренней стражи из милиционеров введены наблюдатели в лице студенток и студентов Факультета Общественных Наук и других лиц, большею частью с высшим образованием и отдающихся новой работе с величайшей энергией и интересом. Дежурства дневные и ночные. Первоначально на коридор с 12—14 заключенными кроме наблюдателя назначался еще и милиционер. Теперь, согласно постановления совещания Кабинета и наблюдателей, остаются только наблюдатели без милиционеров. Первые два месяца существования этой «клиники» не все молодые студентки решались оставаться на ночь в камерах, где при системе незапирающихся ни днем, ни ночью дверей камер содержались многократные рецидивисты, убийца, растлитель нескольких девочек. Но страхи, как и следовало ожидать прошли. Наблюдатели ведут на каждого обследуемого записи в особые тетради, которые дают материалы для изучения преступника с социологической и психологической точки зрения. Наблюдение над преступником невольно расширяется и становится вместе с тем и наблюдением над психологией заключения, хотя в «клинике» оно и отличается от обычного заточения в тюрьме. Наблюдатели ведут среди заключенных и культурно-просветительную работу. Между заключенными и наблюдающим персоналом установились самые «лучшие» отношения, позволяющие надеяться на увеличение ценности собираемого материала. Не можем удержаться, чтобы не отметить, что поведение этих завсегдатаев тюрем здесь совер-

---

[1]) Поставлен вопрос об отводе под клинику Ново-Песковского арестного дома на 250—300 человек.

шенно необычное: нет ругани, грязи, обучения друг друга „искусству преступления". Зато читают Чехова, Толстого, Короленко... Был такой случай. Молодой заключенный с судимостью за кражи, кокаинист, был выпущен на свободу. Он просил в клинике дать ему возможность работать. Приходил дважды с этою просьбою в Кабинет. Когда удалось найти ему работу, оказалось, что адрес его неизвестен. Тогда многократный вор-рецидивист из клиники дал наблюдательнице „рекомендательное письмо" в притон на Хитровом рынке к своим знакомым с разными воровскими кличками. В письме предлагалось оказать подательнице, заслуживающей полного доверия, содействие в розыскании выпущенного на свободу „Хромого" (кличка розыскиваемого). Письмо заканчивалось угрозой расправиться по выходе на свободу с теми, кто обидит наблюдательницу. Стоит ли добавлять, что „рекомендательное письмо" оказало магическое действие, и „Хромой" был розыскан. Он был очень рад месту на пуговичной фабрике и говорил, показывая на обитателей притона: „Спросите их: я до сих пор после клиники не ходил на „дела" (т.-е. не воровал) и не нюхал". Не дожидаясь такого вопроса, его „коллеги" подтвердили правильность сказанного. Мы отнюдь не уверены, что „Хромой" выйдет победителем в такой предстоящей ему борьбе за существование и не вернется в клинику или в какой-нибудь арестный дом. Но мы уверены, что он теперь искренно и страстно хочет жить честным рабочим. Этого хочет и „Научный Кабинет". Изучение преступности в Кабинете и клинике имеет для нас интерес не само по себе; мы не сторонники изучения только ради изучения. Нас властно влечет к себе практическая цель: сделать борьбу с преступностью наиболее безболезненною, а вместе с тем и наиболее действительною, избавить этих „Хромых" от тюрьмы, а общество—от этих „Хромых", желания которых иногда так скромны и вместе с тем так законны—„быть рабочим"...

Мих. Гернет.

Преступления против половой неприкосновенности по уголовному кодексу РСФСР [1]).

I.

Всем законодательствам в их историческом развитии и в современном состоянии известна особая группа преступлений, общим образом характеризуемых, как преступления половые. Об'ем этой группы первоначально был весьма широк в связи с представлением о том, что государство имеет своей задачей охранять святость брака и что дозволены только половые сношения, регулированные браком. Смешение области преступного с областью греховного, быть может, ни в какой другой сфере не проявлялось так резко, как в этой. То обстоятельство, что данные преступления, как бы они ни предс'авлялись внешне одинаковыми по способу действия, каким является половой акт, по своему содержанию в смысле ближайшего об'екта посягательства далеко не однородны. Все они об'единились под общим именем

[1]) Настоящая статья предназначалась к напечатанию в книге 1-й журнала, посвященной А. Ф. Кони, но помещена в ней не была по техническим условиям.

преступлений половых или плотских. Эволюция в этой области, до сих пор еще не всюду завершившаяся, заключалась в постепенном проведении разграничения между областью греховного и преступного, в признании об'ектом этих преступлений половой неприкосновенности человека, в перенесении соответственно с этим некоторых из них в другие группы преступлений (напр. прелюбодеяния в группу преступлений против семейного союза) и в смягчении уголовной репрессии.

В XIX в. с развитием психиатрии устанавливается, что в области половых преступлений многое, что раньше рассматривалось, как результат злой воли человека, является часто продуктом его ненормальности и что поэтому не везде, где раньше считалась допустимой уголовная репрессия, она должна быть сохранена, так как меры наказания должны здесь подчас уступить свое место мерам лечения.

Вместе с тем в XIX ст. выдвинулась идея охраны детства, и впервые во франц. законодательстве появляется группа преступлений против несовершеннолетних и детей, посягательств на их половую неприкосновенность иным путем, чем посредством полового сношения. С течением времени потребность полной охраны половой неприкосновенности распространяется и на совершеннолетних. Надо заметить, что эволюция в области половых преступлений заключалась еще в том, что наряду с более полной охраной половой неприкосновенности человека, как известного блага индивида, стала выдвигаться не менее интенсивная охрана половой нравственности, как особого общественного интереса, путем установления ответственности за такие преступления, которые, не затрагивая половой неприкосновенности человека вообще, нарушают общественную нравственность. Это проявляется с одной стороны в распространении уголовной ответственности на многие такие преступления, которые до сих пор оставались почти совершенно не затронутыми уголовным правом и которые характеризуются, как корыстная эксплоатация удовлетворения чужого полового инстинкта,—так выростает группа деяний, значительно расширяющих прежнее понятие сводничества.

II.

Все преступления против половой неприкосновенности характеризуются, как действия, направляющиеся на удовлетворение полового инстинкта, и обычно делятся на две группы: это или 1) любодеяние, которое заканчивается в естественном половом совокуплении, или 2) любострастие, которое представляет собою удовлетворение половой похоти вне естественного совокупления, в чем бы оно ни проявлялось.

Любодеяние и любострастие могут совершаться как добровольно, т.-е. с согласия того, против кого направляется соответственная деятельность, или же без его согласия или вопреки его воле. Об'ектом данных посягательств является половая неприкосновенность. Деяния эти могут быть наказуемы лишь тогда, когда они совершаются без согласия или вопреки воле того, в отношении кого они предпринимаются. Что же касается добровольных, т.-е. свободно и невынужденно учиненных действий этого рода, то они должны наказываться сами по себе лишь тогда, когда они направляются против лиц, не достигших еще половой зрелости, согласие или несогласие которых на акт любодеяния или любострастия значения не имеет.

Отдельные законодательства знают еще другие случаи наказуемого добровольного любодеяния. Это делается по соображениям раз-

ного рода. Так, прежде всего здесь имеет значение интерес общественной нравственности и отчасти интерес общественного здоровья; в силу этих соображений запрещалось в прежнее время всюду под страхом наказания обращение любодеяния в ремесло, занятие им, как профессией, т.-е. торговля своим телом или проституция. В настоящее время сознана безрезультатность борьбы с этим социальным злом при помощи наказаний, и современные законодательства отказались от взгляда на проституцию, как на особое преступление; только в немногих законодательствах (швед., финл., некотор. швейц. кантон.) еще до сих пор это деяние обложено наказанием. Далее, те же соображения общественной нравственности выдвигают требование соблюдения общественной благопристойности и приличия и наказывают его нарушение.

Что касается добровольного любострастного действия, то кроме случаев посягательства на лиц, не достигших половой зрелости, оно может наказываться так же, как добровольное любодеяние, тогда, когда оно совершается при таких условиях, когда этим нарушается общественная нравственность—случай, угол. код. не предусмотренный; по другим соображениям наказуемость этого деяния не устанавливается, и только тот вид любострастия по отношению лиц, достигших половой зрелости, который известен под именем мужеложства, т.-е. противоестественное половое сношение, выделяется некоторыми законодательствами (напр. герм., венг., финл.) в особый деликт; на этой же точке зрения стояло наше прежнее право (улож. о нак. ст. 995 и угол. улож. ст. 510); но другие законодательства отказываются от криминализации этого деяния (франц., бельг., голл., итал.). На эту же точку зрения стал угол. код., не содержащий никаких определений о наказуемости этого деяния, как такового.

Иную позицию занимают в законодательстве недобровольное любодеяние и любострастие. Первое из них,—все равно, является ли оно насильственным или ненасильственным, но учиненным против воли потерпевшего,—рассматривается во всех законодательствах, как одно из тягчайших преступлений против личности. Второе же наказывается обычно в случае насильственного действия виновного; что же касается любострастного действия, учиненного против воли потерпевшего, но без употребления насилия, то одни законодательства предусматривают лишь преступления этого рода, направленные против несовершеннолетних (франц., бельг.), другие же и против взрослых (герм., итал., наше угол. улож. ст. 514). Угол. код. в отношении недобровольного любодеяния усваивает господствующую во всех законодательствах точку зрения на него, как на одно из тяжких преступлений, заимствуя из улож. о нак. (ст. 1525) термин „изнасилование“ (ст. 169), неизвестный угол. улож.; в отношении же недобровольного любострастия он становится на точку зрения франц. права, предусматривая это деяние лишь в отношении несовершеннолетних (ст. 168) и не наказывая его, если оно учинено в отношении взрослых, за исключением, впрочем, недобровольного мужеложства, которое может быть подведено под общее понятие изнасилования. Во всех остальных случаях это деяние с точки зрения угол. код. может быть рассматриваемо, как насилие над личностью (ст. 157) или обида действием (ст. 172).

По своей тяжести посягательства на половую неприкосновенность отнесены в угол. код. к наиболее важным посягательствам, влекущим за собою высокие кары,—обычно наказание определяется с минимальным размером в 3 года, только в отношении любострастных

действий с малолетними и несовершеннолетними устанавливается лишение свободы с максимальным сроком в 5 лет (ст. 168).

Посягательства на половую неприкосновенность затрагивают такую интимную сферу личной жизни человека, в области которой всякая огласка учиненного посягательства может только усугубить вред, нанесенный им. Поэтому естественно, что возбуждение уголовного преследования в этих случаях должно иметь место по жалобе потерпевшего. Но там, где затронуты интересы детей или несовершеннолетних или где речь идет о содействиях чужому половому разврату посредством принуждения к нему, должна выдвигаться иная точка зрения. Следуя этим общим соображениям, наше законодательство допускает возбуждение уголовного преследования по инициативе лица потерпевшего лишь в отношении изнасилования, предусмотренного ст. 169 (ст. 11 угол. проц. код.); при этом казалось бы, что по аналогии это постановление должно быть распространено и на деликт, предусмотренный ст. 169-а (понуждение женщины ко вступлению в половую связь с лицом, в отношении коего женщина является материально и по службе зависимой), так как эта статья лишь дополняет ст. 169 и по редакционному недосмотру она не попала в ст. 11 угол. проц. код. Но если в этом случае уголовное преследование возбуждается по инициативе лица потерпевшего, то все же дело об изнасиловании не может быть закончено примирением, как это принято в отношении оскорбления и клеветы, хотя быть может было бы целесообразным устанавливать ненаказуемость изнасилования в том случае, когда последовал брак между изнасилователем и изнасилованной.

III.

Угол. код. не знает терминов любодеяния и любострастия, принятых угол. улож. 1903 г. в соответствии с такими же терминами иностранного права, и делит все преступления против половой неприкосновенности на две группы: I) Первая группа, это—посягательства на половую неприкосновенность лиц, не достигших половой зрелости, в виде 1) полового сношения с ними (ст. ст. 166 и 167) и 2) развратных действий (ст. 168), причем первое понятие несколько шире понятия любодеяния, так как охватывает собой и противоестественное половое сношение, представляющееся собственно лишь разновидностью любострастия, второе же в общем соответствует любострастию, не охватывая однако противоестественного полового сношения. II) Вторая группа, это—недобровольное половое сношение с лицами, достигшими половой зрелости, или т. н. изнасилование (ст. 169); наряду с ним поставлено, как особый вид, не называемый однако изнасилованием—любодеяние посредством злоупотребления материальной или служебной зависимостью потерпевшей (ст. 169-а). Наконец, отдельно стоит деяние, характеризуемое, как содействие половому разврату других лиц—принуждение к занятию проституцией (ст. 170)—деяние, которое представляется собственно посягательством на личную свободу, как вид принуждения вообще.

IV.

1) Посягательства на половую неприкосновенность лиц, не достигших половой зрелости, сводятся по угол. код.: А) к половому сношению с ними и Б) к развратным действиям.

А. Половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, представляет два вида: а) любодеяние (ст. 166) и б) противоестественное половое общение (ст. 167).

а) Любодеяние есть совершение акта естественного совокупления с лицом другого пола, не обладающим той степенью полового развития, которое предполагается у людей взрослых.

Об'ектом этого преступления является лицо, не достигшее половой зрелости, т. е. такой степени полового развития, при котором предполагается возможность оплодотворить другого или быть оплодотворенным другим. Ввиду того, что констатирование в каждом отдельном случае того, достигло ли лицо, с которым совершается совокупление, половой зрелости, представляет известные затруднения, обычно во всех законодательствах устанавливается чисто формальный признак половой зрелости—достижение известного возраста (напр. 16 лет в норв., 14 лет в герм. (Угол. улож. 1903 г. различало возраст до 14 лет—в отношении этого возраста любодеяние безусловно запрещалось с лицами обоего пола, и возраст от 14 до 16 лет—в отношении этого возраста любодеяние запрещалось, есла оно совершалось без согласия девушки или, хотя и с ее согласия, но с употреблением во зло ее невинности—ст. 513). Этот прием представляется практически более удобным, чем господствовавший в старой доктрине и опиравшийся на римское право взгляд, что посягательство должно быть направлено на девушку, еще не способную к общению с мужчиной (puella nondum viripotens). Угол. код. усваивает именно этот взгляд, не определяя возраста лица, являющегося об'ектом посягательства. Во всяком случае этот возраст не должен превышать возраста, установленного для вступления в брак, т. е. возраста в 16 лет для женщин и 18 лет для мужчин (ст. 66 код. зак. об акт. гражд. сост.), хотя бы в конкретном случае потерпевший и не достиг половой зрелости. С другой стороны нужно учитывать постановление ст. 77 п. „б" код. зак. об акт. гр. сост., в силу которой брак, заключенный до наступления брачного возраста признается действительным, если он имел последствием рождение ребенка или беременность жены. Поэтому, если половое сношение, добровольно учиненное, имело подобное последствие, то независимо от возраста лиц, в него вступивших, деяние не должно считаться наказуемым. Если же было налицо недобровольное любодеяние, то здесь возможна ответственность по ст. 169 за изнасилование (данный вопрос имеет практическое значение относительно порядка возбуждения уголовного преследования в соответствии с ст. 11 угол. проц. код.

Пол потерпевшего лица безразличен, так как угол. код. в своих статьях, посвященных наказуемому половому сношению, говорит вообще о лицах потерпевших и лишь в ст. 169-а он специально говорит о женщине; при этом, так как ст. 166 в противоположность ст. 167 имеет в виду естественное половое сношение, то ясно, что суб'екту преступления—мужчине соответствует его об'ект женщина и наоборот; впрочем нужно иметь в виду, что настоящее половое сношение, т. е. естественное совокупление с мужчиной, не достигшим половой зрелости, невозможно и собственно сводится скорее к любострастному действию.

Степень сознательности лица и его нравственная непорочность значения для состава преступления не имеют, причем из специального указания ст. 167 на половое сношение, сопряженное с растлением, вытекает, что для применения ст. 166 не требуется физической девственности потерпевшей. Так как по угол. код. половые сношения

с лицами, не достигшими половой зрелости, абсолютно воспрещены, то ст. 166 применима и к половому сношению с малолетней проституткой, не достигшей еще половой зрелости.

Со стороны вины данное посягательство должно быть учинено умышленно, т. е. виновный должен знать, что лицо, с которым он вступает в половое сношение, еще не достигло половой зрелости, и желать учинить половой акт с ним. Если в отношении достижения потерпевшим половой зрелости виновный добросовестно заблуждался и предполагал, что то лицо, с которым он вступает в половой акт, уже достигло надлежащей зрелости, хотя бы потому, что потерпевший сам ввел его в заблуждение, исключается возможность ответственности по ст. 166; однако, если он в этом случае действовал против воли потерпевшего лица, вполне возможна его ответственность по ст. 169 за изнасилование. Неосторожность, конечно, в области данных преступлений невозможна.

Действие в составе преступления, предусмотренного ст. 166, заключается в естественном совокуплении, причем безразлично, при каких условиях оно произошло и каким путем виновный добился удовлетворения своей похоти, воспользовался ли он неопытностью и невинностью потерпевшего лица, которое не понимало значения акта, над ним совершенного, или он возбудил в нем плотскую похоть такими приемами и способами, которые могли быть применены только благодаря его невинности, или же он действовал при помощи физического или психического насилия или с использованием беспомощного состояния потерпевшего, т. е. тем способом, который характеризует изнасилование (ст. 169), или, наконец, посредством использования материальной или служебной зависимости потерпевшей (ст. 169а). Необходимость подведения недобровольного любодеяния с лицами, не достигшими половой зрелости, под определение ст. 166 вытекает из того, что по ст. 168 наказание положено несколько более высокое (наличность строгой изоляции при лишении свободы), чем по ст. 169 и 169а.

Оконченным преступление должно считаться с момента полового совокупления, т. е. соединения половых органов. Попытка произвести половое сношение, если она осталась безрезультатной, образует покушение.

Наказание за любодеяние с лицами, не достигшими половой зрелости,—лишение свободы на срок не ниже 3 лет со строгой изоляцией.

Тяжким видом данного преступления является половое сношение, сопряженное с растлением. Это растление нужно понимать не в смысле морального, а физического растления, так как иначе устраняется смысл противупоставления преступлений, предусмотренных с одной стороны ст. 166, с другой ст 167. Растление возможно, разумеется, лишь в отношении лица женского пола, обладающего физической девственностью: оно выражается в разорвании девственной плевы. Нужно иметь в виду, что современные законодательства на наличность физического растления внимания не обращают, считая возможным ограничиться требованием определенного возраста жертвы преступления. Не считалось с этим обстоятельством и угол. улож. 1903 г. В этом отношении угол. код. воспроизводит взгляд улож. о нак. (ст. 1523), говорившего о растлении девушки, не достигшей 14 лет.

Наказание за этот вид любодеяния—лишение свободы на срок не ниже 5 лет.

б) Противоестественное половое сношение есть совершение виновным акта совокупления с лицом, не достигшим половой зрелости, сопряженное с удовлетворением половой страсти в извращенных формах (ст. 167). Поскольку половое сношение обычно мыслится, как естественное половое совокупление, учинение его в извращенных формах является лишь разновидностью любострастия; однако, обычно оно во многих законодательствах особо выделяется, напр., если речь идет о мужеложстве; так поступает и угол. код., не подводящий его под общее понятие „развратных действий“ (ст. 168), но и не ограничивающий его только пределами мужеложства.

Удовлетворение половой страсти в извращенных формах имеет своим об'ектом лицо обоего пола, не достигшее половой зрелости, причем безразлично является ли это лицо девственным или нет.

Со стороны вины данное деяние должно быть умышленным, т.-е. виновный должен знать, что потерпевшее лицо еще не достигло половой зрелости, и желать учинить с ним акт противоестественного совокупления.

Со стороны действия преступление должно выражаться в половом сношении, происходящем в извращенных формах, т.-е. в сходном с естественным совокуплением акте, предполагающем взаимное соприкосновение двух лиц; последним признаком это деяние отличается от любострастия или развратных действий, предусмотренных ст. 168. Каким путем достигается половое сношение в этом случае, с согласия ли потерпевшего или без этого, безразлично, так как наказание, положенное за это преступление, значительно выше, чем за изнасилование (ст. 169). Самое половое совокупление должно происходить в извращенных формах. Последнее понятие охватывает все то, что лежит за пределами естественного совокупления. Сюда следует отнести противоестественное половое сношение, как мужчин (мужеложство), так и женщин (трибадия) между собой, всякое совокупление in anum или per os, независимо от пола потерпевшего по отношению к полу виновного и т. п.

Оконченным данное деяние должно считаться с момента учинения тех действий, путем которых происходит удовлетворение половой страсти. Деятельность, направленная на достижение этого результата, но к нему не приведшая, образует покушение.

Наказание за любодеяние в противоестественных формах—лишение свободы на срок не ниже 5 лет.

Б. Любострастное или развратное действие есть посягательство на половую неприкосновенность несовершеннолетних, направляющееся на удовлетворение половой похоти, но не путем естественного или сходного с ним противоестественного совокупления, а всяким иным путем (ст. 168).

Об'ектом этого преступления являются, как и в только что рассмотренных случаях, лица обоего пола: однако, в отличие от прочих случаев угол. код. говорит здесь не о лицах, не достигших половой зрелости, а о малолетних и несовершеннолетних. Таким образом, на первый взгляд в данном случае имеет значение возраст потерпевшего, а не половая его зрелость, так что при буквальном понимании ст. 168, преступление, ею предусмотренное, возможно и в отношении лиц, уже достигших половой зрелости, но не достигших еще совершеннолетия; но при таком толковании получилось бы, что более важное посягательство в отношении несовершеннолетних, достигших половой зрелости, каким является добровольное половое сношение с ними, не наказывается, а менее важное, каким является развратное действие,

наказывается. Поэтому несовершеннолетних и малолетних здесь нужно понимать так же, как и в ст.ст. 168 и 167, т.-е. в смысле малолетних и несовершеннолетних, еще не достигших половой зрелости.

Преступление с точки зрения вины должно быть совершено умышленно, т.-е. виновный должен знать, что об'ект его манипуляций есть лицо, не достигшее половой зрелости, и желать учинить в отношении его любострастное действие.

Самое действие в составе данного преступления понимается, как развращение несовершеннолетних или малолетних, совершенное посредством развратных действий в отношении их. Но, конечно, для состава преступления не требуется, чтобы потерпевший на самом деле развратился от такого действия, предпринятого по отношению к нему; он может не понимать его значения и остаться совершенно невинным нравственно неиспорченным и не развращенным. Развратные действия должны представляться при этом действиями, заключающими в себе физическое, а не одно лишь нравственное развращение; одно потворствование разврату малолетнего каким бы то ни было путем, напр., дачей поручений предосудительного содержания, предоставление для чтения книг порнографического содержания и т. п. сюда же относится и по угол. код. остается вообще ненаказуемым, в противоположность нашему прежнему праву, которое специально (улож. о нак. ст. ст. 998 и 1000 и угол. улож. ст. 525) предусматривало это деяние, поскольку оно было совершено лицом, на попечении которого находился потерпевший.

Те развратные действия, в которых проявляется данное преступление, представляют собой всевозможные виды удовлетворения половой страсти, не переходящие в извращенные его формы с одной стороны и не являющиеся половым совокуплением с другой. Сюда, например, нужно отнести прикосновение детородными частями к какой-нибудь части тела другого лица, если это не переходит в извращенные формы полового сношения, что является вопросом факта, обнажение его детородных частей, прикосновение к ним рукой и т. п.; при этом сам потерпевший может играть или чисто пассивную роль, или же любострастное действие может выполняться при его участии (напр., при онанизме), наконец, сюда же подойдет подстрекательство малолетних к развратным действиям между собой. Каким путем совершаются эти действия, значения не имеет: виновный мог воспользоваться любым приемом совершения их; при этом он мог получить прямое согласие потерпевшего на это, мог воспользоваться его неведением и невинностью, мог склонить его на это обманом или подарками, мог даже воспользоваться помимо него развившимися порочными наклонностями потерпевшего; он мог, наконец, действовать при помощи физического или психического насилия, заставив ребенка претерпеть любострастное действие, напр., половое прикосновение к себе и т. п.; подводить этот последний случай под изнасилование нельзя, так как последнее предполагает половое сношение, которое именно отсутствует при любострастном действии.

С другой стороны любострастное или развратное действие должно быть во всяком случае учинено в отношении потерпевшего, как того прямо требует угол. код., т.-е. оно должно иметь непосредственное физическое отношение к нему. Поэтому совершение в присутствии потерпевшего любострастных действий или даже полового акта с другим лицом сюда не подойдет.

Оконченным данное преступление становится с момента совершения тех или иных развратных действий. Что касается покушения

на него, то по самому его характеру его конструировать нельзя, так как всякое начатое любострастное действие заключает в себе полный состав преступления, поскольку оно проявляется в удовлетворении половой похоти. Какое значение имело при этом любострастное действие в конкретном случае, безразлично; в частности не имеет значения и то, что оно сопровождалось физическим растлением ребенка, напр., разорванием девственной плевы ребенка при манипуляциях с его половыми органами. Поскольку это деяние не заключает в себе полового сношения, случай этот не может быть подводим под ст. 167; иначе поступает угол. улож., которое этот случай выделяло, как более тяжкий вид любострастного действия (ст. 315, п. 3).

Наказание за развратные действия с несовершеннолетними или малолетними—лишение свободы на срок до 5 лет.

V.

II. Недобровольное любодеяние есть умышленное половое сношение, совершенное или вопреки прямой воле и согласию потерпевшего или без испрошения его согласия. Оно по способу своего действия распадается на два вида: 1) насильственное и 2) ненасильственное. Первое обычно именуется изнасилованием, второе же ненасильственным, но и не добровольным любодеянием или просто недобровольным любодеянием. Однако, в угол. код. понятие изнасилования охватывает и некоторые случаи ненасильственного любодеяния (ст. 169), тогда как другие подобные же случаи (ст. 169а) не называются в нем этим именем. Таким образом, в угол. код. создается понятие изнасилования и без насилия.

а) Изнасилование по угол. код. есть умышленное половое сношение с лицом, принужденным к тому путем применения физического или психического насилия или путем использования его беспомощного состояния (ст. 169).

Об'ектом этого преступления является половая неприкосновенность как женщин, так и мужчин, так как угол. код. говорит вообще о потерпевшем лице, не указывая его пола. Самое преступление, таким образом, возможно как в отношении лица иного пола, чем сам виновный, причем в этом отношении физически возможно только изнасилование женщины мужчиной, но не наоборот, так и в отношении лица того же пола: под изнасилование, таким образом, с точки зрения угол. код. приходится подводить и насильственное мужеложство, которое в нем не выделено в особый состав преступления. Иначе решало этот вопрос наше прежнее право (улож. о нак. и угол. улож.), ограничивая понятие изнасилования случаями насильственного полового сношения с женщиной. Возможность признавать об'ектом изнасилования по угол. код. и половую неприкосновенность мужчины в особенности рельефно выступает из сопоставления изнасилования (ст. 169) и ненасильственного любодеяния, предусмотренного ст. 169а, где в качестве потерпевшего прямо указывается только женщина.

Половая неприкосновенность, как об'ект преступления, должна подлежать соответствующей правовой охране. Поэтому право одного лица на половое сношение с другим исключает возможность говорить об изнасиловании. Подобное право может вытекать или из брака, или из продолжительной внебрачной связи. Поэтому нельзя конструировать изнасилования мужем своей жены; в этом случае возможно говорить о насилии над личностью или обиде действием, но не о на-

сильственном любодеянии. С другой стороны, так как половая неприкосновенность охраняется в настоящее время, в противоположность тому, что признавалось раньше, независимо от нравственной непорочности женщины, и так как современное право не знает полового рабства, то вполне возможно говорить об изнасиловании проститутки, что, конечно, может иметь место в тех исключительных случаях, когда проститутка насилуется не при выполнении своей профессии: таково, напр. изнасилование проститутки, находившейся у кого-нибудь в гостях или лежавшей в больнице и т. п.

Возраст потерпевшего лица сам по себе при изнасиловании значения не имеет, но недостижение потерпевшим половой зрелости превращает изнасилование в преступление, предусмотренное ст. ст. 166 или 167.

Вина в составе рассматриваемого преступления должна быть непременно умышленной. Виновный должен знать, что он не имеет права на плотскую связь с другим лицом и что последнее не из'являет или не может из'явить своего согласия на половой акт и должно желать учинить его.

Преступное действие при изнасиловании обрисовывается в угол. код., как половое сношение, причем под последним нужно разуметь, как это обычно понимается угол. код. и как это вытекает в особенности из ст. 167, половое сношение как естественное, так и противоестественное, т.-е. в извращенных формах, обнимающее собой половые сношения между лицами одного и того же пола, а также между лицами разного пола, поскольку они происходят в извращенных формах. Однако, ими во всяком случае не обнимается развратное или любострастное действие, не переходящее в половое сношение, совершенное не только без согласия, но и против воли потерпевшего лица.

Для самого состава преступления представляется весьма существенным тот способ действия виновного, при помощи которого потерпевший принуждается к любодеянию, так как иначе любодеяние остается ненаказуемым, если только оно не подходит под случай, указанный в ст. 169а. Этот способ действия общим образом характеризуется тем, что половой акт совершается без согласия потерпевшего. Отсутствие согласия предполагает или действительно вопреки воле потерпевшего, т.-е. учинение насильственного любодеяния—изнасилование в тесном смысле этого слова—или действование без испрошения согласия потерпевшего, когда насилие отсутствует, но нет и согласия со стороны потерпевшего, т.-е. недобровольное любодеяние в тесном смысле. Как уже указывалось раньше, оба эти вида в угол. код. об'единены в одном понятии изнасилования, причем отсюда выделен лишь один вид—половое сношение посредством злоупотребления материальной или служебной зависимостью.

Таким образом возможны два способа действия при изнасиловании: а) насилие и б) игнорирование воли потерпевшего, которое характеризуется в угол. код., как использование беспомощного состояния. Любодеяние, достигнутое всяким иным способом действия кроме указанных, не образует собой преступного деяния. Так, угол. код. не знает любодеяния, достигнутого посредством обмана или возбуждения в потерпевшем ошибочного представления о лице, вступающем в половое сношение, напр., действующем под видом мужа потерпевшей,—случай, предусматриваемый некоторыми законодательствами (герм. и венг.); неизвестные ему такие деяния именуется обольщением, под которым разумеется вовлечение в половую связь

при помощи разных ухищрений, напр. подарков, обещанием жениться, (таков был состав обольщения в улож. о нак. (ст. 1531).

а) Насильственный способ действия при недобровольном любодеянии выражается или в физическом, или в психическом насилии. Под первым разумеется всякое воздействие на телесную неприкосновенность, в чем бы оно ни проявлялось, будет ли это насилие над личностью в тесном смысле (ст. 167) или же это насилие выражалось в телесном повреждении независимо от его тяжести (ст. ст. 149, 150 и 153)—во всех этих случаях должна быть установлена ответственность за изнасилование, а не за тот или другой вид телесного повреждения, так как наказание за изнасилование превышает те наказания, которые положены за менее тяжкое и легкое телесное повреждение и совпадает с наказанием, установленным за тяжкое телесное повреждение. Самое насилие должно быть средством принуждения к любодеянию и предполагает наличность сопротивления со стороны потерпевшего лица, которое преодолевается виновным. Оно может представляться настолько интенсивным, что немедленно же устраняет возможность всякого сопротивления со стороны потерпевшего (напр., на женщину внезапно нападают несколько человек, связывают ее и насилуют) или же оно может быть продолжительным и упорным, так что сопротивление прекращается лишь постепенно по мере ослабления жертвы. Насилие, конечно, может быть выполнено и третьим лицом. Сопротивление насилию, где еще оно возможно, должно быть действительным, а не мнимым, делаемым лишь для видимости, притворным; оно должно быть вместе с тем серьезным, т.-е. должно быть пропорционально силам женщины; оно, наконец, должно быть непрерывным до самого акта совокупления; если же потерпевшее лицо сначала сопротивлялось, а потом уступило, тут нет изнасилования. Нужно, однако, иметь в виду, что изнасилование одним мужчиной женщины без помощи соучастников, которые парализовали бы ее сопротивление, встречается сравнительно редко, именно в тех случаях, когда женщина обессиливает в борьбе и лишается возможности дальнейшего сопротивления. На все эти обстоятельства приходится обращать внимание при каждом отдельном случае изнасилования, так как в практике нередки жалобы на изнасилование со стороны женщин, добровольно согласившихся на половой акт, а затем из мести к мужчине или по другим мотивам возбуждающих против них уголовное преследование за изнасилование.

б) Другой вид насильственного способа действия при изнасиловании это психическое насилие, т.-е. угроза. Угол. код., говоря об угрозе, не указывает ее признаков, но, конечно, не всякая угроза является в этом случае достаточной; она должна достигнуть такой степени интенсивности, что действительно становится равносильной физическому насилию над личностью. Поэтому угроза прежде всего должна быть реальной, а не мнимой, и осуществимой; в ней должна заключаться возможность ее немедленного осуществления; угроза злом, которое должно наступить со временем, в будущем, не может иметь особого значения. Далее, при изнасиловании может быть принята во внимание лишь такая угроза, которая по своему содержанию имеет такое же значение, как насилие над личностью—она должна вызывать у потерпевшего страх потерять какое нибудь ценное благо, если он не пожертвует своей половой неприкосновенностью. Такой угрозой может быть угроза смертью или телесным повреждением, но угроза, напр., огласить тайну или донести о совершенном преступлении не является настолько интенсивной, чтобы можно было ее при-

равнивать насилию. С другой стороны эта угроза может направляться и не не посредственно на самого потерпевшего, но на лиц, ему близких, напр., угроза женщине убить ее ребенка, если она не вступит немедленно в половую связь, есть такая же интенсивная угроза, как и физическое насилие. В таком смысле обычно понимают угрозу при насильственном любодеянии все законодательства, в том числе и угол. улож. 1903 г. (ст. 522 п. 2). Во всяком случае, вопрос об интенсивности угрозы есть вопрос факта, решаемый судом сообразно с особенностями конкретной обстановки отдельного случая.

К насильственному способу действия надо приравнять при изнасиловании кроме того и приведение жертвы для вступления с нею в половую связь в бессознательное состояние, напр., посредством хлороформирования, полного опьянения, гипноза и т. п. Этот случай в угол. код. прямо не предусмотрен. Но коль скоро угол. код. наказывает изнасилование, совершаемое путем использования беспомощного состояния потерпевшего, которое могло наступить без всякого участия виновного, помимо его деятельности, то ясно, что и данный случай должен считаться наказуемым. Здесь имеется несомненно насилие над личностью, так как это приведение в бессознательное состояние совершается вопреки воле лица и без его согласия. Кто приводит при этом потерпевшего в бессознательное состояние, сам ли производящий изнасилование или его соучастники, безразлично.

2) Другой способ совершения недобровольного любодеяния, отнесенного угол. код. к изнасилованию, хотя здесь собственно нет насилия над личностью в том смысле, как это было только что указано, это — использование беспомощного состояния потерпевшего. Прежнее право случаев этого рода обычно особо не предусматривало (франц. и наше улож. о нак.), но практика относила их к изнасилованию. Более новые законодательства предусматривают их отдельно от изнасилования, причем наказывают его менее тяжко, чем изнасилование (герм. и наше угол. улож. 1903 г. ст. 522 п. 3).

Под беспомощным состоянием разумеется такое состояние лица, когда оно лишено возможности сопротивляться; при этом безразлично, что именно его вызвало. С одной стороны оно охватывает случаи бессознательного состояния; этот вид изнасилования можно усмотреть в совокуплении с женщиной, находящейся в бессознательном состоянии вследствие болезни или от принятия наркотических веществ, в частности от опьянения, или со спящей и т. п.; с другой стороны, сюда же подойдут случаи физической беспомощности, когда потерпевшее лицо сознавало то, что над ним производится, но не имело физической возможности сопротивления; под этот вид изнасилования можно подводить совокупление с беззащитной, напр., лежащей в постели тяжко больной, связанной, парализованной, калекой и т. п. Во всяком случае под беспомощным состоянием следует разуметь не материальную беспомощность, а физическую, при которой потерпевшее лицо не может оказать сопротивления. Наконец, беспомощное состояние обнимает собой и случай душевной болезни, когда у потерпевшего не только может не отсутствовать половой инстинкт, но, напротив, он может получать чрезвычайные размеры; поэтому под изнасилование этого рода подойдет, в частности, и случай склонения душевно-больной к половому акту путем уговоров и разных ухищрений, и даже такой случай, когда виновный не употреблял для этого никаких ухищрений, но активная роль принадлежала самой больной, так сказать, навязавшейся ему. Половое сношение с душевно-больной

несомненно представляет собой случай использования ее беспомощного состояния для удовлетворения своей половой страсти.

Оконченным изнасилование будет с момента совершения полового акта, т. е. соединения половых органов. Насилие или угрозы, равно как и приведение в бессознательное состояние, употребленные с целью достигнуть полового сношения, но не приведшие к нему, должны рассматриваться, как покушение на изнасилование. При использовании же беспомощного состояния покушение будет заключаться в попытке совершить половой акт.

Наказание за изнасилование—лишение свободы на срок не ниже 3 лет.

Квалифицированным видом изнасилования является изнасилование, имевшее последствием самоубийство потерпевшего лица (ст. 169 ч. 2). Так как угол. код. не знает об'ективного вменения, требуя для уголовной ответственности непременно или умышленную, или неосторожную деятельность (ст. 11 угол. код.), то приходится признать, что ответственность за самоубийство в данном случае возможна только тогда, когда виновный мог предвидеть наступление такого последствия своей деятельности, напр., если потерпевшая прямо это заявляет, либо по обстоятельствам данного случая можно было предвидеть такой исход.

Наказание за квалифицированное изнасилование—лишение свободы на срок не ниже 6 лет.

VI.

Особым видом недобровольного любодеяния, не именуемого однако в угол. код. изнасилованием, является деяние, предусмотренное в его последней редакции и ранее ему неизвестное,—побуждение женщины лицом, в отношении которого она является материально или по службе зависимой, к вступлению с ним в половую связь.

Об'ектом этого преступления является только женщина, причем, конечно, достигшая половой зрелости, так как иначе это деяние будет подводиться под ст. 166 или 167 угол. код.

Со стороны вины деяние должно быть умышленным, т. е. виновный должен знать, что потерпевшая находится в зависимости от него в материальном или служебном отношении, и должен желать учинить половое сношение с ней, пользуясь этим зависимым положением.

Преступное действие характеризуется, как понуждение (т. е. побуждение) ко вступлению в половое сношение, но для состава преступления важно, чтобы половое сношение действительно произошло, так как это деяние представляет собою лишь разновидность общего понятия недобровольного любодеяния. Половое сношение может быть при этом, как и в других случаях, как естественным, так и противоестественным.

Хотя угол. код. в отношении данного деяния не указывает особого способа действий виновного, но, естественно, что таковым должно быть злоупотребление материальной зависимостью или зависимостью по службе. Что касается материальной зависимости, то под нею разумеются все те случаи, когда одно лицо непосредственно получает от другого средства к существованию за свой труд или находится на его иждивении (напр., женщина, служащая прислугой, или безработная, живущая на иждивении своего родственника). Зависимость по службе обнимает все те отношения, которые характеризуются не только состоянием на службе государственной или общественной

(таково, напр., отношение начальника к подчиненной), но и вообще зависимостью потерпевшей, вытекающей для нее из определенного рода службы виновного (напр., отношение заведующего местом заключения к женщине, отбывающей там наказание, и т. п.). Виновный должен действовать посредством злоупотребления подобной зависимостью от него потерпевшей; это злоупотребление может выражаться в угрозе лишить места или содержания, выгнать из дому, лишить предоставленных льгот и т. п.

Оконченным данное деяние становится с момента вступления в половое сношение, как это предполагается во всех случаях любодеяния. Покушение мыслимо, как попытка учинения полового акта посредством злоупотребления зависимым положением женщины, не удавшаяся по тем или иным причинам.

Наказание за этот вид ненасильственного любодеяния—то же, что и за изнасилование; следовательно, последовавшее за изнасилованием самоубийство и в этом случае увеличивает ответственность.

VII.

Особый вид преступлений против половой неприкосновенности человека представляет деяние, которое характеризуется, как содействие чужому разврату путем принуждения к занятию им. Для этого деяния существенным является с одной стороны то, что виновный сам не совершает полового сношения, как это необходимо для всех рассмотренных раньше преступлений, а с другой—то, что здесь речь идет не о содействии определенному половому преступлению, а о содействии занятию развратом других вообще.

Поскольку половой разврат сам по себе, как простое любодеяние ненаказуем, постольку из его ненаказуемости по общим началам уголовного права должна была бы вытекать и ненаказуемость всякого соучастия в нем, в частности, всякого содействия ему. Однако, в известных случаях законодательство находит, что деятельность лиц, содействующих такому деянию, если оно происходит по особым побуждениям, напр., корыстным, и учиняется в известных условиях, напр., по промыслу, или определенным способом действия, напр., путем устройства притонов разврата, должна вызывать уголовную репрессию. На этом основании карается сводничество в разных его видах и устройство притонов разврата; деяния эти являются, однако, посягательствами не на половую неприкосновенность личности, а на общественную нравственность, как известный интерес общежития. Но наряду с этими деяниями (ст. 171) угол. код. карает еще один вид содействия чужому разврату, который не сливается с понятием сводничества и который заключает в себе посягательство на личность, а не на общество, это—принуждение к занятию проституцией (ст. 170). Это деяние по своему существу представляет, собственно говоря, особый вид посягательства на личную свободу—вид принуждения (угол. код. знает общие понятия принуждения, как родового понятия для посягательств на свобсду); лишь некоторые отдельные его виды предусматриваются в нем под углом зрения посягательств на те интересы, которые таким путем посредством принуждения нарушаются. Принуждение при таком решении вопроса становится способом совершения преступления, а не самим содержанием преступной деятельности. К этим особым видам принуждения относится и принуждение к занятию проституцией.

Принуждение к занятию проституцией есть умышленное принуждение кого-нибудь посредством физического или психического воздействия к торговле своим телом (ст. 170).

Об'ектом данного преступления может быть лицо, как мужского, так и женского пола, так как угол. код. не указывает ближе пола потерпевшего, и хотя обычно проституцией занимаются лица женского пола, встречается и мужская проституция. Потерпевшие могут быть как совершеннолетними, так и несовершеннолетними, но несовершеннолетие влечет за собой повышение ответственности за это преступление (ст. 171, ч. 2).

Со стороны вины данное преступление, как и всякое вообще принуждение, должно быть умышленным. Виновный должен сознавать, что другое лицо употребляемым им способом действия побуждается торговать своим телом, и должен желать этого. При этом необходима еще наличность особых мотивов деятельности виновного, именно, корыстных или иных личных видов, как категорически требует этого угол. код. Корыстные виды обнимают стремление к наживе, под иными же личными видами следует разуметь все те побуждения, которые выходят за пределы корысти в тесном смысле и вытекают из личных интересов виновного (напр., желание доставить кому-нибудь удовольствие и т. п.).

Со стороны действия преступное деяние характеризуется, как побуждение, то есть посягательство на свободу человека располагать своими действиями, причем это побуждение направляется на занятие потерпевшим проституцией. Как средство принуждения, указывается в угол. код. физическое или психическое воздействие. Под физическим воздействием здесь надлежит понимать всякое воздействие на телесную неприкосновенность человека, в чем бы оно ни выражалось, подобно тому, как это понимается в отношении изнасилования. Что же касается психического воздействия, то под ним разумеется прежде всего угроза, но, как и при изнасиловании, не всякая вообще угроза, а лишь такая, которая действительно создает безвыходное положение для лица, подвергающегося ей. Но, кроме того, так как понятие психического воздействия шире понятия психического насилия, сюда можно отнести и злоупотребление властью, которое может быть средством психического воздействия на того, кто обязан подчиняться этой власти. Вопрос о том, насколько в отдельном случае было налицо такое психическое воздействие—вопрос факта, разрешаемый судом. Как разновидность рассматриваемого деяния, можно привести сутенерство, которое некоторыми законодательствами (наприм., герм. и нашим угол. улож. 1903 г., ст. 527) предусматривается, как самостоятельное преступление, и под которым разумеется извлечение мужчиной в виде промысла имущественной выгоды получением ее от женщины, занимающейся проституцией и находящейся в зависимости от него или же в беспомощном состоянии. Поскольку сутенер при помощи средств психического воздействия принуждает женщину, находящуюся в зависимости от него, торговать своим телом, его деяние подходит под ст. 170.

Принуждение должно быть направлено на занятие проституцией, то есть торговлей своим телом; принуждение к отдельному акту совокупления, если в нем нет продажи себя за деньги, не обнимается составом данного преступления.

Оконченным данное деяние будет с момента вступления потерпевшего в половую связь с другим лицом за плату вследствие принуждения виновного, так как, хотя данное деяние и характеризуется

в угол. код., как понуждение к занятию проституцией, но, так как оно отнесено к групп- посягательств на половую неприкосновенность, оно должно характеризоваться моментом посягательства на нее. Одно принуждение к занятию проституцией, оставшееся безрезультатным, образует покушение на это преступление.

Наказание за данное преступление — лишение свободы на срок не ниже 3 лет со строгой изоляцией.

В качестве квалифицированного вида принуждения к занятию проституцией в угол. код. предусматривается вовлечение в проституцию: а) лиц, состоящих на попечении или в подчинении виновного, и б) несовершеннолетних (ст. 171, ч. 2). Правда, эта квалификация сделана не в ст. 170, а в ст. 171, которая предусматривает сводничество, но, так как она рассчитана вообще на лиц, вовлеченных в проституцию, она должна быть принята во внимание и в отношении принуждения к занятию проституцией.

а) Что касается первого требования, то здесь имеется в виду, что потерпевший находится в таких особых отношениях к виновному, которые предполагают обязанности попечения о нем виновного, или же наличность власти последнего над ним; таковы, с одной стороны, отношения, вытекающие из родственного союза или из опеки (родителей по отношению к детям, опекунов по отношению к опекаемым), с другой—отношения подчиненности, вытекающие из служебного положения отдельных лиц, (напр., начальника в отношении подчиненного).

б) Второе условие—несовершеннолетие потерпевших. Оно должно быть понимаемо здесь в смысле формальном, то есть в смысле недостижения известного возраста, именно, гражданского совершеннолетия (18 лет), а не половой зрелости, так как данное деяние имеет совершенно иной характер, чем то преступление, для которого выдвигается в угол. код. это требование (ст.ст. 166 и 167).

Наказание за этот вид принуждения к занятию проституцией — лишение свободы на срок не ниже 5 лет.

А. Жижиленко.

Формула приговора по ст. 334 УПК

(в связи со ст. 319).

I.

Кроме заголовка и подписей, как необходимых принадлежностей приговора, в приговоре обычно различают мотивы и формулировку приговора (Urteilsformel, Tenor по нем. терминологии), иначе называемую также „решительною“ частью приговора (entscheidender Teil, Dezisive).

Наш Уголовно-Проц. Кодекс в его действующей редакции не требует изложения мотивов приговора, отступая в этом случае, как и во многих других, от первоначальной редакции. Ст. 338 Угол.-Проц. Код. первоначальной редакции требовала, чтобы в приговоре излагались „добытые судебным следствием данные, положенные судом в основу выносимого приговора“; в новой редакции Угол.-Проц. Кодекса, принятой Президиумом ВЦИК 18 февраля 1923 г., это требование ст. 338 (теперь 334) исключено. Таким образом, в определении содержания приговора наше законодательство пошло иным путем, чем законодательство великой французской революции. Французский

декрет 16-24 августа 1790 г. впервые установил не существовавшую при действии дореволюционного права обязанность судов мотивировать приговоры [1]), а конституция 5 фруктидора III года придала требованию мотивировки приговоров (за исключением вердиктов присяжных) значение конституционного начала на-ряду с началами гласности судебного разбирательства, секретности совещания судей, обязательного провозглашения приговора и включения в приговор выражений (termes) примененного закона (art. 208) [2]).

Русская дореволюционная судебная практика имела уже опыт, выяснивший, какое исключительно большое значение, при отсутствии мотивов приговора, получает „формула приговора"—та часть приговора, в которой излагается собственно решение суда, т.-е. констатируется оправдание подсудимого или признание его виновным, и в последнем случае точно определяется, в чем он признан виновным и к какому он приговорен наказанию. До закона 18 марта 1906 года судебные палаты с участием сословных представителей мотивировали свои приговоры; законом 18 марта 1906 г. они были освобождены от этой обязанности, после чего изложение судом конкретных признаков деяния подсудимого,—как не раз должен был признать, соглашаясь с защитой, сенат,—стало „для обвиняемого единственной гарантией того, что он может быть осужден только за деяние, запрещенное под страхом наказания, и в то же время для кассационной инстанции—единственным средством проверки правильного применения карательного закона" [3]). Таково же значение правильного изложения приговора и для современной судебной практики. Оно надлежащим образом оценено и Нар. Ком. Юстиции и Кассационной Коллегией Верховного Суда. Инструктора-ревизоры Нар. Ком. Юст., при производстве ревизий судебных установлений, неизменно обращают особое внимание на соблюдение ст. 334 и 335 УПК, требования которых на практике, к сожалению, вовсе нередко не выполняются с должной тщательностью. „Мы считаем,—читаем в одном из ревизорских отчетов—необходимым отметить, для устранения, наблюдающиеся *очень часто* в приговорах нарсудов нарушения ст. ст. 334 и 335 УПК в отношении описательной части приговоров. Преступление иногда только называется, а иногда даже не называется, а только указывается, что подсудимый признается виновным в пред'явленных обвинениях, или допускается такое выражение: «Признан виновным в том, что у него нашли бутылку из под самогонки». Необходимо обратить внимание нарсудов на надлежащее, в соответствии с требованиями ст. ст. 334 и 335 УПК, составление приговоров" [4]). На то же постоянно обращается внимание и губсудов [5]).—Кассационная Коллегия Верх. Суда

---

[1]) Garraud, Traité théorique et pratique d'instr. criminelle, t. III, 1912, стр. 582 прим. 1-е.

[2]) Цит. по L. Cahen и R. Guyot, L'oeuvre législative de la Révolution, 1913, ст. 125—126. Революционный трибунал не мотивировал своих приговоров, но это был суд с присяжными заседателями, вердикты которых, по самому характеру этого суда, не могут быть мотивированными.

[3]) См. сводку решений сената по данному вопросу в Системат. Комментарии к Уст. Угол. Судопр. под ред. проф. М. Н. Гернета, М. 1917 г., вып. II, стр. 503.

[4]) „По ревизии" в Еженед. Сов. Юст., 1923 г. № 30, стр. 686. См. также в № 42, стр. 974: „К общим недостаткам всех обследованных судов необходимо отнести: изложение приговоров не соответствует требованиям ст. 334 УПК".

[5]) См., напр., «По ревизии», в Еженед. Сов. Юст., 1923 г. № 37, стр. 850: „Что касается судебной деятельности губсудов, то полезно еще раз подчеркнуть необходимость соблюдения ст. 334 УПК в смысле обязательного включения в описательную часть каждого приговора ныне отсутствующей во многих приговорах формулировки обвинения».

то и дело—даже и в тех случаях, когда нарушения ст. 334 представляются недостаточными для отмены приговоров—напоминает судам, в порядке ст. 439 УПК, о необходимости неуклонного выполнения требований ст. 334. „Указать суду на необходимость соблюдать ст. 334 УПК (точно указывать о времени совершения преступления)"—постановляет Угол. Кас. Кол. в опред. 1923 г., значащемся по наст. реестру „В" за № 876; [1]); „указать суду в порядке надзора, что в резолютивной части приговора отсутствует сжатая точная формулировка обвинения, которое суд признал установленным",—в опред. от 18 окт. 1923 г. по наст. реестру „В" за № 918; „указать суду в порядке надзора на нарушение 334 ст. УПК: приговор должен быть написан ясно, кратко, содержать в себе формулировку обвинения"—в определении от 5 июля 1923 г. по наст. реестру „А" за № 1646 [2]); „указать суду на недопустимость выражений в приговоре: „очевидно", „повидимому", как нарушающих ст. 334, требующую ясности и четкости приговора"—в опред. от 12 дек. 1923 г. в деле по наст. реестру „А" за № 5916; „указать суду в порядке надзора на необходимость в приговоре точно обозначить время и место совершения доказанного деяния (ст. 334 УПК)"—в опред. от 8 янв. 1924 г. за № 6726; „указать суду на необходимость соблюдения 334 ст. УПК (обозначение способа совершения преступления)—в определении от 10 янв. 1924 г. за № 224; „указать суду на необходимость соблюдения 334 ст. УПК (полностью в приговоре не указано, с кем и когда Даб. вошел в соглашение)"—в опред. от 17 янв. 1924 г. за № 6790; или просто без всяких пояснений: „указать суду на недопустимость нарушений ст. 334 УПК"—в опред от 15 янв. 1924 г. за № 6578. В одном известном нам случае Уг. Кас. Коллегия, принимая во внимание, что „постоянные указания Кас. Коллегии на нарушения ст. 334 УПК оставляются без исполнения", внесла даже в свое частное определение предупреждение суда, что „при повторении судом указываемых нарушений будет доведено до сведения дисциплинарной коллегии Верховного Суда (дело по наст. реестру „А" за 1923 г. № 1646).

Формула приговора, по ст. 334, разделяется на две части, которые закон называет „описательною" и „резолютивною",—едва ли точно, так как и в описательной части излагается решение суда (или, как выражается закон, „формулировка обвинения, в котором подсудимый *оправдан*, или которое *признано* доказанным"). Разница между двумя частями формулы приговора не в том, что в первой суд описывает, а во второй решает, а в том, что в первой он *решает*, какие признаки деяния, релевантные с точки зрения уголовного закона, должно считать установленными, или наоборот, не установленными, а во второй *решает*, должен ли подсудимый быть оправдан и, если нет, то под какую норму закона должны быть подведены установленные признаки деяния, и какое наказание из числа допустимых по тому же закону должно быть выбрано.

II.

Нарушения I ч. ст. 334 составляет условный кассационный повод, т.-е. служат поводом к отмене приговора лишь тогда, когда можно

---

[1]) Совершенно однородное определение от 15/X-1923 г. по наст. реестру дел с расстрелом за № 920.

[2]) См. также частное определение Уг. Кас. Коллегии от 20/X-23 г. (дело по наст. реестру „В" 1923 г. № 926).

предполагать, что точное выполнение требований ст. 334 привело бы к постановлению другого приговора. На первый взгляд может показаться, что для такого предположения вообще нет места: на содержание приговора могут повлиять условия производства дела, предшествующие постановке приговора; напротив, изложение приговора, повидимому, предопределяется уже данным содержанием его Однако, это прежде всего неверно по отношению ко всякому решению, состоящему из двух или нескольких моментов, когда один из них обусловливает другой; в частности, неточное соблюдение, если не всех, то некоторых из требований относительно изложения описательной части приговора может подготовить ошибочный вывод для резолютивной части его или по крайней мере, может затруднить проверку в кассационном порядке правильности этой части (с точки зрения 3 п. 413 ст. УПК). Независимо от этого, бесспорно, что форма приговора определяет в значительной мере и его содержание, и, если не всегда, то часто можно сказать, что если бы форма приговора была другою, то и содержание его было бы другим, т.-е. иным, чем то, которое выражено, или, по крайней мере, более ясным и потому более доступным проверке.

В I ч. ст. 334, с одной стороны, содержится общее требование формулировки обвинения, в котором подсудимый оправдан, или которое признано доказанным, с другой, указываются моменты, которые при формулировке обвинения должны быть отмечены. Соответственно этому и нарушения I ч. 334 ст. могут быть или нарушениями ее в целом, или нарушениями отдельных частных содержащихся в ней требований. Нарушения требований I ч. ст. 334 могут быть разделены на две категории и с другой точки зрения: одни имеют самостоятельное значение в качестве кассационных поводов; другие лишь тогда, когда то обстоятельство, которое, по 334 ст. УПК, должно быть указано в приговоре, не только не указано, но а) как можно предположить не установлено. несмотря на то. что могло иметь значение для определения последствий преступления (в таком случае нарушение ст. 334 почти всегда соединено с предусмотренною в ст. 414 УПК недостаточностью произведенного следствия) или б) будучи установлено, не учтено в приговоре (в таком случае, нарушение ст. 334 чаще всего соединено с нарушением какого—либо закона, определяющего материальные последствия преступления).

Рассмотрим каждое из требований I ч. 334 ст. отдельно:

1. Общее требование формулировки обвинения, в котором подсудимый оправдан, или которое признано доказанным—Самостоятельное значение в качестве кассационных поводов имеют двоякого рода нарушения этого требования: а) совершенное невыполнение его, когда суд ограничивается „резолютивною частью", б) такая „формулировка", при которой неясно, что признано и что не доказано, по какому обвинению подсудимый оправдан и в чем он обвинен, или, если подсудимых несколько, то каково было участие каждого из них в преступлении.

Первый случай — отсутствие формулировки обвинения — иллюстрируется примером решения Московского Губ. Суда отмененного Угол-Касс-Коллегией Верховного Суда определением от 28 февраля 1923 г. за нарушением 338 ст. УПК старой ред. (теперь ст. 334) на том основании. что „в приговоре не было совершенно описательной части, а была лишь вступительная часть, каковая, представляя

копию обвинительного заключения, не может считаться существенною частью приговора и остается неизвестным, в каких именно деяниях осужденные признаны виновными, и правильно ли квалифицированы преступления" (См. Еженед. Сов. юст., 1923 г., № 23, стр. 542).

Случаи неправильного выполнения требования формулировки доказанного или отвергнутого обвинения находим в следующих примерах. В зас. 29 января 1924 г. Угол. Кас. Кол. Верх. Суда определением за № 2587 отменила приговор „в виду того, что гр. Кир. оправдан, как по недоказанности содеянного, так равно и за отсутствием состава преступления в его деяниях, откуда следует, что часть содеянного была доказана, но в приговоре не указано, что именно доказано и ненаказуемо, и что отвергнуто, чем нарушена ст. 334 УПК".—В определении Угол. Кас. Кол. от 12 января 1924 г. за № 00672 в качестве одного из оснований приговора приведено: „из приговора не представляется возможным судить, в чем собственно выразилось деяние Ск. в подготовлении убийства Корн., и какова степень участия ее в преступлении". Определением от 31 января 1924 г. за № 2746 Угол. Кас. Кол. отменила приговор, „принимая во внимание, что приговор постановлен с нарушением 334 ст. УПК, так как не указаны *конкретно* обвинения, признанные доказанными в отношении каждого осужденного в отдельности" [1]).

Обвинение должно быть в описательной части приговора обозначено именно конкретно, а не термином закона, на котором основана резолютивная часть; обозначение преступления термином закона ничем не отличалось бы по значению от простой ссылки на закон материального уголовного права, между тем как, назначение первой части приговора, в частности, в том и заключается, чтобы дать возможность проверить правильность применения закона, если приговор последовал обвинительный, или правильность признания деяния непреступным. „Виновности в нарушении статьи не может быть", как указала Угол. Кас. Коллегия Верх. Суда в порядке надзора Московскому Губсуду в уже цитированном определении от 28/II 1923 г.

Бесспорным основанием к отмене приговора должна считаться противоречивость формулировки обвинения, которая, напр., имеет место, когда судом за доказанное принято одно из двух деяний только на том основании, что одно из них должно было иметь место (если не то, так другое)—то, что в немецкой литературе обозначают выражением „Die Verurteilung auf Grund wahldeutiger Tatsachenfeststellung". Напр., суд пишет: „если подсудимый не совершил кражи, то во всяком случае он виновен в укрывательстве кражи" или: „если подсудимый не совершил умышленно поджога, то он в лучшем случае произвел поджог по неосторожности". Во всех этих оборотах заключается непримиримое логическое противоречие: если суд допускает, что подсудимый совершил кражу, то у него уже никоим образом не может быть одновременно убеждения в том, что тот же подсудимый виновен в укрывательстве той самой кражи, обвинение в которой составляет предмет дела. В примерах такого рода логическая последовательность приносится в жертву желанию во что бы то ни стало обвинить подсудимого—желанию, подсказываемому, может быть, добросовестным убеждением суда, что перед ним во всяком случае вредный для общества человек, которого отпустить с миром мешает судьям

[1]) То-же в определениях Уг. Кас. Коллегии от 3/XI—23 г. (по наст. реестру уг. дел «В» в 1923 г. № 982) и от 28/IX—23 г. (по наст. реестру «В» 1923 г. № 861).

их правовое чувство. Это—то, что называется sacrificium intellectus. Такое принесение логики в жертву чувству, хотя бы и правовому, недопустимо, пока оно не разрешено прямо законом [1]).

2. Требование указания способа совершения преступления и других отличительных признаков, какие по обстоятельствам дела могут иметь место. Самостоятельное значение может иметь и невыполнение этого требования. Нетрудно представить себе пример: установив в описательной части приговора, что подсудимый похитил вещь, суд признал его виновным в грабеже по ст. 182 Угол. Код.; неуказание способа похищения сделало для кассац. суда невозможным проверить правильность применения закона. Но закон требует указания, помимо способа совершения преступления, также и „других отличительных признаков, какие по обстоятельствам дела могут иметь место", конечно, если это—признаки, способные повлиять на окончательный вывод суда по вопросу о виновности и наказании подсудимого. В одном конкретном случае суд признал, что подсудимый, заключив со служащими государственного предприятия фиктивную сделку купли-продажи на такую-то сумму, прикрыл этим дачу взятки; здесь указан способ совершения преступления: взятка была дана путем заключения фиктивной сделки, и все же по конкретным обстоятельствам дела, было допущено существенное нарушение, так как, если бы суд не ограничился общим наименованием сделки „фиктивной" (термин, непременно требующий раскрытия содержания его ad casum), а обозначил бы ее индивидуальные признаки (сделка была заключена на имя предприятия, а не служащего его и относительно товара, который иным путем и не мог перейти в собственность подсудимого и действительно перешел), то возможно, что отпал бы и самый вывод о прикрытии ею дачи взятки.

Нарушение всех остальных требований самостоятельного значения в качестве кассац. поводов не имеет.

3. Указание имени, отчества, фамилии или прозвища подсудимого. Последствием невыполнения этого требования может быть сомнение при исполнении приговора, если, напр., по делу судились два лица с одинаковыми именами, отчествами и фамилиями, но разными прозвищами, причем в приговоре их прозвища не обозначены, а между тем приговорены они к разным наказаниям; в таком случае потребуется раз'яснение приговора самим судом, постановившим приговор (ст. ст. 461—462 УПК). Далее, возможна жалоба на осуждение не того лица, которое было предано суду [2]). Возможна и отмена приговора в кассационном порядке по такой жалобе,—однако, не за нарушением 334 ст., а за нарушением ст. 264 УПК, если будет установлено, что председатель суда не удостоверился в самоличности подсудимого, или за силою ст. 414 УПК, если подсудимый заявлял, что он не то лицо, которое привлечено к ответственности, но суд оставил это заявление не проверенным.

При отсутствии же этих условий, жалоба на осуждение не того лица, которое было предано суду, будет жалобой на неправильную

---

[1]) С нашей точки зрения, оно и не может быть никогда разрешено. Однако, в германской литературе вопрос о „легализации" двусмысленных приговоров („виновен, если не в том, так в другом") серьезно обсуждается в юридической прессе. Настойчиво отстаивает его положительное решение „советник имперского суда" Zeiler (см. Zeitschrift für die ges. Strafrechtswissenschaft, 1922, B. 43, H. 5).

[2]) Вспомним Некрасовское: «Нужно было из Давыдова вызвать Тита Кузьмича; описались—из Свирндова взяли Титушку ткача».

оценку данных, представленных в доказательство того, что вызванное в качестве обвиняемого лицо не тождественно с лицом, преданным суду и, следовательно, будет жалобой по существу дела, не подлежащей поверке в кассационном порядке.

4. Требование указания возраста подсудимого. Последствием неопределения (не только неуказания) возраста может быть неправильный приговор: лицо, недостигшее 14-летнего возраста, осуждено по Уголов. Кодексу; это—нарушение ст. 18 УК; высшая мера наказания применена к лицу, не имевшему еще в момент совершения преступления 18 лет—нарушение примеч. к ст. 33 УК. Но жалоба на неуказание возраста, если жалующийся не указывает на неправильное, в зависимости от возраста, применение наказания, была бы оставлена без последствий.

5. Требование указания классовой принадлежности и социального положения подсудимого. Придавая этому требованию большое значение, Нар. Ком. Юст. особым циркуляром (от 26 февраля 1923 г. № 39) предложил «всем судебным органам, при вынесении приговоров, точно помещать в них все данные, касающиеся подсудимого, предусмотренные 334 ст. Уголовно-Процессуального Кодекса». Нар. Ком. Юст. в цитированном циркуляре имел в виду значение указания классовой принадлежности и социального положения личности подсудимого для решения вопроса о помиловании его президиумом ВЦИК, но то—же требование может иметь значение, согласно сложившейся практике, и для применения ст. 437 УПК; как свидетельствует та же практика, классовая принадлежность и социальное положение обвиняемого могут иметь значение и для выбора наказания судом. Поэтому, если классовое положение и социальная принадлежность обвиняемого не были указаны в приговоре и не установлены в деле, то от кассационного суда, смотря по характеру преступления, зависит признать нарушение 334 ст. существенным или несущественным—всегда, однако, в связи с недостаточностью следствия.

6. Требование указания места совершения преступления. Если следствием не только неуказания, но и оставления судом без внимания места учинения преступления было нарушение правил местной подсудности, то приговор *может быть* отменен на основании ст. 419 УПК. Если неопределение места совершения преступления могло повлечь за собой и неправильную квалификацию деяния (напр, если вследствие этого была неправильно применена ст. 193 УК, ставящая наказуемость ссуды перечисленных в ней предметов в зависимость от обычной для данной местности нормы вознаграждения), то налицо будет нарушение, предусмотренное 1 п. 413 ст. (недостаточность следствия).

7. Требование указания времени совершения преступления. Если при судебном рассмотрении дела вопрос о времени совершения преступления ставился под сомнение и затем остался неразрешенным в приговоре, то это будет существенным нарушением ст. 334—однако, лишь при условии, если от времени совершения преступления зависело применение наказания (давность, амнистия), смягчение его (амнистия), применение более раннего или более позднего закона (в силу ст. 2 УПК), определение состава преступления по тому или другому из одновременно изданных законов (напр., по 1 или 2 ч. 206 ст., ставящей квалификацию преступления—уклонения

военнослужащего от несения военной службы—в зависимость от того, было ли оно учинено в военное или мирное время). Если же с точным определением времени не было связано никаких материальных последствий, то неуказание времени совершения преступления в приговоре будет лишь несущественным нарушением ст. 334. Несущественным нарушение ст. 334 будет и тогда, когда время совершения преступления, не подвергавшееся сомнению, но имевшее значение для определения последствий преступления, в приговоре не указано, из содержания же приговора видно, что оно правильно было учтено судом. В тех же случаях, когда время совершения преступления, с точностью и бесспорно устанавливаемое данными дела, в приговоре не указано, из содержания же приговора следует, что оно было упущено судом из виду и приговор постановлен вопреки тому закону, который должен был бы быть применен, если бы было принято во внимание время совершения преступления, то приговор подлежит отмене за нарушением этого именно закона, напр., акта об амнистии.

8. Требование указания личности потерпевшего. Личность потерпевшего может иметь значение и для определения состава преступления (оскорбление представителя власти – ст. 88 УК), и для решения вопроса, наказуемо ли деяние (подговор к самоубийству несовершеннолетнего – ст. 148 УК) и для выбора наказания. Но во всех этих случаях важно установление личности потерпевшего; поэтому, как и в ряде предыдущих случаев, неустановление личности потерпевшего может иметь значение кассационного повода лишь тогда, когда можно допустить, что личность потерпевшего не указана потому, что она не установлена.

III.

Что касается „резолютивной" части приговора, то мы ограничимся немногими только замечаниями о ней, так как главное требование, предъявляемое 334 статьею к этой части, есть требование указания на избранное судом наказание—требование, подробно определяемое уже ст. 335. По размерам места, отведенного для нашей заметки, мы не можем привлечь к своему рассмотрению и эту статью.

Возможны такие неправильности в резолютивной части приговора, которые вместе с тем будут нарушением ст. 334 в целом. Таким нарушением будет противоречие резолютивной части приговора. Уг. Кас. Кол. Верх. Суда опред. от 21 дек. 1923 г. отменила полностью приговор на том основании, что „приговор содержит противоречие между описательной и резолютивной частью, что составляет нарушение ст. 334 УПК., ибо, признав в описательной части установленным, что обвиняемый совершил покушение на половое сношение с потерпевшей через задний проход, т. е. в извращенной форме, что предусмотрено ст. ст. 14 и 167 УК, суд в резолютивной части признал, что совершение обвиняемым преступления, предусмотренного ст. ст. 14 и 167 УК, не подтвердилось" (дело по наст реестру „А" 1923 г. № 6078)[1]). Однако, противоречие между описательной частью и резолютивной, если это противоречие заключается в несоответствии установленных признаков деяния и квалификации, служит к отмене приговора только в том случае, если, как выражается ст. 416 УПК, „допущенная судом ошибка повлекла за собою поста

[1]) Пример из практики Украинского Верх. Суда см. в Вестн. Сов Юст. 1924 г. № 2, стр. 63.

новление иного наказания, нежели то, которое должно было быть определено судом при надлежащем применении закона". (Опред. от 31 янв. 1924 г. за № 2445 Ук. Кас. Кол. оставила приговор в силе, указав в то же время суду на нарушение ст. 334, состоящее в „неясности приговора в частях описательной и резолютивной, кои не соответствуют друг другу по определению преступного деяния и квалификации").

Указание на личность подсудимого в резолютивной части приговора наибольшее значение имеет, конечно, в случаях осуждения нескольких лиц, когда важно точно определить, какому наказанию подлежит каждый из осужденных.

Закон требует указания в резолютивной части на оправдание или на признание пред'явленного обвинения доказанным, но, если в описательной части обвинение должно быть конкретно формулировано, в резолютивной достаточно простой ссылки на статью Угол. Кодекса. Чтобы совсем точно выполнить требование закона в приговоре следовало бы писать: „признавая на основании всего изложенного доказанным обвинение NN в преступлении, предусмотренном статьею..... Уг. Код ....", но, разумеется, можно ограничиться и тою формулою, которая предложена в „Образцах и формах актов и бумаг по уг. судопроизводству", составленных 1-м отделением Н.К.Ю. (1924 г.): „а потому и на основании ст. ст. Угол. Код..... приговорил".

В „резолютивной" части должна быть сделана ссылка на статью, на основании которой суд назначил наказание для того, чтобы кассационный суд мог проверить правильность применения наказания. Но отсутствие ссылки на статью само по себе, по общему правилу, еще не опорочивает приговора, если назначено такое именно наказание, какое могло быть назначено по статье, соответствующей установленным признакам деяния.

Так как многие статьи особенной части Уголовного Кодекса имеют две или даже несколько частей, предусматривающих отдельные виды преступлений с различными наказаниями, то, как на это указывал еще Верховный Трибунал (циркуляр от 16 авг. 1922 г. за № 128), в приговоре следует указывать не только статью Уголовного Кодекса, но и ее часть.

Определяя, что должно быть в приговоре, ст. 334 тем самым исключает все остальное; поэтому, напр., в изложение обвинительного приговора не должно быть вносимо частное определение о изменении или изменении меры пресечения, предусматриваемое ст. 341 УПК. Ревизоры Нар. Ком. Юст. жалуются „на слишком большую перегруженность приговоров излишними подробностями, совершенно не требуемыми ст.ст 334 и 335 УПК" при отсутствии тех сведений, которые требуются этими статьями; в приговорах помещаются и улики против подсудимых и их об'яснения и подробное изложение обстоятельств дела, одним словом, описываются почти все данные обвинительного акта[1]). „Указать суду—значится в частн. определении Угол. Кас. Кол. Верхн. Суда от 18/X — 1923 г. по наст. реестру „В" за № 918—на многословность приговора, подробные ссылки на показа-

[1]) Н. Еднарал.—А. Елоховский, «По ревизии», в «Еженед. Сов. Юст.» 1923 г., № 30, стр. 685.

ния свидетелей и, что в описательной части приговора заключается ненужная полемика с осужденным".

IV.

Из того, что закон теперь не требует изложения оснований приговора, отнюдь не следует, конечно, что приговор может быть „голословным", как выражалась раньше ст. 363, говорившая в 1-м п., что приговор признается явно несправедливым, когда он „является совершенно голословным" [1]). Голословность приговора была бы нарушением ст. 319 УПК, требующей, чтобы суд основывал свой приговор исключительно на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. Чрезвычайно трудно, конечно, установить — притом при отсутствии письменно выраженных мотивов,—точную грань, до которой кассационный суд только проверяет, основал ли суд свой приговор на данных, рассмотренных в судебном заседании, и переходя которую он уже вторгается в сферу исключительного ведения „судьи существа дела" (juge du fond),—грань между обязанностью отменить приговор, не основанный на данных дела, рассмотренных в судебном заседании, и обязанностью воздерживаться от оценки значения установленных данных для решения вопроса о виновности и невиновности подсудимого. Ст. 413 УПК и без того уже широко раскрывает двери кассационного суда для внесения в него „существа дела". П. I ст. 413 в связи со ст. 412 и 414 обязывает кассационный суд произвести оценку обстоятельств, которые не были выяснены судом первой инстанции,—оценку с точки зрения того влияния, которое они могли оказать на приговор; 4 п. 413 ст., в связи с ст.ст. 412 и 417, обязывает суд оценить обстоятельства, которые были установлены судом, с точки зрения их значения для выбора наказания в рамках, установленных законом. Если вдобавок к этому признать за судом право широкой проверки соответствия приговора в части, устанавливающей виновность или невиновность обвиняемого, по данным, рассмотренным в деле, то кассационный суд превратится в такой же „суд существа дела", как и первая инстанция.

Мы полагаем, что можно установить следующие общие начала:

а) Если в деле есть только доказательства, говорящие in favorem defensionis, а суд признал подсудимого виновным, то приговор подлежит безусловно отмене.

б) Если в деле нет доказательств, говорящих ни за, ни против подсудимого, а приговор постановлен обвинительный (это бывает иногда в случае обвинения по соучастию, когда суд имеющиеся в деле обвинительные доказательства огульно распространяет на всех соучастников), то приговор и в этом случае подлежит отмене. Для иллюстрации этого положения можно сослаться на опред. Угол. Кас. Коллегии от 12 января 1924 г., за № 672, коим Кас. Коллегия отменила приговор первой инстанции, между прочим, „в виду того, что . . . . . нарушена 319 ст. УПК, требующая обоснования приговора данными дела, между тем в деле отсутствуют данные, на основании коих суд мог прийти к заключению об участии Скотниковой в убий-

---

[1]) В этом случае мы согласны с А. С. Тагером, что исключение в действующей редакции УПК I п. 363 (теперь 417) могло быть вызвано только тем, что указанный в нем кассационный повод разумеется сам собою („Кассационное обжалование", М. 1921 г. изд. „Право и Жизнь", стр. 50).

стве, ибо даже повода со стороны подсудимых нет, а свидетельские показания касаются лишь характеристики отношения ее к Корнилову (убитому), но не факта убийства".

в) Если в деле есть данные, говорящие за и против виновности подсудимого, то ст. 319 УПК не может дать основания к отмене приговора, каков бы он ни был — обвинительный или оправдательный; сопоставление данных и взвешивание их доказательной силы составляет задачу суда, разбирающего дело по существу: в отношении установления доказательной силы представляемых ему данных власть его „суверенна", как „суверенны" и его заключения [1]).

г) Если в деле имеются только данные, говорящие против обвиняемого, а приговор постановлен оправдательный, то и в этом случае, по общему правилу, нет повода для отмены приговора со ссылкой на 319 ст., так как суд мог признать доказательства против обвиняемого почему-либо недостаточными или не вызывающими доверия. За исключение—и то с натяжкой—можно принять разве лишь тот случай, когда при наличности в деле только таких обвинительных доказательств, которые сами по себе достоверны (таковы, по общему правилу, вещественные доказательства обвиняемый не представляет никаких об'яснений, опровергающих их обвинительное значение (напр., утверждая, что они были ему подкинуты), другими словами, когда оправдательный приговор нельзя даже об'яснить недоверием к представленным доказательствам.

Практика Верх. Суда, однако, не подтверждает двух последних начал и мы знаем примеры, когда Кас. Коллегия входила в сравнительную оценку значения представленных на суде обвинительных и оправдательных доказательств или отменяла оправдательный приговор, не разделяя скептического отношения к имеющимся в деле уликам со стороны суда. Так, в засед. 29 января 1924 г. определением за № 2587 Касс. Коллегия отменила, по протесту прокурора, оправдательный приговор, в частности, на том основании, что он „не находит себе никакого подтверждения ни в материалах предварительного следствия, ни в протоколе судебного заседания, заключающих в себе целый ряд существенных улик против Кор., что указывает на нарушение 319 ст., когда суд не руководствовался всеми обстоятельствами дела".—В определении же по д. Шорина и Константинова, рассмотренному в порядке надзора, Касс. Коллегия пошла еще гораздо дальше, подвергнув данные судебного следствия своей оценке на основании сопоставления их даже с данными дознания. Определение Касс. Коллегии (№ 231 н.) формулировано следующим образом: „Принимая во внимание, что из обстоятельств дела видно: Шорин и Константинов в своих первоначальных показаниях 1 марта 1923 г. признали факт получения ими 400 руб. от гр. Турб., но якобы заимообразно, и что в дальнейшем отрицание этого на судебном заседании и об'яснения, что эти показания были даны под давлением Бахм., неверны, так как Шорин и Константинов писали показание собственноручно, что деньги были получены с подследственного МУР'а Турбинова, а потому получение денег должно рассматриваться, как взятка ....,

---

[1]) В этом случае мы пользуемся выражениями (le pouvoir souverain d'appréciation, constitutions souveraines), которые не раз встречали при просмотре решений бельгийского кассационного суда; см. в Revue de Droit Pénal et de Criminologie, 1923 г. № 5, стр. 476, № 7, стр. 713.

а потому оправдательный приговор вынесен с нарушением ст. 319 УПК и основан не на всех материалах, добытых на следствии и дознании".

Н. Полянский.

Письмо в редакцию.

Бесспорный вопрос кооперативного права.

(По поводу статьи Г. Колоножникова «Эволюция русского кооперативного права» в № 4 журнала «Право и Жизнь»).

В интересную и обильную материалом статью Г Колоножникова „Эволюция русского кооперативного права" вкралась досадная ошибка, которая может ввести в заблуждение читателей и лиц, изучающих кооперативное право, если они недостаточно знакомы с до-революционным кооперативным законодательством.

Говоря на стр. 61— о порядке учреждения потребительских обществ, с разрешения губернаторов, автор указывает: „В июле 1905 г.[1]) Советом Министров допущен был в отношении их явочный порядок учреждения". Далее (стр. 62), подчеркивая неудобства концессионной системы учреждения кооперативных организаций, автор вновь говорит: „Затем в июле 1915 года Советом Министров, по представлению Министра Торговли и Промышленности, разрешен был особый явочный порядок учреждения потребительских обществ", при условии „принятия обязательного устава".

Таким образом, по мнению Г. Колоножникова, потребительские общества возникали до июля 1915 г. в концессионном, а с июля 1915 г. в явочном порядке.

Между тем, до издания закона Временного Правительства 20/III—1917 г потребительские общества возникали в концессионном порядке, с разрешения губернатора, хотя бы они и учреждались на основах обязательного устава, утвержденного М. В. Дел 15 мая 1897 г.

Г. Колоножников, повидимому, имеет в виду то представление, которое Министр Торговли и Промышленности кн. Шаховской внес 4/VII 1915 г. в Совет Министров о ближайших задачах законодательства и управления в отношении потребительских кооперативов. В этой записке действительно проектировалась передача потребительской кооперации из ведения М. В. Д. в М. Т. и Пр., и указывалось, что „при наличности образцового устава не представлялось бы серьезных препятствий к явочному порядку открытия обществ" [2]). Совет Министров одобрил представление М Т. и Пр., но никаких постановлений по этому поводу опубликовано не было ни в „Собр. Узаконений",

---

[1]) Явная опечатка,—из дальнейшего видно, что автор имеет в виду 1915 г. (см. стр. 62).

[2]) Союз Потр. № 21 от 25/VII 1915 г. А. Меркулов „Исторический очерк Потребительской Кооперации в России", 3 издание. М. 1919 г., стр. 51.

ни даже в официальном органе Мин. Тор. и Пром. „Торгово-Промышленной Газете“, и поэтому это „одобрение представления“ М. Т. и Пр. не имело никаких практических последствий.

В июне 1916 г. „Союз Потребителей“ [1]) писал: Министр Т. и Пр. кн. Шаховской „делает старательные, но пока безуспешные попытки перевести учреждения потребительской кооперации в свое ведомство“, тогда как М. В. Д. „по соображениям политическим“ настаивает на оставлении потребительской кооперации в его ведомстве.

Деятельность М. Т. и Пр. в отношении потребительской кооперации дальше выработки проектов нового нормального устава и закона не пошла

В декабре 1915 г. Торгово Пром. Газета [2]) сообщала, что „М. Т. и Пр. заканчивает разработку нового законопроекта о потребительских обществах“. Проектировался явочный порядок—при условии нормального устава—в земских губерн. путем регистрации устава в Губернских Земских Управах; в неземских—в Губернских по делам об обществах и союзах присутствиях“.

Законопроект этот в мае 1916 г. был внесен в Совет Министров, где он и обсуждался, как правительственный контр-проект кооперативного закона, в виду неприемлемости для правительства проекта кооперативного закона, выработанного на Всероссийских Кооперативных С'ездах и принятого Государственной Думой.

Но до 1917 г. ни думский, ни правительственный проекты законов о кооперации не получили силы закона, и обсуждение и прохождение их через все инстанции было прервано революцией.

Таким образом, если даже не останавливаться на дальнейшем разборе материалов по данному вопросу, мнение Г. Колоножникова, что с июля 1915 г. потребительские общества возникали в явочном порядке, представляется ошибочным.

В. Поволоцкий.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Revue du droit public 1923 г. *№ 1* (*январь, февраль, март*) *и № 2* (*апрель, май, июнь*).

Первые два выпуска Revue du droit public за 1923 г. содержат статьи проф. Жеза и проф. Дюги. Перу проф. Жеза принадлежат две статьи. В своей первой статье проф. Жез ставит вопрос о применении в области публичного права норм права частного и излагает новейшую практику по этому вопросу французского Государственного Совета.

Законы гражданские не находят себе непосредственного применения в области французского публичного права: для французского публичного права имеют значение только *общие теории частного права*, находящие свое выражение в законах гражданских. Но и значение общих теорий частного права не безусловно: их применение в области публичного права находится в соответствии с принципом необходимости обеспечить нормальное и бесперерывное отправление публичных служб. Это общее положение сказалось прежде всего в вопросах деликтной ответственности государства и администрации. В первой половине XIX ст. ответственность государства и администрации регулж-

[1]) Союза Потреб. № 22 от 19/VI 1916 г., стр. 765.
[2]) Торг.-Пром. Газ. от 15 и 22/XII 1915 г., №№ 279 и 285.

ровалась нормами гражданского права и в частности ст. ст. 1382 и след. Гр. Кодекса. Но уже в решении 6-го дек. 1755 г. по делу Ротшильда Государственный Совет, вопреки господствующему мнению, вполне определенно указывает на невозможность чисто механического, простого применения норм частного права к публично-правовым спорам. Эту же точку зрения Государственого Совета разделяет и Трибунал по конфликтам, высказавшийся в этом духе в одном из своих первых решений (по делу Бланко, решение от 1-го февр. 1873 г.). С 1916 г. Государственный Совет распространяет свою точку зрения и на договоры, заключаемые администрацией. Государственный Совет не применяет к этим договорам огульно всех частно-правовых договорных норм, а выдвигает критерием применимости их все тот же принцип необходимости обеспечить нормальное и беспрепятственное отправление публичных служб. Постепенно этот же принцип оказывает влияние и на другие соглашения (договорного характера), заключаемые администрацией. Сюда надо отнести соглашение о бесплатном представлении государственных земель частным обществам, преследующим общественные интересы, каковое соглашение, впрочем, является скорее административным актом sui generis, не имеющим аналогии в праве частном, и т. н. concession de crements futurs, т. е. предоставление администрацией частным лицам участков земель общественного кользование (напр., морского берега), представление им возможности использования речных вод, устройства плотин и т. д.

Также и публично-правовые соглашения недоговорного характера регулируются частно-правовыми нормами лишь постолько, поскольку это не противоречит правильному отправлению публичных служб. Из публично-правовых соглашений недоговорного характера наибольшего внимание заслуживают: назначение должностных лиц и добровольное поступление на военную службу. Особенно много споров во Франции вызвало определение юридической сущности взаимоотношений между государством и лицом, добровольно поступившим на военную службу. Последовавшее в 1920 г. решение Государственного Совета вполне определенно выявило, что эти отношения не являются договорными и что начала гражданского права к регулированию этих отношений не применимы.

Вторая статья проф. Жеза, напечатанная во втором выпуске Revue, представляет меньший интерес. Она посвящена вопросу о действии законодательной власти во времени (De l'exercice dans le temps du pouvoir législatif). Основной тезис статьи заключается в следующем: Всякий юридический акт, в том числе и законодательный, может быть в любое время отменен и, следовательно, лишен силы производить юридические эффекты. Этот тезис проф. Жез иллюстрирует рядом интересных примеров из новейшей административной практики Франции. Так, проф. Жез подвергает критике французский закон 1915 г. о натурализации. Согласно этому закону (кодиф. 1918 г.) гражданин, натурализовавшийся во Франции, но сохранивший вместе с тем гражданство своего прежнего отечества, может быть в случае об'явления войны подвергнут „денатурализации", причем в этом случае уничтожаются все ранее им заключенные сделки. Считая, что этот закон вообще влечет за собой неустойчивость гражданского оборота, проф. Жез указывает, что с точки зрения юридической, является совершенно неправильным распространение его на случаи натурализации, имевшие место до 1915 г. Не менее интересны и соображения, приводимые проф. Жезом по поводу обратной силы уголовных законов. Указывая, что с логической стороны нельзя возражать против распространения вводимых законодателем новых карательных законов на деяния, совершенные гражданами еще до издания этих законов, проф. Жез признает, что с политической точки зрения вряд ли это является целесообразным и что поэтому логическая возможность обратной силы уголовных законов не должна распространяться на те случаи, когда законодателем вводится уголовные наказания в тесном смысле слова (pei-

nes stricto sensu). В заключение, интересно еще отметить, что амнистия рассматривается проф. Жезом не как закон с обратной силой, а как закон, долженствующий оказать свое действие в будущем, т.-е. в будущем освободить граждан от наказаний за совершенные в прошлом деяния.

Статья проф. Дюги поднимает вопрос о возможности одновременной ответственности государства и должностного лица (персонально) за причиненные вред и убытки. Отметив, что прежняя доктрина (к которой до последнего времени примыкал и проф. Дюги) отрицала возможность одновременной ответственности государства и ответственности (персональной) должностного лица, проф. Дюги подвергает ее пересмотру, в связи с новейшей практикой Государственного Совета. Проф. Дюги устанавливает две категории случаев одновременной ответственности государства и должностного лица. В случаях первой категории явственно оказывается наличие вины, как администрации, так и персонально должностного лица. Напр., размещенный на частной квартире на постое солдат в пьяном виде убивает ребенка квартирохозяина. Здесь имеется одновременно ответственность (персональная) солдата и ответственность администрации (недостаточный надзор). Или, другой пример, администрация почты закрыла раньше срока выходную дверь и находившийся на почте гражданин был вынужден выйти через служебный проход, где находившиеся почталионы вытолкнули его с такой силой, что падая на улицу, он сломал себе ногу. Оба эти случая взяты из новейшей практики Государственного Совета. В этих случаях (и аналогичных им) ответственность лежит и на администрации и на должностном лице—персонально. Это не значит, конечно, что пострадавший может получить двойное удовлетворение за вред и убытки. Ответственность администрации или государства и должностного лица солидарная; пострадавший вправе обратиться со своим иском об убытках либо к тому, либо к другому, при чем первый, возместивший пострадавшему вред и убытки, имеет право регресса ко второму. Распределение возмещения причиненного потерпевшему вреда и убытков между государством и должностным лицом производится пропорционально вине каждого.

В случаях второй категории вина лежит персонально на должностном лице. Проф. Дюги возражает против тенденции считать государство ответственным и в этом случае, указывая, что переложение ответственности на государство (хотя и с правом регресса по отношению к виновному должностному лицу) может иметь на практике своим следствием полную безответственность должностных лиц. Поэтому, проф. Дюги предлагает различать двоякого рода случаи: во-первых, те случаи, когда вина должностного лица ни в какой степени не связана с его должностными обязанностями (напр., служащий на почте стреляет в своего личного врага, покупающего у него почтовые марки), и во-вторых, те случаи, когда поступок совершенный должностным лицом находится в связи с его должностными обязанностями. В первом случае, государство, разумеется, не несет никакой ответственности, а во втором оно по общему правилу ответственно перед потерпевшим, но может снять свою ответственность, доказав, что должностное лицо вышло за пределы публичной службы (qu'il est sorti du service). При наличии ответственности государства, она, конечно, носит характер солидарный, со всеми последствиями, установленными для случаев первой категории, т.-е. совместной вины.

Таково в общих чертах мнение проф. Дюги о возможности одновременной ответственности государства и должностного лица (персонально) за причиненные вред и убытки.

Кроме указанных статей вышедшие номера Revue содержат заметки по административной юстиции, обнимающие собой как новейшую практику Государственного Совета, так и краткие сведения о реформе административной юстиции во Франции, новости конституционного права во Франции (доклад проф. J. Barthélemy об обязательности участия в выборах) и в Чехо-Словакии (сообщение (Peska об избирательном

трибунале Чехо-Словацкой республики), библиографические заметки и проч.

Из области библиографии интересно отметить появление в печати: второго тома Traité de droit constitutionnel, L. Duguit и нового (десятого) издания Traitè élémentaire de droit administratif, H. Berthélemy.

А. Кейлин.

Проф Н. И. Палиенко. *Конфедерации, федерации и союз советских социалистических республик. Со вступ. статьей М. Ветошкина. Госуд. Изд. Украины. стр. 72. Одесса 1923 г.*

Изменение государственной структуры России, перешедшей в процессе текущей революции от форм унитарного государства к федерации, несомненно, оживило среди русских читателей интерес к федеральному праву. Между тем русская оригинальная литература по этому вопросу очень не велика. Из наиболее интересных самостоятельных трудов отметим монографию проф. Ященко, посвященную общим вопросам федерального права и книгу проф. Корфа, специально анализирующую федеральный строй английских Dominion'ов

Все эти труды изданы были до великой европейской войны и благодаря этому целый ряд проблем, которые стали перед государствоведом в области федерального права в наши дни, ими затронут еще не был. К тому же в настоящее время история обогатила нас новыми образцами федеративных государств, в частности и сама наша родина вступила на путь федерального строительства. Естественно, что вопросы федерального права стали за последнее время в центре внимания русских публицистов и в наших юридических журналах появился ряд работ, посвященных вопросу о государственной структуре РСФСР и СССР. Однако, до сих пор эти работы обычно не превышали размеров журнальных статей. Понятно, поэтому, что первое известие о выходе в свет труда проф. Н. И. Палиенко заставило с интересом ожидать его появления и на московском книжном рынке. К сожалению, читателя ждало некоторое разочарование. Труд проф. Палиенко, как и все предшествующие работы русских государствоведов, писавших о современном федеративном строе России, по своим размерам не вышел из рамок большой журнальной статьи и, благодаря этому, многое осталось в нем недоговоренным и неясным.

Первые главы автор посвящает анализу понятий федерации, конфедерации и автономии Затем он знакомит читателя с наиболее типичными из современных федераций (с Северо-Американскими Соединенными Штатами, Швейцарией и Германией), рисуя процесс постепенного их перехода от форм конфедеративного союза к федерации. И, наконец, в заключительных двух главах он бегло анализирует государственный строй РСФСР и СССР.

Для того, чтобы оценить правильность юридических конструкций автора, необходимо прежде всего уяснить те определения, которые он дает основным для всего его труда понятиям: автономии, федерации и конфедерации. Здесь прежде всего приходится отметить некоторую неравномерность в распределении материала. В то время, как вопросам конфедерации и федерации проф. Палиенко посвящает много внимания, об автономии он говорит вскользь лишь несколько слов. Отсюда неясность, получающаяся в его определении, и читателю, особенно мало подготовленному, вряд ли удастся уяснить достаточно четко отличие между различными видами автономных союзов, о которых говорит автор. В самом деле, что понимает проф, Палиенко под понятием „политической автономии“? Совпадает ли оно с понятием „законодательной автономии“ или нет?

Характерный признак законодательной автономии автор совершенно правильно видит в законодательных полномочиях, которые принадлежат представительным органам отдельной области и которые эти последние осуществляют под контролем верховной власти государства, включающего ее в свой состав. В противоположность автономной области государство-ингредиент федеративного союза обладает, по мысли

автора, не только правом издания местных законов, но и правом самоорганизации. Войдя в состав федеративного союза, оно остается государством и имеет не уполномоченную федерацией, а свою *собственную* власть (стр. 44).

Таким образом для проф. Палиенко вопрос о самоорганизации играет решающую роль при определении различий между автономной областью и несуверенным государством—членом Bundesstaat'a.

Можно ли согласиться с автором? Можно ли действительно признать, что водораздел между автономной областью и несуверенным государством проходит по линии *„собственного* права", как это хочет доказать проф. Палиенко?

Мы не думаем, чтобы предложенный автором признак был взят правильно. Свое определение несуверенного государства проф. Палиенко заимствовал у Г. Еллинека. Еллинек точно так же, как и наш автор, пытался построить различие между автономной областью и несуверенным государством при помощи противопоставления *„собственного"* и *„чужого"* права, на котором покоится их публично-правовое бытие. „Собственная организация, — говорил он,—и связанное с ней разделение власти служит первым отличительным признаком, отличающим государство от негосударственного союза... С другой стороны там, где союз, осуществляющий господствующую власть, получил от другого, стоящего над ним государства, свою организацию, в качестве закона, исходящего от последнего— там нет государства" [1]). Установив приведенное различие между автономной областью и государством, входящим в состав федеративного союза, Г. Еллинек не выяснил, однако, самого понятия *„собственного"* права, на котором в сущности и построено все это различие. Не выясняет его и наш автор. А между тем нельзя не признать, что это понятие отличается крайней расплывчатостью и неопределенностью. Ведь, опираясь на это же понятие „собственного" права, Б. Нольде в своих „Очерках русского государственного права" [1]) пытался обосновать данное им определение автономной области, утверждая, что именно она, в отличие от самоуправляющейся общины, управляется на *„собственном"*, а не на „чужом" праве. Итак понятие *„собственного"* права у Еллинека и Палиенко служит для определения понятия несуверенного государства, а у Нольде— автономной области, т.-е. прямого антипода в конструкциях первых двух авторов. Бельгийские юристы идут, однако, еще дальше и утверждают, что на том же *«собственном»* праве покоится не автономия, а чисто административное самоуправление бельгийских провинций, иными словами, они впадают в прямое противоречие с выводами как Г. Еллинека и Н. Палиенко, так и Б. Нольде.

Как же при таких условиях признать понятие, *«собственного»* права неот'емлемым признаком несуверенного государства, как это хочет сделать, вслед за Еллинеком, наш автор? Можно ли, действительно, утверждать, что члены современной германской республики управляются в силу *«собственного»* права, когда их внутреннюю организацию в значительной степени определила Веймарская общегерманская конституция 1919 года, в силу которой путем общегосударственного закона могут быть даже производимы территориальные изменения в пределах отдельных государств германской федерации, независимо от персонального согласия претерпевающего такое территориальное изменение государства [2]). Г. Еллинек не мог, естественно, предвидеть нынешних централистических тенденций немецкого конституционного законодательства, хотя и в его время в германской юридической литературе господствовало уже направление, твердо державшееся взгляда, что «компетенция-компетенции» принадлежит общегосударственной власти, т. е., что только она одна управомочена определять пределы властвования федеральных органов за счет *«собственных прав»* отдельных членов союзного об'едине-

1) Г. Еллинек. Общее учение о государстве, русс. пер. стр. 324, СПБ. 1903 г.

1) Стр. 269.

2) Германская кон—ция, ст. 18.

ния [1]). Совершенно очевидно, что наш автор, писавший свой труд после издания Веймарской Конституции и в значительной мере на ее основании, не мог не заметить этих тенденций и должен был их учесть в своей конституции несуверенного государства—ингредиента федеративного союза. К тому же пример современной Германской республики не единичен и история образования бразильской федерации, пожалуй, еще более ярко подтверждает нам, что при ее создании ни о какой «*самоорганизации*» отдельных членов Bundesstaat'a не было, да и не могло быть речи.

Если нельзя говорить, что государства—члены федерации организуются в силу «*собственного*» права, то нельзя утверждать, как это делает проф. Палиенко, и в отношении автономных областных образований, что их организация всегда покоится на «*чужом*» — общегосударственном законе. Опять-таки позволим себе сослаться на пример Еллинека. Покойный немецкий государствовед, разбирая вопрос о юридическом положении бывшего Великого Княжества Финлядского, вынужден был признать, что здесь налицо имелось не самоуправление, основанное на русском общеимперском праве, но что в Великом Княжестве действовала целая система норм, унаследованная из времен шведского владычества. Правда, Еллинек, придя к такому заключению, сам отказался признать Великое Княжество автономной провинцией Российской Империи и конструировал для нее новое понятие «государственного фрагмента [2]). Communis opinio русских ученых, признавая справедливость изысканий Еллинека в области источников Финляндского права, осталось все же верным той точке зрения, которая квалифицировала Финляндию, как автономную провинцию России. Проф. Палиенко, насколько нам известно, не расходился с точкой зрения русских юристов в этом вопросе. Как же, спрашивается, в таком случае он примирит признание Великого Княжества Финляндского автономной провинцией России с тем определением автономии, которое он дал в своем новом труде о федерации?

Переходя к вопросу о разграничении автором понятий федеративного союза и конфедерации, мы должны признать, что и здесь его точка зрения может быть признана в общем приемлемой. Конфедерацию он определяет, как «договорное товарищество государств, которое само не является государством» (стр. 17). Он дает при этом те признаки конфедеративных союзов, с которыми мы, впрочем, встречаемся в любом учебнике государственного права. Так, он признает суверенность государств членов Staatenbund'a, право их добровольного выхода из союза и отказывает органам союза в признании их органами государственной власти. «Общая союзная власть,—пишет он,—по общим вопросам, переданным в ее ведение, является только властью уполномоченных, *делегатов* от отдельных независимых государств, а не верховной для них государственной властью принудительного порядка». Отсюда и вывод—«важнейшие вопросы в конфедерации должны решаться единогласно государствами, а не одной союзной властью или большинством членов государств» (стр. 17).

От общих определений автор переходит к разбору государственного строя отдельных федеративных союзов, причем последние две главы посвящает анализу государственной структуре РСФСР и СССР.

Эти последние заключительные главы представляют, конечно, сугубый интерес для рядового русского читателя. В них он расчитывает найти ответы на многое непонятное ему в нашем современном союзном строе. К сожалению, как раз в этих главах изложение проф. Палиенко оказалось наиболее сжатым и конспективным. В то время, как, описывая государственный строй Германии или Северо-Американских Соединенных штатов, он довольно подробно останавливается на отдельных этапах развития союзного строительства в этих странах, в России аналогичные вопросы почему-то оставляются им незатронутыми.

Особенно резко это бросается в глаза

---

[1]) Сравн. P. Laband «Deutsches Reichsstaatsrecht», стр. 22—23. VI Auf.

[2]) G. Jellinek. Ueber die Staatsfragment, стр. 35—46. 1896 г.

в отношении РСФСР. Чрезвычайно важный момент постепенного укрепления федеративной связи между частями РСФСР, наблюдавшагося в настоящее время, вовсе не отмечен автором. Не отмечены даже просто даты воссоединения отдельных независимых союзных республик с основным ядром нашей федерации. А между тем все эти вопросы важны для правильного понимания динамики русской государственности и умолчание о них автора не может поэтому не быть поставлено ему в упрек.

Но, конечно, чрезмерная сжатость еще не предрешает качественной стороны работы. Быть-может, проф. Палиенко, сжав свое изложение, дает нам стройную и ясную картину государственного строя РСФСР и СССР? К сожалению, однако, и этого мы сказать не можем. Остановимся опять таки на на главе, посвященной РСФСР. Он начинает ее с утверждения, что „РСФСР в организации своей власти восприняла также (т. е. подобно Германии, Швейцарии и С.А.С.Ш., о которых раньше говорит автор. Б. П.) известные федеративные начала". (стр. 46). Выше мы отметили основной признак, отличающий, по мнению проф. Палиенко, автономную провинцию от нссуверенного государства — ингредиента федеративного союза. Казалось бы, следовательно, что после признания РСФСР федеративным образованием, нам следовало бы ожидать от автора признания автономных республик, входящих в ее состав, такими несуверенными государствами. Проф. Палиенко, однако, этого не делает. Он относит их (и на наш взгляд совершенно правильно) не к государственно-правовым образованиям, а к областям, пользующимся законодательной автономией (стр. 15 и 47). При сопоставлении этих двух утверждений автора, у читателя возникает вполне понятное недоразумение, что же в конце концов—ошибается ли автор, признавая РСФСР федеративным союзом, а автономные республики областными образованиями, или, наоборот, ошибочна вся его конструкция федерации, как союза несуверенных государств? Проф. Палиенко не дает нам, да и не может, конечно, дать ответа на этот недоуменный вопрос.

Переходя к анализу публично-правовых взаимоотношений между РСФСР и независимыми советскими республиками, автор квалифицирует их, как конфедеративное соединение. Можно ли, спрашивается, согласиться с ним, исходя из им же самим данного определения Staatenbund'а? Анализируя понятие конфедерации, проф. Палиенко, как помнит читатель, пришел к выводу, что конфедерация представляет собою „свободный и слабый союз государств" (стр. 45), в котором общих органов власти нет, а есть лишь „делегатские учреждения" (стр. 45), установленные *общим* соглашением договаривающихся между собой государств. Если мы теперь с этими признаками Staatenbund'а подойдем к РСФСР, то увидим опять ряд противоречий у нашего автора. Во-первых, у РСФСР до 30 декабря 1922 г. не было *единого* союзного *договора* со всеми независимыми советскими республиками. Во-вторых, их общие органы власти (ВЦИК и Всероссийский С'езд Советов, общие наркоматы) отнюдь не являлись лишь собраниями делегатов. Наконец, у союзных республик были и свои общие исполнительные органы, чего у конфедерирующихся государств обычно не бывает. Все это, вместе взятое, заставляет нас усомниться в правильности юридической конструкции автора и остаться при том взгляде на публично-правовые взаимоотношения между РСФСР и союзными независимыми советскими республиками, который мы не раз высказывали в печати [1]).

Последнюю главу проф. Палиенко посвящает государственному строю СССР. В ней он лишь эскизно набрасывает общие контуры союза, совершенно справедливо причисляя его к типу федеративных об'единений. Автор считает, что самое возникновение нашей современной федерации было логически не-

[1]) См. наши статьи: 1) „Государственная структура РСФСР" в журн. „Право и Жизнь" за 1922 г. № 1 и 2) „Национальная проблема в России и методы ее разрешения" во II вып. Сборников Ярославского Госуд. Университета.

избежно. „С общей точки зрения ясно,— говорит он,—что государства, стоящие на социалистических началах, не раз'единяемые противоречиями капитализма и империализма, безусловно нуждаются хотя бы в общих центральных органах, проводящих общую планомерную хозяйственную, экономическую политику и, таким образом, в силу самых оснований их существования и задач их деятельности, должны об'единяться, поскольку они сохраняют свою государственность, по конфедеративной или федеративной системам" (стр. 49).

Таково содержание нового труда, вышедшего из-под пера проф. Палиенко. В заключение, суммируя наше общее впечатление от книги, мы не можем не отметить строго формальный подход автора к исследуемым им проблемам. Он остается последовательным догматиком, ни на один шаг не позволяя себе отступить от анализа законодательного материала. Благодаря этому вне поля его научного зрения остается богатый материал прецедентов и „конституционных соглашений", которыми так богата конституционная жизнь каждого современного государства. Голый анализ буквы конституции всегда дает неполное и бледное изображение конституционной действительности. Это давно уже поняли современные адепты догматической школы и надо признаться, что обнаруженная проф. Палиенко привязанность к голой букве конституционного закона редкое явление даже в Германии—этой цитадели догматической школы в государствоведении.

Книге проф. Палиенко предпослано предисловие М. Ветошкина, в котором он расходится с автором в вопросе о юридической нерасторжимости федеративных союзов. М. Ветошкин считает, что признак „*нерасторжимости*" характерен лишь для „современных нам буржуазных государств, «но он вовсе не обязателен для „федеративного государства вообще" и СССР является, с его точки зрения, как раз таким «*добровольным* государственным союзом братских народов... юридически гарантирующим свободную волю трудящихся отдельных национальностей».

На этом мы закончим наше рассмотрение труда проф. Палиенко. Книга не удовлетворила нас. Благодаря краткости и конспективности она полна неясностей и недоговоренностей. В ней встречаются и отмеченные нами противоречия. Нельзя не пожелать поэтому вслед за М. Ветошкиным, чтобы автор во втором издании пересмотрел и значительно расширил свой труд.

Б. Д. Плетнев.

Проф. А. А. Соколов. *Проблемы денежного обращения и валютной политики. М. 1923 г.*

Излишне говорить о том, что серьезное исследование денежной проблемы, каковым является новый труд проф. А. А. Соколова, отвечает назревшей потребности теории и практики. За время войны и послевоенные годы накопился громадный материал по денежному вопросу, но самый вопрос до сих пор остается неразрешенным в большинстве стран. За исключением Соед. Штатов и отчасти Англии, ни в одном из крупных государств мира денежное обращение не находится в состоянии, которое можно было бы назвать нормальным, а междувалютные отношения продолжают находиться в хаотическом состоянии, созданном войною. В Германии состояние денежного обращения надо признать критическим, если не катастрофическим. Для нас в России денежная проблема имеет жизненное значение. В таком же неурегулированном состоянии, как практика, находится и теория денежного обращения.

При таком положении вопроса книга проф. Соколова представляет выдающийся интерес. Автор, обладая обширной эрудицией по теории предмета, которому посвящено его исследование, в то же время находится в курсе практических вопросов, стоящих на очереди в области денежного обращения, особенно в России. Рассматривая основные теоретические проблемы в этой области, проф. Соколов в полной мере учитывает факты последних лет и данного момента и в конечном итоге связывает свои выводы с задачами практической политики по денежному во-

просу. В виду этого его книга имеет бесспорное значение как для теоретиков, так и для практиков.

Автор начинает свое исследование с основных теоретических вопросов „о природе и сущности денег и их функций“ и очень подробно останавливается на количественной теории, особенно привлекающей к себе внимание в наше время в виду огромного количества бумажноденежных знаков различного вида, выпущенных во всех странах во время войны. Актуальный интерес представляет в частности глава, посвященная характеристике и анализу денежного обращения за границей за время и после войны по некоторым выводам, которые могут быть сделаны на основании этого опыта. Здесь приведены важнейшие сведения, опубликованные в последние годы, особенно в изданиях Брюссельской Конференции и Лиги Наций, из отчетов которых воспроизведены многие интересные цифровые данные и таблицы, впервые появляющиеся на русском языке.

В небольшой заметке трудно войти в подробное обсуждение положений, выдвинутых проф. Соколовым в его книге. Нельзя, однако, не заметить, что он высказывает свои мнения больше в виде критических замечаний по поводу рассматриваемых им теорий и положений, чем в цельном и законченном изложении. Поэтому собственное учение автора о деньгах не выступает с достаточной ясностью и отчетливостью, в виде широко разработанной системы; хотя взгляды, высказываемые автором, всегда заслуживают серьезного внимания и имеют научное значение, тем не менее многие из них спорны или во всяком случае не вполне убедительны.

Сошлемся в подтверждение сказанного на теоретическую часть книги: в конечном итоге она оставляет читателя не вполне удовлетворенным. Получается впечатление, что взгляды, которые автор развивает, не всегда основаны на окончательно установленных и проработанных до конца положениях. Так, по вопросу о природе денег, которому посвящено не мало страниц, читатель все-таки не получает от автора точного определения денег. Проф. Соколов, опираясь на Струве, видит источник денег не в меновом обороте, а в измеримости хозяйственных благ. „Не деньги делают благо измеримым, говорит он, а, наоборот, измеримость благ приводит к возникновению денег“.... „Основа денег заложена в нашей способности ценностно соизмерять различные блага, или в самом понятии ценности—цены“. Отсюда следует, что деньги могут и должны появляться всюду, где существуют хозяйственная деятельность и хозяйство, ибо сущность всякого хозяйствования и заключается в соизмерении благ и сравнении пожертвований и выгод. Однако, по признанию самого же автора, в единичном, изолированном хозяйстве явление денег отсутствует, хотя по мнению автора, к сожалению оставшемуся неразвитым, и там имеются уже зародыши денег. Это показывает, что определение денег не может быть построено только на признаке соизмеримости хоз. благ.

Наиболее слабую часть книги представляет учение о бумажных деньгах. Ссылки на психологию мало убедительны и в результате читатель не выносит ясного представления о том, что же составляет природу бумажных денег и можно ли подвести их под общее определение денег, как это делает с полной определенностью Кнапп и его школа?

Недочеты, подобные отмеченным, имеют большее значение с точки зрения теории, чем политики, в которой непосредственно заинтересованы практические деятели по вопросам денежного обращения. Последние, наравне с теоретиками, найдут в книге проф. Соколова много ценных соображений, которые помогут им разобраться в сложных проблемах денежных отношений, но, вероятно, они выразят пожелание, чтобы труд проф. Соколова был им продолжен в целях развития, конкретизации и об'единения высказанных им мыслей. К этому пожеланию, конечно, присоединятся и представители теории.

А. Мануилов.

Куфаев В. И. *Детские правонарушения в Москве. Приложение к № 9 журнала* „На путях к новой школе“ за 1923 г. 54 стр.

Издавая работу В. И. Куфаева, редакция журнала «На путях к новой школе» сопровождает ее опубликование небольшим предисловием, в котором отмечает, между прочим, что считает работу Куфаева „очень ценною“. С такою оценкою можно вполне согласиться. Значение работы проявляется в двух отношениях: во-первых, впервые опубликовывается обширный цифровой материал в виде разработки 3804 индивидуальных листков на несовершеннолетних, прошедших через комиссии по делам о несовершеннолетних в 1922 г. и, во-вторых, в освещении этих материалов автором очень последовательно и убедительно проводится об'яснение всех особенностей детских правонарушений теми социально-экономическими условиями, в которых живут эти дети.

Обращаясь к оценке цифрового материала работы Куфаева, мы с особым удовольствием констатируем, что опасения, которые приходилось нам слышать при обсуждении предложенной нами программы индивидуального листка на несовершеннолетнего, проходящего через комиссию, оказались неосновательными: программа листка не оказалась обременительною для ее заполнения и дала возможность построения тех комбинационных таблиц, которые дают очень много новых сведений и ярко выявляют социально-экономическое происхождение детских правонарушений. Размеры нашей рецензии не позволяют нам указывать здесь многочисленные цифровые итоги, раскрывающие бесконечно тяжелые и часто возмутительные условия положения несовершеннолетнего, приводящие его в комиссии. Ограничимся указанием заголовков автора из его работы: характер правонарушений; возраст правонарушителей; их семейное положение; место рождения; жилищные условия детей и их родителей; занятия родителей; занятия детей; экономическое положение несовершеннолетних; о соучастии взрослых и детей в делах несовершеннолетних. Везде, при рассмотрении указанных вопросов, анализ автора углубляется сопоставлением цифр о возрасте, о семейном положении и проч. с целым рядом других цифровых данных. Особенно важные выводы дает группа таблиц, где приводятся сведения, например, об образовании мальчиков и девочек правонарушителей, об их занятиях и проч. в связи с их семейным положением, т. е. их сиротством, наличием у них только отца или матери или обоих родителей. В приложении к брошюре даны таблицы, частью и не анализированные в тексте и, очевидно, подлежащие рассмотрению позднее. Не можем не отметить примечания редакции «На путях к новой школе» на 24 стран. брошюры о несогласии редакции журнала с нашим выводом, что детский труд служит фактором преступности. Проводя это положение, мы доказывали его и цифрами и говорили, что когда плечи ребенка сгибаются под непосильною ношею преждевременного труда, то это служит показателем тяжелого экономического положения ребенка. Несомненно также, говорили мы, что общение ребенка-труженика в общей мастерской со взрослыми, не стесняющимися при нем, также должно толкать на правонарушения. Спорить против этого можно только, не поняв нас. Редакция журнала говорит, что лучшим опровержением нашего положения является практика фабзавуча: надо только, чтобы труд подростков не подвергался эксплоатации и соединялся с их обучением. До сих пор никаких сведений об участии детей фабзавуча в правонарушениях не опубликовывалось и неизвестно, насколько оно велико или, наоборот, слабо. Если оно действительно незначительно, то это отнюдь не опровергает нашего положения. Поскольку на труд гонит ребенка нужда, поскольку взрослые прививают своим примером ребенку-труженику несвойственные его возрасту привычки, труд ребенка не может быть облагораживающим фактором. Трудовое воспитание ребенка и „труд“ ребенка—две вещи разные и между ними «дистанция огромного размера».

Работа В. И. Куфаева исследует детские правонарушения в Москве. Надо признать желательным появление сходных работ о детских правонарушениях и в других крупных центрах и особенно в Ленинграде, где также, как и в Москве, детская беспризорность развита особенно сильно и где также ведется усиленная борьба с нею.

Мих. Гернет.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ХРОНИКА.

По поводу одной анкеты.

Несколько времени тому назад Бюро С'ездов представителей Бирж. Торговли циркулярно (цирк. № 1280 от 28 ноября 1923 г.—см. Бюллетень Моск. Тов. Биржи от 29 ноября 1923 г. № 331) обратилось к биржевым комитетам товарных бирж с просьбой дать свой отзыв по вопросу о применении Гражд. Кодекса. Такое обращение к биржевым комитетам со стороны Бюро С'ездов вызвано желанием последнего дать сводку тех замечаний, которые высказываются на местах биржевыми и торговыми деятелями по поводу действующего Гражд. Кодекса (как известно, биржевые комитеты входят в число тех органов, коим пост-м ВЦИК'а поручено представить свои отзывы относительно применения Гражд. Код.).

Бюро С'ездов, желая облегчить биржам работу, предполагает применить анкетный способ. В упомянутом цирк. № 1280 мы находим первую анкету по вопросу о применении ст. ст. 180—205 Гр. Код., посвященных договору купли-продажи. Приводим эту анкету полностью.

Анкета о применении Гражданского Кодекса ст. ст. 180—205.

1. Можно ли считать, что ст. ст. 180—205 Г. К. дают исчерпывающие постановления для торгового оборота в смысле нормирования договора купли-продажи? (Если нет, то по каким основаниям)?

2. Имеется ли потребность установления в законодательном порядке *специальных норм* (обычаев), касающихся торговой купли? (Какие стороны договора вызывают особое затруднение?)

3. В какой мере ст. 188, предоставляющая право продажи исключительно *собственнику*, соответствует торговому (биржевому) обороту, где ведутся операции, главным образом, в отношении вещей, определенных родовыми признаками, право собственности на которые возникает с момента передачи их (ст. 66)?

4. Не возникает ли в последнем случае особых затруднений в отношении договора поставки в виду отсутствия особых норм для такового договора Г. К.?

5. Не следует ли сделать различие в смысле определения моментов перехода права собственности для вещей, определяемых родовыми признаками (ст. 66) в случаях, когда они приобретаются числом, весом, мерою без указания конкретной партии и с указанием таковой в определенном месте (продажа табаку x пудов на складе в Краснодаре), а также в зависимости от условленных по сделке условий расчета (покупка на наличные, в кредит, с платежем вперед и т. д.)?

6. Совершаются ли сделки по продаже посевов на корню и на каких условиях они совершаются?

7. Каким образом в договоре купли-продажи и поставки определяется покупная цена, фиксируется ли она определенной цифрой или делается отсылка к рыночным ценам?

8. Встречают ли затруднения в торговом обороте строгое определение формы [1]) совершаемой сделки (ст. ст. 136, 137, 184) и в чем эти затруднения (если они имеются) состоят?

9. Соответствует ли установленное Г. К. распределение риска случайной гибели вещи (ст. 189) условиям торгового оборота?

---

1) Сохраняем точный текст подлинника.

10. В какой мере установленные наукою права и практикой судов требования, чтобы контрагенты относились к своим обязанностям „как добрый хозяин", „как купец, разумно ведущий свое дело", применимы при оценке взаимоотношений по торговой сделке между двумя госорганами, т. е. представителями одного и того же лица и не следует ли, считаясь с особенностями советского оборота, выдвинуть иные критерии поведения контрагентов.

11. Достаточно ли предусмотрены Г. К. нормальные условия осуществления торговой сделки в смысле *сохранения товара* до его сдачи (ст. 187) и *сдачи товара* (в надлежащее время, надлежащему лицу) (ст. 188) в виду невозможности в договоре предусмотреть всевозможные на практике случаи?

12. Соответствует ли конструкция возмещения убытков по Г. К. (ст. ст. 117, 189, 190, 198, 199) потребностям оборота, или следует предоставить стороне, неполучившей надлежащего исполнения как в отношении количества, так и качества, право приобретения обусловленного товара за счет нарушившей стороны (покупка на покрытие)?

Некоторые вопросы не могут не вызвать недоумений. Так, напр., не совсем ясно, что именно имеют в виду авторы анкеты в ст. 2? Что значит „установление в законодательном порядке *специальных* норм (обычаев), касающихся торговой купли?" Авторы анкеты говорят не о специальных *законах*, регулирующих торговую куплю, а о торговых обычаях. Но в таком случае, что понимать под словами „установление в законодательном порядке обычаев? „Значит ли это, что при решении вопросов, связанных с торговой куплей, вместо общих начал советского законодательства и общей политики Рабоче-Крестьянского Правительства (Гр.—Проц. Код. ст. 4), выдвигается идея восполнения законодательных пробелов торговыми обычаями и говорится о желательности законодательного разрешения на применение таких обычаев? Или здесь говорится о желательности установления в законодательном порядке тех отраслей торговли и тех рамок, в которых такие обычаи допустимы? Или, наконец, здесь имеется в виду желательность законодательной кодификации существующих торговых обычаев?

Подобные неясности, конечно, не допустимы в анкетах.

Затем напрашивается вопрос, какая, в сущности, разница между последней частью § 1 (слова стоящие в скобках) и концом § 2 (слова тоже стоящие в скобках). Очевидно, и тут и там все сводится к одному: какие пробелы желательно восполнить в действующем законе?

Наибольшее недоумение вызывает § 3 анкеты. Здесь авторы анкеты, переоценивая буквальный текст ст. 183 Гр. Код., при формулировке своего вопроса, исходят из совершенно неправильной идеи, будто нельзя продать чужую вещь. Между тем, наш действующий кодекс допускает продажу чужих вещей в тех случаях, когда контрагент сознательно заключает такой договор, придавая ему обязательственно-правовой характер. Впрочем, сами авторы анкеты в § 4 говорят об одном из таких видов продажи, что конечно, еще более затемняет смысл § 3.

По поводу § 5 следует отметить недостаточно внимательное отношение к смыслу и даже к тексту ст. 66 Гр. Код. Закон говорит о вещах «*определенных*» (в данном конкретном договоре) родовыми признаками, а вовсе не о вещах, обычно «*определяемых*» родовыми признаками, как то значится в § 5 анкеты. Таким образом, весь почти § 5 анкеты теряет свой смысл: различие уже сделано самим законодателем.

Не представляет собою никакого интереса ответ на § 6 анкеты, ибо совершаются ли сделки о продаже посевов на корню—вопрос факта, по закону же, при правильном понимании ст. 183 (смотри выше), такие сделки вполне действительны.

С другой стороны, в анкете, к сожалению, не предусмотрен целый ряд вопросов, которые могли бы помочь биржевым комитетам в нелегком деле критической оценки ст. ст. 180—205 Гр. Код. с точки зрения потребностей торгового оборота.

Ал. В.

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ.

Американский институт права.

В феврале 1923 г. в Вашингтоне был учрежден институт права. Для осуществления институтом его задач „Общество Карнеджи (the Carnegie Corporation) предоставило ему 1.075.000 долларов. Эта щедрая субсидия привлекла к институту внимание общественных кругов и прессы.

Задача Института в положении о нем определена таким образом: „Содействовать приведению в ясность и упрощению права и возможно большему соответствию его общественным потребностям, способствовать возможно лучшему отправлению правосудия, поощрять и развивать учебно-научную работу в области юриспруденции".

Специальная же задача Института это—внесение определенности в право, и тем самым укрепление, восстановление его авторитета (restatement of the law*). Как известно, „народы, говорящие на английском языке, (the English — speaking peoples) в течение уже более 8-ми столетий пользуются двойной системой права, одну часть которой составляет „право статутов" (законы), а другую—право преюдициальное или право судебных прецедентов (judge-made law, common law). При этом на долю последнего приходится значительно большая часть. В Англии и в Америке судебный прецедент обладает несравненно большим авторитетом, чем где-либо. Для каждого данного суда решение, постановленное тем же судом, хотя и в другом составе, по аналогичному казусу, и решение высшего суда также по аналогичному казусу обладают, по общему правилу, связывающей силой, которой судьи подчиняются даже вопреки своему убеждению или несмотря на свое сомнение в правильности принципа, установленного прецедентом. Англичане и американцы видят преимущество этой системы в ее полноте и гибкости, т. е. в том, что, с одной стороны, правила „common law", благодаря обилию прецедентов, разрешают, если не все, то большинство возможных в судебной практике вопросов и потому уменьшают в отправлении правосудия элемент случайности, а, с другой стороны, в том, что, не будучи закреплены законом, эти правила все же легче поддаются изменению, чем нормы закона.

Но в то же время очевидны и недостатки этой системы; они заключаются в некоторой, вносимой ею, неопределенности в право и в чрезмерной сложности последнего. Эти недостатки вытекают из самого порядка, в котором складывается „common law". Они дают себя чувствовать даже в Англии, где имеется только одна (общая для всей страны) система судебных учреждений, и они гораздо чувствительнее в Соединенных Штатах Америки, где каждый из 48 штатов имеет свою систему судов, и где, наряду с этим, действует федеральная система судебных учреждений. Сосчитано, что за один только 1922 г. к громадной массе материалов, требующих изучения ее для установления прецедентов, прибавилось еще до 200 тысяч страниц судебных докладов и решений.

На большом собрании авторитетнейших юристов в Вашингтоне в феврале 1923 г., принявшем решение о создании специального Института права, в докладе

*) Выражение «restatement of the law» и для англичан требует об'яснения. В ниже цитированном сборнике, выпущенном нью-йоркской академией государственных знаний под общим заголовком «Law and justice» («Право и правосудие») первая статья носит название «The signiticance of a restatement of the law»—значение (в этом случае столько же значение—смысл, сколько важность) «restatement of the law». Слова «restatement» мы не нашли ни в одном из бывших в нашем распоряжении словарей; в том числе и в «An Etymological Dictionary of the English Language» by the Rev. Walter W. Scot. О том, что выражение «restatement of the law», в качестве термина, представляет собой новообразование, свидетельствует отсутствие его и в «Британской Энциклопедии» и в «Cyclopoedia of political Science, political economy and of the political history of the United States». Проблеме «restatement of the law» посвящена значительная часть сборника нью-йоркской академии государственных знаний.

особой комиссии было констатировано, что основные принципы „common law" страдают неопределенностью, что эта неопределенность в значительной мере проистекает от недостаточно точного употребления юридических терминов, и что главная причина излишней сложности права заключается в отсутствии деятельности, которая была бы направлена на систематизацию права и сделала бы систематическим его развитие.

Тем самым был намечен путь к устранению неопределенности и сложности права: нужна кооперация, составленная из лиц, пользующихся авторитетом в глазах судей, которая рассматривала бы, обсуждала и устанавливала бы принципы права, не выдвигая, однако, вопросов о каких либо изменениях в политических, общественных или экономических отношениях, которая, далее, устанавливала бы точное значение и употребление юридических терминов, и, наконец, систематизировала бы право.

На естественно возникающий вопрос, в какой мере институт может взять на себя задачу влиять на изменение принципов права, установленного всеми прецедентами или большинством их, уже упомянутый доклад особой комиссии отвечает так: „Не может быть сомнения в том, что право вовсе не всегда вполне соответствует тому, что господствующее мнение общества считает жизненной потребностью. Пределы, в которых будет преобразовывать право организация, учрежденная для того, чтобы в ней юристы по профессии выполняли свой общественный долг усовершенствования права,—пределы эти правильно определяются следующим образом: изменения в праве, которые, если бы они были предложены, могли бы стать предметом общественного возбуждения и обсуждения, не должны быть обсуждаемы, не должны даже рассматриваться, тем менее могут быть проводимы в порядке „restatement of the law", в том смысле, какой вкладывается в это выражение; проведение же таких преобразований, которые не подпадают под это ограничение и которые лишь должны способствовать более действительному осуществлению общепризнанных целей, входят в задачу „restatement".

Входит ли в планы Института принятие в будущем собрания систематизированных им принципов и норм права в качестве официального кодекса? На это инициаторы учреждения Института отвечают отрицательно в виду того, что нормы права, перешедшие в кодекс, утратили бы свою гибкость и свою способность приспособления к меняющимся условиям жизни.

Инициаторы Института рассчитывают, что собранное, систематизированное и проработанное в Институте право будет подчинять себе судебную практику не ratione auctoritatis, a auctoritate rationis.

Американские юристы возлагают на Институт большие надежды. Декан юридического факультета Колумбийского университета Harlan F. Stone считает, что его учреждением отмечается важнейший этап в развитии „common law", и что это учреждение отвечает такой же потребности, какой в свое время было вызвано составление дигест или Кодекса Наполеона.

В состав Института входят лучшие судьи, выдающиеся адвокаты и наиболее известные профессора права.

(Proceedings of the Academy of political science in the city of New-Iork, july 1923, Vol. X. № 31.

Н. Полянский.

К предстоящей судебной реформе в Германии [1]).

Тяжелое финансовое положение Германии вынуждает правительство решиться на ряд мероприятий по сокращению государственных расходов.

Этим принципом проникнута и предполагаемая судебная реформа. Проект реформы предложен министром германской республики Шиффером и уже

[1]) Уже после того, как настоящая заметка была сдана в печать, в Германии был издан указ о судостройстве и судопроизводстве. Указ вызвал многочисленные критические замечания; самая закономерность его с точки зрения конституционной поставлена под сомнение (см., напр., Frankfuter Zeitung, 9 Febr. 1924). Указ поставил организацию германского суда на новые основания и ввел некоторые существенные

получил одобрение имперского кабинета Правительство стремится провести реформу в самом спешном порядке, воспользовавшись законом о расширенных полномочиях правительства и заручившись предварительно согласием государственного совета (Рейхсрата) и комиссии Рейхстага.

Подлинный текст проекта реформы пока неизвестен, о его содержании можно судить только по статьям его автора — Шиффера, помещенным в „Berliner Tageblatt" от 23-го и 28-го декабря прошлого года.

Проект затрагивает не только гражданское и уголовное судопроизводство, но и самую систему германских судов; он стремится ввести повсюду их упрощение и сокращение судебного персонала.

Главнейшие изменения *в области гражданского процесса* сводятся к следующему. К судебному рассмотрению, согласно проекта, принимаются лишь дела с исковой суммой не ниже одной золотой марки. Минимум этот может быть повышен Правительством с согласия Государственного Совета и при том различно, в зависимости от местных условий.

Однако, если в деле имеется публичный интерес, оно рассматривается вне зависимости от суммы.

Обжалование, вообще, допускается только в делах с исковой суммой не менее 500 рентных марок,—и то аппелляционный пересмотр имеет место в том случае, если решение первой инстанции явно неправильно, или, если публичный интерес требуст разрешения дела высшей инстанцией.

Стороны не вправе последовательно использовать оба существующие способа обжалования:—аппелляцию, затем ревизию; применение одного из них исключает другое.

Проект принимает ряд мер к возможному ускорению процесса. Стороны должны сразу представить все доказательства [1]) и использовать имеющиеся в их распоряжении процессуальные средства. Позднейшее введение их в дело, особенно во второй инстанции, ограничено. Процессуальные сроки сокращены и самое право сторон (условное)—откладывать и приостанавливать производство — отменено. Воспрещено также затягивать процесс ложными утверждениями; установлен принцип правдивости (Wahrheitspflicht) сторон на суде.

В делах добровольной подсудности судьям предоставляется право исправлять формальные упущения и ошибки сторон.

Апелляция должна непременно быть мотивированной (Begründungszwang). Напротив, для суда продробное обоснование решения в виде общего правила необязательно.

Система гражданских судебных инстанций упрощена. Компетенция единоличных судей подверглась значительному расширению. Им безусловно подсудны все имущественные споры до 1.000 золотых марок; только иски на сумму свыше 1.000 марок или неимущественного характера, подлежат разбирательству в Гражданских Отделениях (Zivilkammer), теперь составляющих отделения земского суда, а по проекту организуемых при наиболее крупных участковых судах. Здесь дело предварительно рассматривается членом суда, который разрешает простейшие и бесспорные дела, другие же подготовляет к их возможно более быстрому разрешению. При этом проект вводит меры, способствующие установлению доказательств и отдаче судом всех предварительных распоряжений до дня слушания дела.

В департаментах (названных по немецкой терминологии—сенатах) Высших Земских Судов число членов уменьшено до 3-х, в департаментах Имперского суда до 5-ти.

В уголовном процессе сокращение числа подлежащих рассмотрению уго-

---

изменения в области судопроизводства; главнейшими из них являются ограничение обязательности преследования преступления, вытекающей из так наз. п ринципиегальности, и ограничения апелляции. Имеется уже и обстоятельный комментарий к указу: Verordnung über gerichtsverfassung und Stracrechtspflege, erläufert von d-r jur. Erwin Bumke, Berlen, 1924 (VI—119 стр.).

Ред.

[1]) Ср. ст. 106 Гражд. Проц. Код. Р. С. Ф. С. Р.

ловных судов дел достигается, прежде всего, в области, по общему правилу, весьма многочисленных дел об оскорблениях; простая брань, если только нет особого для ее преследования публичного интереса, по проекту, выходит из рамок ведения уголовных судов.

Принцип легальности при возбуждении уголовных дел (Legalitätsprincip)—сужен. В делах о нарушениях (Uebertretungen) прокурор возбуждает преследование только при наличности публичного интереса; дела о проступках («Vergehen») при отсутствии публичного интереса, могут быть прекращены по заключению прокурора.

Участие прокуратуры в делах, разбираемых судьями единолично или совместно с шэффенами,—не обязательно.

Альтернативное использование способов обжалования—или апелляционного или ревизионного—устанавливается и в уголовном процессе. При этом апелляция в делах о нарушениях и частно-уголовных допускается только по поводу явно неправосудного решения, ревизия же [1]), когда публичный интерес требует разрешения дела высшею инстанциею. Жалоба в порядке ревизионном приносится в Имперский Суд. Отмена вердиктов судов с присяжными возможна только в порядке ревизионном.

Как и в гражданских делах, суды не обязаны давать пространной мотивировки решения.

Система уголовных судов подвергнута таким изменениям. Уголовные отделения Земских Судов упраздняются в качестве судов первой инстанции; они продолжают действовать как апелляционные в составе двух судей и трех шэффенов. Суды с присяжными заседателями, по проекту, рассматривают дела в составе одного судьи и шести присяжных.

Суд шэффенов—первая инстанция—по прежнему составляется из одного судьи и двух шэффенов, но в особо важных или трудных делах он пополняется еще одним судьей.

С введением реформы в жизнь осуществится значительная децентрализация правосудия и представится возможность сократить персонал судебных работников. Имперский суд будет занят исключительно делами принципиальной важности, требующими правотворческой деятельности. Ему теперь присваивается право, как предлагал в свое время Цейлер, издавать свои решения с обязательной силой закона.

Высшие Земские Суды окажутся сильно разгруженными; как и Имперский, они могут быть значительно сокращены.

Земские суды окажутся вовсе лишними; проект предлагает их упразднить, а их Уголовные и Гражданские Отделения распределить по более крупным участковым судам, чем будет достигнута значительная экономия.

Сообразно с этим, Участковые суды (Amtsgerichte) должны быть переименованы в Окружные (Bezirksgerichte), а Высшие Земские Суды (апелляционная инстанция по гражданским делам) в «Высшие Суды».

При Окружных судах, таким образом, будут состоять для гражданских дел: апелляционные отделения и торговые отделения; для уголовных: шэффенские суды, шэффенские отделения и суды присяжных, компетенция которых может охватывать несколько судебных округов.

Как и следовало ожидать, проект министра Шиффера уже встретил возражения в печати. Д-р Орглер, поместивший по этому поводу статью во «Frankfurter Zeitung» от 11-го января с. г., находит проект малодемократичным, фактически сводящим к минимуму значение суда присяжных и притом не достигающим своей главной цели—экономии.

Судебный аппарат, по мнению д-ра Орглера, вовсе не разросся за последнее время в той мере, в какой разрослись другие ведомства. Сокращение его, поэтому, будет крайне болезненно и в ущерб делу правосудия.

В виду того, что уволенные в отставку судьи должны будут, согласно закона, сохранить 4/5 своего содержания—экономия будет ничтожной.

---

[1]) О значении ревизии в Германии см. Н. Полянский «Юридическая природа кассации по У. П. К.» в «Право и Жизнь», 1924 г. № 1.

Орглер упрекает Шиффера за излишнюю, ничем не об'ясняемую поспешность в проведении проекта. Для того, чтобы получить действительно жизненную реформу, ее необходимо подвергнуть широкому обсуждению, не проводить в особом порядке, как предполагает министр, а непременно внести на рассмотрение рейхстага нового созыва.

С. Антимонов.

Реформа органов административной юстиции во Франции.

1. Государственный Совет.

Настоятельная необходимость реформы Государственного Совета ощущалась уже давно. Основная задача реформы заключалась в создании таких условий, которые обеспечивали бы быстроту решения дел в Государственном Совете. Из данных, приводившихся в палате депутатов, было видно, что ежегодная пропускная способность Государственного Совета меньше, нежели количество вновь поступающих дел. Так, на 15 авг. 1921 г. остаток нерешенных дел составлял 6.427 дел; за время с 15 авг. 1921 г. по 15 авг. 1922 г. поступило 3.294 дела; между тем как за тот же промежуток времени было разрешено всего лишь 3.122 дела, т. е., таким образом, остаток нерешенных дел увеличился еще на 172 дела. Неудивительно, поэтому, что некоторые дела тянутся по пять-шесть лет.

Первоначальный проект реформы Государственного Совета был внесен правительством в Палату Депутатов еще в конце 1919 г. В середине 1920 г. он был вотирован Палатой Депутатов по докладу комиссии законодательных предположений с совершенно незначительными поправками. Однако, в Сенате проект не собрал большинства голосов и был передан для переработки в Комиссию по вопросам общей администрации. Повидимому, основанием к отклонению правительственного проекта послужило нежелание сената увеличить число государственных советников.

Переработанный сенатской комиссией проект, сохраняя число государственных советников, предусматривал только перераспределение их по секциям. Новый проект был вотирован Сенатом 23 января 1923 г. и без прений принят Палатой Депутатов 1-го марта т. г.

Реформа, произведенная этим законом, заключалась, главным образом, в предоставлении подсекциям права окончательного решения дел. По новому закону секция административной юстиции состоит из председателя и двенадцати ординарных государственных советников (вместо прежних девяти) и распадается на две подсекции (вместо прежних трех), причем подсекциям предоставлено право окончательного решения всех дел. По прежнему закону право решения дел было предоставлено только секции, а по делам о превышении власти (récours pour excès de pouvoir) только общему собранию Государственного Совета. Однако, единство направления административной юстиции обеспечивается тем, что всякое дело может быть из подсекции перенесено в секцию и в общее собрание, если того потребуют вице-председатель Государственного Совета, председатель секции, сама подсекция или отделение, или правительственный комиссар. Отделения секции (числом четыре) организованы для ведения подготовительной работы до слушания дела в подсекции.

Далее, новый закон устанавливает предельный возраст для государственных советников в 75 лет и, во избежание недоразумений, оговаривает, что этим не устанавливается принцип несменяемости государственных советников, т. к. до этого возраста государственные советники могут быть отзываемы, как и раньше, декретом Президента, принятым в Совете Министров.

2. Советы префектур.

Неудовлетворительная организация и деятельность советов префектур давно уже поставила на очередь и вопрос об упразднении их. Попытки паллиативного решения вопроса путем увеличения окладов жалования советникам префектур (декрет 1920 г.) ни к чему не привели. Необходимость срочной ре-

формы ощущалась настолько остро, что при обсуждении бюджета на 1921 г. Палата Депутатов вынесла пожелание о том, чтобы в течение года советы префектур были упразднены и их место заняли бы областные административные трибуналы, числом 26. Впрочем, это пожелание не встретило сочувствия Сената. Тем не менее, в середине 1921 г. правительство внесло в Сенат соответствующий законопроект, который предусматривал упразднение советов префектур и учреждение взамен их административных советов, число и территориальная подсудность коих соответствовали апелляционным судам. В отличие от советов префектур компетенция административных советов была значительно расширена; им было предоставлено окончательное решение даже некоторых из тех дел, которые до сего времени были подсудны непосредственно Государственному Совету. Однако, комиссия законодательных предположений Сената не согласилась с основными положениями этого законопроекта и переработала его на новых началах: признавая необходимость упразднения советов префектур, комиссия предлагает передать все функции советов префектур, как органов административной юстиции, гражданским судам первой инстанции, с тем, однако, чтобы гражданские суды рассматривали административные дела в особых присутствиях и с соблюдением особых правил административного процесса и с тем еще, чтобы на все решения гражданских судов по административным делам допустимы были апелляции в Государственный Совет. Соответствующий доклад комиссии был разработан в самом конце 1922 г. и в общем порядке представлен в Пленум Сената. Интересно отметить, что эта точка зрения сенатской комиссии пытается ввести совершенно новое начало в организацию французской административной юстиции, а именно — подчинить, хотя и в несовершенной форме, акты администрации контролю общих судов.

А. К.

Французский законопроект об обязательном участии в выборах.

Комиссией по всеобщему избирательному праву разработан и представлен в Палату Депутатов проект, вводящий обязательное участие граждан в выборах. Проект комиссии снабжен обширной об'яснительной запиской, принадлежащей перу проф. J. Barthélemy. Проф. Barthélemy выдвигает в своем докладе три вопроса: во-первых, *правомерно* ли введение обязательного участия в выборах; во-вторых, *своевременно* ли оно, и в третьих, может ли быть оно *осуществлено*. Что касается правомерности введения обязательности участия в выборах, то этот вопрос разрешается следующими соображениями: независимо от того, является ли избирательное право граждан функцией или правом, оно предоставлено гражданам государством в интересах общих, а посему закон в принципе, с точки зрения общих начал права, может *принудить* граждан осуществлять свое избирательное право.

Также положительно разрешается и второй вопрос. *Своевременность* введения обязательности участия граждан в выборах вызывается тем кризисом выборов, который испытывается Европой. Так, например, в Англии, во время выборов 1918 г., процент избирателей, не участвовавших в выборах, достигал 50,7%; во время ноябрьских выборов 1920 г. процент этот понизился до 30%; во Франции, во время выборов 1919 г., процент избирателей, уклонившихся от участия в выборах, также составлял 30%; в Финляндии же, при июльских выборах 1922 г., процент избирателей, участвовавших в выборах, составлял для Гельсингфорса 29%, а для Выборга 22,8%. Абсентеизм избирателей представляет серьезную опасность для государства. Необходима решительная борьба с индифферентизмом избирателей. В политических интересах государства важно привлечь широкие массы избирателей к участию в выборах. Обязательное участие в выборах является логическим завершением всеобщего избирательного права. В ряде государств обязательность уча-

стия граждан в выборах уже осуществлено: в некоторых кантонах Швейцарии, в Центральной и Южной Америке, в Венгрии (по декрету 1922 г.), в Дании, в Испании, в Голландии (по конституции 1917 г.), в Чехословакии (по конституции 29 го февраля 1920 г.) и в Бельгии (еще с 1893 г.). Наконец, и во Франции принцип обязательного участия в выборах находит уже свое частичное осуществление при выборах в Сенат. Делегатам муниципальных советов и их заместителям грозит штраф в 50 фр., если первые не уведомят своих заместителей о невозможности участвовать в выборах, а вторые не явятся своевременно на выборы.

Практическое *осуществление* обязательного участия в выборах не представляет серьезных затруднений. Конечно, избирателей не будут насильно тащить к урнам. Уклонение от участия в выборах может караться двумя видами санкций: санкциями моральными и санкциями имущественными. Моральные санкции заключаются во 1) в выговоре, во 2) в опубликовании имен избирателей-абсентеистов, в 3) в лишении (временном или окончательном) избирательного права и в 4) в лишении jus honorum (т.-е. в воспрещении занимать какие-либо должности на государственной и общественной службе, в лишении права получать знаки отличия и т. д.

Имущественные санкции носят характер штрафа.

Таково в общих чертах содержание об'яснительной записки.

Сам же законопроект комиссии не велик и состоит из 10 статей. Первая статья провозглашает осуществление избирательного права гражданским долгом. Проектируемая обязательность участия в выборах распространяется на выборы в Палату Депутатов, в департаментские советы, в окружные советы и муниципальные советы. При уклонении от участия в выборах имена избирателей-абсентеистов публикуются во всеобщее сведение путем вывешивания особых об'явлений на дверях мерий. При рецидиве избиратель-абсентеист уплачивает дополнительно еще штраф в размере 5 фр. При втором рецидиве, кроме штрафа, с избирателя-абсентеиста взыскивается еще 5% с суммы годового подоходного налога. При третьем рецидиве, кроме указанных санкций, избиратель-абсентеист исключается на 5 лет из избирательных списков, лишается на тот же срок jus honorum и в течении того же срока уплачивает ежегодно еще 5% общей суммы годового подоходного налога. Санкции эти не распространяются на избирателей старше 70 лет.

Вместе с тем законопроект предусматривает меры к облегчению передвижения избирателей, находящихся вне места выборов, к избирательным пунктам: в частности эта мера распространяется на рабочих, находящихся на работах в других коммунах.

А. К.

Борьба с наркоманией в Италии.

18 февраля 1923 г. в Италии опубликован закон, имеющий целью борьбу с распространением и употреблением наркотических веществ. Согласно этому закону подлежит уголовной ответственности тот, кто, не имея специального разрешения, продает или иным путем снабжает население кокаином, морфием (или их препаратами) и вообще ядовитыми веществами, которые в малых дозах имеют одурманивающее действие. Наказание: тюрьма от 2 до 6 мес. и штраф от 1.000 до 4.000 лир. Тем же наказанием обложено хранение указанных выше веществ с целью сбыта. При рецидиве наказание усиливается.

Тем же наказаниям подлежат фабриканты и торговцы химико-фармацевтическими предметами, снабжающие наркотиками лиц, не имеющих права на приобретение таковых.

Тюрьмой от 3 до 7 месяцев и штрафом от 1.500 до 5.000 лир караются те, кто, имея право на продажу медикаментов, отпустят без рецепта или в количестве, превышающем указанное в рецепте, наркотические вещества.

В тех случаях, когда наркотики были отпущены или проданы несовершеннолетнему, наказание увеличивается в размере от одной трети до половины.

Штрафом от 2 до 5 тыс. лир караются врачи, которые, при прописке наркотиков, не укажут в рецепте имени и места жительства больного, которому вещества эти прописаны в качестве лекарства.

Тюрьмой от 3 до 6 месяцев и штрафом от 1.000 до 4.000 лир караются те, которые предоставят свое помещение (публичное или частное) за вознаграждение или безвозмездно для собраний лиц, употребляющих наркотики в целях одурманивания себя.

В отношении всех указанных выше преступлений не допускается применение условного осуждения.

Участники собраний, где производится употребление наркотиков караются штрафом от 1.000 до 5.000 лир.

Во всех случаях осуждения за преступления, предусмотренные законом 18 февраля 1923 года, суд обязан опубликовать за счет осужденного приговор в газете, имеющей наибольшее распространение в той местности, где преступление было совершено.

Реформа уголовного законодательства на с'езде итальянских ученых.

В апреле 1923 г. в Италии (в Катанье) состоялся С'езд, представляющий собой очередную сессию „Итальянского Общества содействия прогрессу науки" и посвященный вопросу о реформе уголовного права.

На С'езде прочитан был ряд докладов, в том числе: проф. Ланца „Проект Ферри и гуманистические начала в наказании"; Буонкоре: „Преступления толпы"; Бенената: „Работы комиссии по реформе уголовно-военного права"; Пелегрини: „Организация работ в местах заключения"; проф. Каррара: „Воздействие на преступников соответственно их антропологическим свойствам".

С'ездом был принят ряд постановлений, из которых наиболее существенными и интересными являются следующие:

По вопросам материального права С'езд высказался за сохранение существующих положений о вменяемости и ответственности, но в то же время считает необходимым усилить значение мер безопасности и организовать их, как составную часть карательной системы. Далее, признано необходимым расширение свободы судьи при назначении наказания, (при чем должен приниматься во внимание, главным образом, мотив преступления), а также более широкое применение условного досрочного освобождения и усиление мер, применяемых в отношении рецидива и привычной преступности.

В области процессуального права С'езд высказался за организацию особой магистратуры по делам о несовершеннолетних, за проведение законом специализации судей, которые ведали-бы исключительно уголовные дела, за отмену апелляции по уголовным делам, за отмену судов присяжных и замену их судами, состоящими исключительно из судей-профессионалов, а также за отмену всякого рода специальных судов, в том числе и военных. Признано также желательным введение дополнительного обвинения, право на которое принадлежало-бы каждому гражданину (actio popularis).

По вопросам пенитенциарной политики С'езд принял, что реформе уголовного законодательства должна предшествовать реорганизация тюремного дела, при чем должны быть приняты следующие положения. В местах заключения должны быть организованы учреждения для антропологического изучения заключенных; исполнение наказаний должно быть индивидуализировано в соответствии с психо-антропологическими особенностями преступников; необходимо отделение несовершеннолетних и организация для них особого режима, главным образом построенного на педагогических началах; дача заключенным профессионального образования в соответствии с их возрастом и индивидуальными наклонностями; присоединение к тюремной работе школьного образования; освобождение интеллигентных от работ, оказывающих деградирующее влияние и приспособление этих заключенных к работам соответственно их способностям и привычкам. Наконец, С'езд, отмечая недостаточную активность обществ, патро-

ната и невозможность для освобожденных из тюрем найти работу, рекомендует предоставление этим категориям лиц работы при тех местах заключения, откуда они были освобождены.

Итальянский конгресс охраны детства 1923 г.

В мае 1923 г. состоялся в Риме национальный Конгресс помощи беспризорным и испорченным несовершеннолетним. Из прочитанных на конгрессе докладов наиболее интересны: проф. Карневале „Несовершеннолетние преступники в предположенной реформе уголовного права"; Спалланцани „Статистические данные о испорченных несовершеннолетних"; проф. Терезы Лабриола „Исправительное воздействие на несовершеннолетних и система попечительного надзора"; Джанини „Развитие в Италии О-в патроната для несовершеннолетних"; Ирены де Бонис „Скорая помощь уличным детям".

Открытие польского Социологического Института.

В Познани (Польша) основан Социологический Институт, директором которого является профессор Чикагского Университета Флориан Занецкий. Из вопросов, разрабатываемых Институтом, наиболее интересны следующие: социальные условия публичного воспитания; новейшая эволюция семьи; эволюция социальных функций женщины в семье и в общественной жизни; преступность и в частности преступность несовершеннолетних в связи с войной.

Изучение заключенных в итальянских тюрьмах.

По образцу Бельгии, организовавшей при тюрьмах антропологическое изучение преступников, предприняты шаги в этом направлении и в Италии, где, в виде опыта, при местах заключения Перуджии предпринято соответствующее обследование и изучение заключенных.

Смягчение наказуемости за аборт во Франции.

27 марта 1923 года во Франции издан закон, смягчающий наказуемость аборта. Для беременной, совершившей аборт, назначается тюрьма от 6 месяцев до 2-х лет и штраф от 500 до 10.000 франков; для остальных лиц (в том числе и лиц медицинского персонала) наказание назначается в виде тюрьмы от 1 до 5 лет и штрафа от 500 до 10 тысяч франков. В виду понижения наказуемости аборта, дела эти изъемлются из ведения суда присяжных заседателей.

М. Гродзинский.

Криминалистический музей берлинской полиции.

Одним из самых крупных криминалистических полицейских музеев является, несомненно, Берлинский.

В Берлинском музее нет систематически подобранных коллекций, на которых можно бы изучать преступность во всем ее объеме, зато богато представлены такие виды преступлений, которые может создать лишь исключительная преступная фантазия.

В музее проведено деление предметов преимущественно по роду преступлений. Имеются большие и хорошо выполненные фотографии убийц до революции и после нее, при чем можно наглядно видеть, какой юной молодежью представлены современные убийцы в отличие от дореволюционного времени. Особенно знаменитые убийцы не только сфотографированы, но и запечатлены в особых слепках их голов и фигур (голова одного из них представлена даже в двух видах: при жизни и после казни). Имеются и орудия преступления исключительные по своей редкости.

Богато представлены орудия преступлений (воровства и грабежа), при чем в соответствии с развитой немецкой техникой, здесь много весьма сложных и исключительных по форме орудий взлома, револьверов и т. п.

Богата коллекция орудий аборта, причем следует отметить, что тех примитивных предметов, которые собраны

в знаменитой коллекции, демонстрированной на выставке во время последнего VII Международного Угол. антр. конгресса в Берлине, нет. Наоборот, здесь имеются сложные шприцы и даже препарат с печатной рекламой о его безвредности и т. п.

Исключительна по своему разнообразию и болезненной фантазии коллекция садизма и мазохизма. Всевозможные, унизанные колючками ремни, пояса, намордники, плети, палки, клетки для мучимых людей и даже особое, унизанное иглами, подобие кровати.

Фотографии берлинских растлителей окружены буквально венками из фотографий детей—до того богато было их преступное прошлое. Богата коллекция замаскированного огнестрельного оружия в виде тросточек, палок и т. п.

Имеются также коллекции приспособлений по изготовлению фальшивых монет, марок и даже редких книг с клише и портативными печатными станками. Период запрещения спиртных напитков (время войны) представлен самогонными аппаратами.

В „общей", так сказать, части имеются отделы дактилоскопии, фотографирования, антропологии и проч.

Довольно богато собрание орудий смертной казни от древних времен до гильотины.

Сфотографированы, особо выдающиеся по способу, случаи самоубийств и, наконец, полиция нравов представлена альбомом проституток довоенного периода.

Того, что имеется в русских музеях: диаграмм, картограмм и т. п., здесь нет совершенно и дань теории отдана ввиде хорошо выполненных голов типов убийц разных рас: французов, германцев, монголов, славян и т. д., видимо, по Ломброзо.

При музее имеются оборудованные по последнему слову техники комнаты для ознакомления с воровскими приемами, с дактилоскопией и проч.

Д. Р—н.

ОПЕЧАТКИ.

В книге 1-й журнала допущены следующие опечатки:

Стр.	Строка.	Напечатано.	Следует читать.
51	11 сверху	большее	большое
62	14 »	Die Neue Ordnung	Die Neuordnung.
69	6 »	logiens	logicus.
72	6 снизу.	условии	условиях
73	1 »	процессуальной техники	процессуальной психологией и процессуальной техникой,
112	1 ст-б. 21 »	социальной	специальной
»	2 » 12 сверх.	единство	единственно
118	» » 11 снизу	невменяем	несменяем
119	1 » 18 »	руководясь приемом,	руководясь приемом captatio benevolentiae,

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр.
I.	Владимир Ильич Ленин	3
II.	Проф. **А. М. Винавер.** Продажа с рассрочкой платежа	6
III.	Проф. **В. И. Серебровский.** Страховой интерес в Гражд. Код. РСФСР	16
IV.	Проф. **М. Н. Гернет.** Первая русская лаборатория по изучению преступности	26
V.	Проф. **А. А. Жижиленко.** Преступления против половой неприкосновенности по Угол. Код. РСФСР	34
VI.	Проф. **Н. Н. Полянский.** Формула приговора по ст. 334 УПК (в связи со ст. 319).	49
VII.	Письмо в редакцию. Бесспорный вопрос кооп. права. (По поводу ст. Г. Колоножникова «Эволюция русского кооп. права» в № 4 журн. «Право и Жизнь») **В. Поволоцкий**	60
VIII.	Библиография. «Revue du droit public» 1923 г., № 1 и № 2 **А. Кейлин.** Проф. Н. И. Палиенко. Конфедерации, федерации и союз советских социал. республик. Со вступительной статьей М. Ветошкина. Проф. **Б. Д. Плетнев.** Проф. А. А. Соколов. Проблемы денежного обращения и валютной политики 1923 г. Проф. **А. А. Мануйлов.** Кураев В. И. Детские правонарушения в Москве. Прилож. к № 9 журнала «На путях к новой школе». 1923 г. проф. **М. Гернет.**	61
IX.	Законодательная хроника. По поводу одной анкеты. **Ал. В.**	71
X.	Из иностранной жизни. Американский институт права. Проф. **Н. Полянский.** К предстоящей судебной реформе в Германии. **С. Антимонов.** Реформа органов административной юстиции во Франции. Французский законопроект об обязательном участии в выборах. **А. К.** Борьба с наркоманией в Италии. Реформа уголовного законодательства на с'езде итальянских ученых. Итальянский конгресс охраны детства 1923 г. Открытие польского Социологического Института. Изучение заключенных в итальянских тюрьмах. Смягчение наказуемости за аборт во Франции. **М. Гродзинский.** Криминалистический музей берлинской полиции **Д. Р-н.**	73

Н. К. Ю.

Юридическое издательство.

Москва, Кузнецкий Мост, 7. Тел. 1-05-62.

Выпускаются периодические издания:

„Еженедельник Советской Юстиции“.

Подписная плата на 1924 г.: на год—11 р. 50 к. зол. на 6 мес.—6 р. 50 к. зол.

„Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства“.

Подписная плата на 1924 г.: на 1-й отдел: на год—12 р. зол. на 6 мес.—6 р. зол.
Подписная плата на 2-й отдел: на год 6 р. зол.; на 6 мес.—3 р. 50 к. зол.

„Революция и церковь“.

Подписка принимается. Имеются №№ за 1922 и 1923 г. г.
Печатается № 1 за 1924 г.

Имеются в продаже:

Юридический календарь на 1924 г.—2 р. 25 к. з. в картонном переплете и 2 р. 50 к. зол. в каленкор. перепл. **Крыленко**—„Судоустройство РСФСР“. Лекции по теории и истории судоустройства 3 р. **Проф. Познышев** „Очерк основных начал науки уголовного права“. Ч. 1 и 2—по 2 р. 25 к. **Вроблевский**—„Постатейный комментарий к Угол.-Процессуальному Кодексу“—3 р. **Коваленков**—„Руководство для прокуратуры“—1 р. 25 к. **Проф. Люблинский**—„Борьба с преступностью в детском и юношеском возрастах“—2 р. 35 к. **„Справочник по земельному кодексу“**—1 р. **„Конституция РСФСР“**—60 к. **Я. Л. Берман**—„Очерки по истории судоустройства РСФСР“—55 к. **Красиков**—„На церковном фронте“—1 р. 25 к. **Гидулянов**—„Церковь и государство“—80 к. **Д-р Лейбович**—„Практическое руководство по судебной медицине“—1 р. 35 к. **Проф. Магеровский**—„Союз Советских Социалистических Республик“ (обзор и материалы) 1 р. 50 к. **Стучка**—„Советская Конституция (СССР и РСФСР) в вопросах и ответах“—50 к. **Барсегянц** „Постатейный комментарий к Положению о государственном промысловом налоге“—2 р. 35 к. **„Собрание кодексов РСФСР“**—Без перепл.—4 р. 25 к., в перепл. 5 р. 55 к. **Алфавитно-предметный указатель к собр. кодексов**—1 р. 25 к. **Енишерлов, Корнев, Малченко**—„Комментарий к Уставу жел. дор.“—1 р. 90 к.

На складе имеются кодексы: Земельный, Трудовой, Уголовный, Уголовно-Процессуальный, Гражданский, Гражданский Процессуальный, Лесной. Карманные издания Уголовного Кодекса с Уг.-Процессуальным и Гражданского Кодекса с Гражданским процессуальным. Устав о гербовом сборе. Положение о судоустройстве. Положение о нотариате. Комментарии к кодексам и к отдельным частям кодексов. Литература по всем отраслям юридических знаний.

В магазине издательства большой выбор литературы по марксизму, истории, политике, экономике, философии. Антирелигиозная литература. Учебники по разным отраслям права дореволюц. изданий. Портреты вождей.

На складе изданий: **ЦИК, СССР и ВЦИК, Украинского Наркомюста, „Новой Деревни“ НКЗ, Госиздата, Социалистической академии, Всерокомпома, РИО ВСНХ и др.**

Заказы направлять непосредственно в контору издательства.

Москва, Кузнецкий Мост, 7.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1924 год

на двухнедельный журнал

„РАБОЧИЙ СУД“

2-й ГОД ИЗДАНИЯ.

ОРГАН ЛЕНИНГРАДСКОГО ГУБЕРНСКОГО СУДА.

Постоянные отделы:

Статьи и очерки по всем вопросам Советского права.—Заметки судьи, прокурора, следователя и защитника.—Из залы суда.—Касационная практика.—Заметки по вопросам практики.—Обзор печати.—Библиография.—Заграницей.—Из материалов следствия и дознания.—Жилищное дело.—Из жилищной практики—раз'яснения и ответы на запросы.—Страховое дело.—Обзор законодательства и обязательных постановлений.—Официальный отдел.—Приказы и циркуляры.—Списки дел, назначенных к слушанию в гражд. и угол. Суд. Отдел. Губсуда.—Сводная таблица курсов червонца, золотого и тов. рубля.

«В РАБОЧЕМ СУДЕ» сотрудничают опытные ответственные работники на судебном и административном поприще, ответственные руководители в области коммунального хозяйства и страхового дела.

«РАБОЧИЙ СУД» — необходим, как руководство: государственным учреждениям, профсоюзам, кооперативным и частным организациям, промышленным и торговым предприятиям, арендаторам земельн. имуществ, домов, торговых и промышленных заведений и магазинов, завкомам, фабкомам и месткомам, жилищным товариществам.

«РАБОЧИЙ СУД»—настольная книга для советского юриста—судьи, прокурора, следователя, защитника и нотариуса.

«РАБОЧИЙ СУД»—пособие для каждого сознательного гражданина, дающее правовое освещение вопросов экономической, финансовой, промышленной и торговой жизни, разрешаемых судебной практикой.

«РАБОЧИЙ СУД»—юрисконсульт своих читателей: каждый подписчик может получить в журнале на письменный запрос официальный ответ на основании существующих законоположений.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА с доставкой и пересылкой: на 12 мес.—10 черв. руб., на 6 мес.—6 черв. руб., на 3 мес.—3 черв. руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в конторе экспедиции «Рабочий Суд», Проспект 25 Октября, д. № 84. Телеф. № 5-51-18.

000161939

ЮФ СПБГУ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1924 г.

„ПРАВДА“
12 мес. — 15 рублей.
6 мес. — 8 рублей.
3 мес. — 4 р. 25 к.
1 мес. — 1 р. 50 к.

„БЕДНОТА“
12 мес. — 10 рублей.
6 мес. — 5 р. 50 к.
3 мес. — 2 р. 85 к.
1 мес. — 1 рубль.

„ПРОЖЕКТОР“
12 мес. — 6 рублей.
6 мес. — 3 р. 25 к.
3 мес. — 1 р. 75 к.
1 мес. — 60 к.

„ПРЕДПРИЯТИЕ“
12 мес. — 12 рублей.
6 мес. — 6 рублей.
3 мес. — 3 рубля.
1 мес. — 1 рубль.

„Раб. Корреспонд.“
12 мес. — 5 рублей.
6 мес. — 2 р. 70 к.
3 мес. — 1 р. 40 к.
1 мес. — 50 к.

УСЛОВИЯ

ПРИ ОДНОВРЕМЕННОЙ ВЫПИСКЕ

ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛА:

„Правда“ и „Прожектор“	12 м.—20 р.	6 м.—11 р. —к.	3 м.—6 р. — к.	1 м.—2 р. 10 к
„Правда“ и „Предприят.“	12 „ —25 „	6 „ —13 „ — „	3 „ —7 „ — „	1 „ —2 „ 50 „
„Правда“ и „Раб. Корреспонд.“	12 „ —19 „	6 „ —10 „ — „	3 „ —5 „ 50 „	1 „ —2 „ — „
„Беднота“ и „Прожектор“	12 „ —14 „	6 „ — 7 „ 50 „	3 „ —4 „ — „	1 „ —1 „ 50 „
„Беднота“ и „Предприятие“	12 „ —20 „	6 „ — 9 „ 50 „	3 „ —5 „ — „	1 „ —2 „ — „
„Беднота“ и „Раб. Корреспонд.“	12 „ —14 „	6 „ — 7 „ 50 „	3 „ —4 „ — „	1 „ —1 „ 50 „

Означенные цены в червонном исчислении надлежит переводить по курсу дня высылки денег по адресу:

Главн. Контора „Правды“ и „Бедноты“

Москва, Тверская, 38.

Издания „ПРАВО и ЖИЗНЬ“

ПРОДАЮТСЯ:

в конторе Издательства „ПРАВО и ЖИЗНЬ“, ул. Кропоткина (б. Пречистенка), 17, и в главных книжных магазинах, складах и издательствах Москвы, Ленинграда, Харькова, Екатеринослава, Киева, Одессы, Ростова н/Дону, Курска, Орла, Самары, Иваново-Вознесенска, Екатеринбурга, Ярославля, Екатеринодара, Новороссийска, Баку, Тифлиса, Тюмени, Самарканда, Омска, Томска, Читы, Иркутска и др. городов.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ

издания „ПРАВО и ЖИЗНЬ“:

I.

Журнал «ПРАВО и ЖИЗНЬ за 1922 г. кн. 3, цена 80 к., за 1923 г. кн. 1, 2, 3, 4, ц. по 80 к. кн. 5—6, ц. 1 р. 20 к. кн. 7—8 и кн. 9—10, ц. по 1 р. 60 к. (книги 1 и 2 за 1922 г. распроданы). За 1924 г. кн. 1 — цена 1 р. 40 к.

II.

Сборник «ЗАКОНЫ О ТОРГОВЛЕ».

(Декреты и другие положения о внутренней и внешней торговле) Составили **С. А. Гуревич и Н. П. Дмитревский**, под редакцией проф. **А. М. Винавера, Н. К. Муравьева, В. Ю. Вольфа**. Томы I—IV (с общим предметным алфавитным указателем в т. III и IV). Цена первых 3-х томов по 2 р. за том. Цена т. IV—3 р.

III.

«ЗАКОНЫ О КООПЕРАЦИИ».

Систематический сборник декретов, постановлений, инструкций, примерных уставов и проч. Составил **А. М. Долматовский**, под редакцией проф. **А. М. Винавера**. Цена 5 р.

IV.

Проф. А. М. Винавер.

КУПЛЯ—ПРОДАЖА.

(Ст.ст. 180—207 Гражд. Кодекса и Постановления о продаже с рассрочкой платежа). Комментированное изд. Ц. 1 р. 20 к.

V.

Проф. И. Б. Новицкий.

ИМУЩЕСТВЕННЫЙ НАЕМ.

(Ст.ст. 152—179 Гражд. Код. в связи с другими законами РСФСР об имущественном найме). Комментированное издание. Цена 60 к.

VI.

Проф. И. Б. Новицкий.

З А Е М.

Текст и комментарий к ст.ст. 208—219 Гражд. Кодекса. Издание 2-е, исправленное и дополн. Цена 50 к.

VII.

Проф. А. Н. Трайнин.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

(Ст.ст. 126—141 Угол. Код.) 2-е комментированное издание, дополненное и измененное в соответствии с новой редакцией Угол. Код. Цена 90 к.

VIII.

С. П. Ордынский.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ.

Текст и Комментарий к ст.ст. 74—104 Угол. Код. Цена 60 к.

IX.

Проф. П. И. Люблинский.

О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ В УГОЛОВНОМ СУДЕ.

Практический комментарий к главе IV Угол.-Проц. Кодекса. Цена 80 к.

X.

Проф. П. И. Люблинский.

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

(Ст. ст. 146—164 Угол.-Проц. Кодекса) 2-е Комментированное издание, исправленное и дополненное. Цена 70 к.

XI.

А. С. Тагер.

КАССАЦИОННОЕ ОБЖАЛОВАНИЕ СУДЕБНЫХ ПРИГОВОРОВ.

Практич. комментарий, ст. ст. 344—350, 409—426, 400—408, 434—439 Уг. Проц. Кодекса. Цена 1 р. 30 к.

XII.

А. Ф. Кони.

САМОУБИЙСТВО В ЗАКОНЕ и ЖИЗНИ.

Цена 35 коп.

XIII.

Проф. Н. Н. Полянский.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС.

Сравнительный очерк новой и стар. редакции. Цена 45 к.

XIV.

Проф. П. И. Люблинский.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ

Комментированное издание. Ц. 50 к.

XV.

Проф. М. Н. Гернет.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ДЕТСТВА ЗА ГРАНИЦ. И В РОССИИ

Цена 80 к.

Главлит 18174. Тип. Центр. Т-ва „Кооперат. Изд-во“, Б. Дмитровка, 26. Тир